

КЕЖЕМСКАЯ
МАТЁРА

Красноярск 2019

УДК 94(571.51)(082)
ББК 63.3(2Рос-4Крн-5Кежемский)я43
Ж-66

По заказу КГАУ «Дом дружбы народов Красноярского края»

Кежемская матёра. – Красноярск: ООО РПБ «Амальгама», 2019. – 200 с.: ил.

Вторая книга воспоминаний о малой родине ангарцев, бывших жителей Кежемского района, выходит в год 400-летия г. Енисейска и 85-летия Красноярского края. Воспоминания охватывают в основном XX век и свидетельствуют о том, как важна малая родина для каждого человека. Книга адресована всем, кто интересуется историей Сибири, кто любит Сибирь.

ББК 63.3(2Рос-4Крн-5Кежемский)я43

ISBN: 978-5-906498-39-7

© Авторы, 2019
© КРОО СКРСС «Кежемское землячество»

Содержание

Предисловие.....	4
«МНЕ НЕ ЗАБЫТЬ ВОВЕК...».....	7
<i>К.К. Гафнер.</i> О СЕБЕ, ЗЕМЛЯКАХ, КОЛЛЕГАХ И О ВРЕМЕНИ.....	8
<i>В.Г. Брюханов.</i> ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕРЕВНЕ АКСЁНОВО.....	36
<i>Г.А. Дмитриева.</i> СЧИТАЮ СЕБЯ АНГАРКОЙ.....	38
<i>В.М. Львова.</i> ВСПОМИНАЯ СВОИХ РОДСТВЕННИКОВ.....	40
<i>В.Я. Заборцев.</i> МНЕ ЧАСТО СНИТСЯ АНГАРА.....	42
<i>Н.А. Шешина.</i> НАШ ПОСЁЛОК БОЛТУРИНО.....	46
<i>М.А. Замула.</i> Я РОДИЛАСЬ В СИБИРИ!.....	63
<i>Е.И. Бич.</i> БУДЬ, АНГАРА, ВО ВЕКИ ВЕКОВ БЛАГОСЛОВЕННА... ..	66
<i>А.Н. Кузнецов.</i> СЕМЕЙСТВО КУЗНЕЦОВЫХ (ТЕРЁХИНЫХ) ИЗ ПРОСПИХИНО.....	68
<i>З.А. Диких.</i> МИЛОЕ МОЕМУ СЕРДЦУ ПРИАНГАРЬЕ.....	78
<i>Н.В. Попов.</i> У МИНИНОГО РУЧЬЯ.....	85
<i>Н.Г. Флейшман.</i> ПАМЯТЬ СОХРАНИТ ТО, ЧТО БЫЛО ДОРОГО И ЛЮБО.....	88
<i>Б.П. Верховых.</i> КОДИНСКОЙ ЗАИМКЕ 85 ЛЕТ.....	90
ШКОЛА В МОЕЙ СУДЬБЕ.....	93
<i>Ю.П. Федяев.</i> ВОСПОМИНАНИЯ О КЕЖМЕ И КЕЖМАРЯХ.....	94
<i>М.И. Голубева.</i> 40 ЛЕТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТРУДА.....	98
<i>В.С. Локтионова.</i> ПРОСПИХИНСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА.....	101
<i>Ф.И. Славская.</i> ФРОЛОВО – РОМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД В МОЕЙ ЖИЗНИ.....	103
КЕЖЕМСКИЙ ОАО.....	111
ВОСПОМИНАНИЯ КЕЖЕМСКИХ АВИАТОРОВ.....	112
<i>О.И. Вавилова.</i> МЕЧТА О НЕБЕ.....	131
<i>Е.Ю. Калинина.</i> КАК ТОСКУЮТ РУКИ ПО ШТУРВАЛУ.....	134
<i>Ю.В. Салягин.</i> ХОЧУ СТАТЬ ЛЁТЧИКОМ.....	137
<i>Н.Ю. Воронцов.</i> КАК Я РАБОТАЛ В КЕЖЕМСКОМ АЭРОПОРТУ. 1980–1983	142
СЛОВО О РОДИНЕ.....	147
<i>О.Г. Шадрова.</i> ПРИАНГАРЬЕ РОДНОЕ... ..	148
<i>Л.Н. Рукоосуева.</i> ПОСВЯЩАЕТСЯ ДЕРЕВНЕ КАДЕ.....	149
<i>Н.В. Попов.</i> ПРОЩАНИЕ С АНГАРОЙ.....	151
<i>Л.И. Костина.</i> ГИМН АНГАРЦЕВ.....	152
<i>А.Н. Атаева.</i> АНГАРА МОЯ.....	153
ХРОНИКИ КЕЖЕМСКОГО ЗЕМЛЯЧЕСТВА (2014-2019).....	155
СОЗДАНИЕ КРОО СКРСС «КЕЖЕМСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО».....	156
ХРОНИКИ КЕЖЕМСКОГО ЗЕМЛЯЧЕСТВА. 2014-2019.....	157
<i>Авторы.....</i>	<i>167</i>

ПРЕДИСЛОВИЕ

«**К**ежемская Матёра» – вторая книга, выпущенная Кежемским землячеством по заказу КГАУ «Дом дружбы народов Красноярского края». В книгу вошли воспоминания ангарцев о своей малой родине, а также «новых» ангарцев – тех, кто оказался на Ангаре по разным причинам.

Первый раздел – «Мне не забыть forever» (строчка из стихотворения А.Ф. Карнаухова) – открывают воспоминания К.К. Гафнера, охватывающие более чем полувековой период: о том, как приняли немцев на Ангаре, ставшую для них второй родиной (многие из них считают себя ангарцами!), об учёбе и армии, о том, как пожалели молодого парня колхозники и не избрали его председателем колхоза (!), о развитии сельского хозяйства в Кежемском районе и людях, работавших в этой сфере...

Удивительна история семьи Кузнецовых из села Проспихино – настоящая семейная сага о судьбах четырёх поколений, начиная с 1860-х годов и по настоящее время. Глубокое впечатление производит образ прадеда – Михаила Терентьевича, который «не терпел никаких несправедливостей», его рассказ о том, как всем миром спасли его сына (на долю которого потом выпала Великая Отечественная), как переживал прадед о будущем своих внуков («как вы будете дальше жить...»), потому что, казалось ему, ленятся они... И воспоминания его правнучки (З.А. Диких) – словно ответ на переживания прадеда: не подвели внуки, выросли хорошими людьми...

Как и в первой книге воспоминаний, в «Кежемской Матёре» звучит тема о трагических судьбах крестьян в тридцатые годы, горечь утраты. И благодарность Ангаре: за то, что приняла, что выжили.

В книгу вошли воспоминания и бывших жителей посёлка Болтурино Передала их Надежда Шешина (правнучка М.Т. Кузнецова!) на юбилее Кежемского района в Кюдинске (2017 год). Подкупает в них желание рассказать о жителях посёлка, никого не забыть и, конечно, бросается в глаза множество фамилий, не характерных для Приангарья. И это не случайно, ведь посёлок Болтурино возник в послевоенное время как место ссылки, но как здесь переплелись судьбы...

И очень дорога нам, ангарцам, эта любовь к нашей родине тех, кто оказался здесь не по своей воле, но полюбил Ангару, а родина и Ангара для ангарцев – неразделимы...

Так сложилось, что все авторы раздела о школе приехали на Ангару по распределению в разное время, но всех их объединяют тёплые и благодарные воспоминания. В Дивногорске живёт Ювиналий Павлович Федяев, известный и уважаемый в городе человек. Его воспоминания передала нам дочь Татьяна, и фраза, с которой они начинаются: «Посчастливилось быть мне и моей семье кежмарями», – не нуждается в комментариях. С дочерью они бывают на наших мероприятиях (кежмари помнят эту семью), а Ию Клавдиевну Федяеву, учителя русского языка и литературы, и сегодня вспоминают добрым словом её ученики, уже очень взрослые люди.

Мария Ивановна Голубева, всю жизнь проработавшая в системе образования Кежемского района (ушла из жизни в 2016 году), посвятила свою статью Виктору Васильевичу

Умрихину, человеку неординарному и известному на весь район. Проспихинцы гордились своей школой, и в этом была огромная заслуга директора.

Думается, панорама школьной жизни в этих воспоминаниях, хорошо знакомая моему поколению, станет «открытием» для наших внуков, и позволит им лучше узнать, какой была советская школа.

Получила продолжение и «авиационная» тема, что совсем не удивительно для кежмарей, поскольку самолёт в Кежемском районе был обычным видом транспорта. А первый самолёт ангарцы увидели ещё в 1920-е! В небольшой заметке в «Красноярском рабочем» (за 4 октября 1928 года) сообщалось: «Самолёт «Моссовет» вылетел в Кежму на спасение профессора Кулика» (в первой книге есть несколько воспоминаний, связанных с исследователем Тунгусского метеорита).

К 1938 году в крае было налажено «регулярное воздушное сообщение между Красноярском и Дудинкой, Красноярском и Турой, Кежмой, Мотыгино». В 1941 году в Енисейскую авиагруппу ГВФ входило 14 аэропортов, в том числе аэропорт Кежма 4-го класса. Интересно, что в 1942-1944 годы начальником Кежемского гидропорта был знаменитый полярный лётчик Я.С. Липп, дети и внуки которого также связали свою жизнь с красноярской авиацией, а в 1960-1970-е годы в аэропорту Кежма вместе с мужем работала Лидия Яновна Липп (по мужу Устинова). Семья Устиновых жила в Авиагородке (микрорайон Кежмы).

1 января 1946 года было создано Красноярское Управление ГВФ, а 3 января – Кежемский аэропорт. В 1950-е приходит поколение, чьё детство выпало на войну, у многих (среди них и мой отец, Цедилин Леонид Георгиевич) – погибли или пропали без вести отцы. Это поколение лётчиков училось мастерству у военных лётчиков, составлявших костяк Кежемского отряда.

Среди молодого пополнения 1950-х – Геннадий Фёдорович Туров (1932-2015), уроженец г. Томска, окончил авиационную школу в Красноярске, затем Бугурусланское ЛУ ГВФ (1952), был направлен в Красноярское Управление ГВФ, где его распределили в Кежму пилотом самолёта По-2. Вместе с ним в Кежемский отряд прибыли пилоты Ю.С. Куркин и Н.Е. Цыганков. И все трое стали кежмарями! В ноябре 1953 года Геннадий Фёдорович женился на ангарке Евдокии Кузьминичне Брюхановой. Событие отмечалось в тесной и дружной компании пилотов, тамадой был командир отряда, военный лётчик А.И. Садовой (при нём начал строиться Авиагородок). Г.Ф. Туров прошёл путь от рядового пилота до командира АЭ, затем - командира ОАО (1961-1972). Хорошо знал лётную работу и коллектив, пользовался огромным уважением, его отличали скромность и верность дружбе. При нём в 1963 году 131-й лётный авиаотряд был реорганизован в Кежемский объединённый авиаотряд (ОАО) МГА СССР, в состав которого входило 14 посадочных площадок и 2 приписных аэропорта (Ванавара, Богучаны).

В Кежемском ОАО сложились целые династии, и не случайно одна из земляческих встреч группы «Кежма» (в 2018-м) была посвящена этой теме. Среди тех, кто пришёл в авиацию, особенно в 1960-1970-е, было много ангарцев и детей пилотов: братья Столбиковы, Петриковы, Малыгины, Селивановы, В. Сайфутдинов, А. Лисицын, С. Цыганков и другие.

Кежемский ОАО не раз становился победителем краевых соревнований с вручением Переходящего Знамени Министерства авиации. Сегодня бывшие пилоты Кежемского ОАО летают по всему миру.

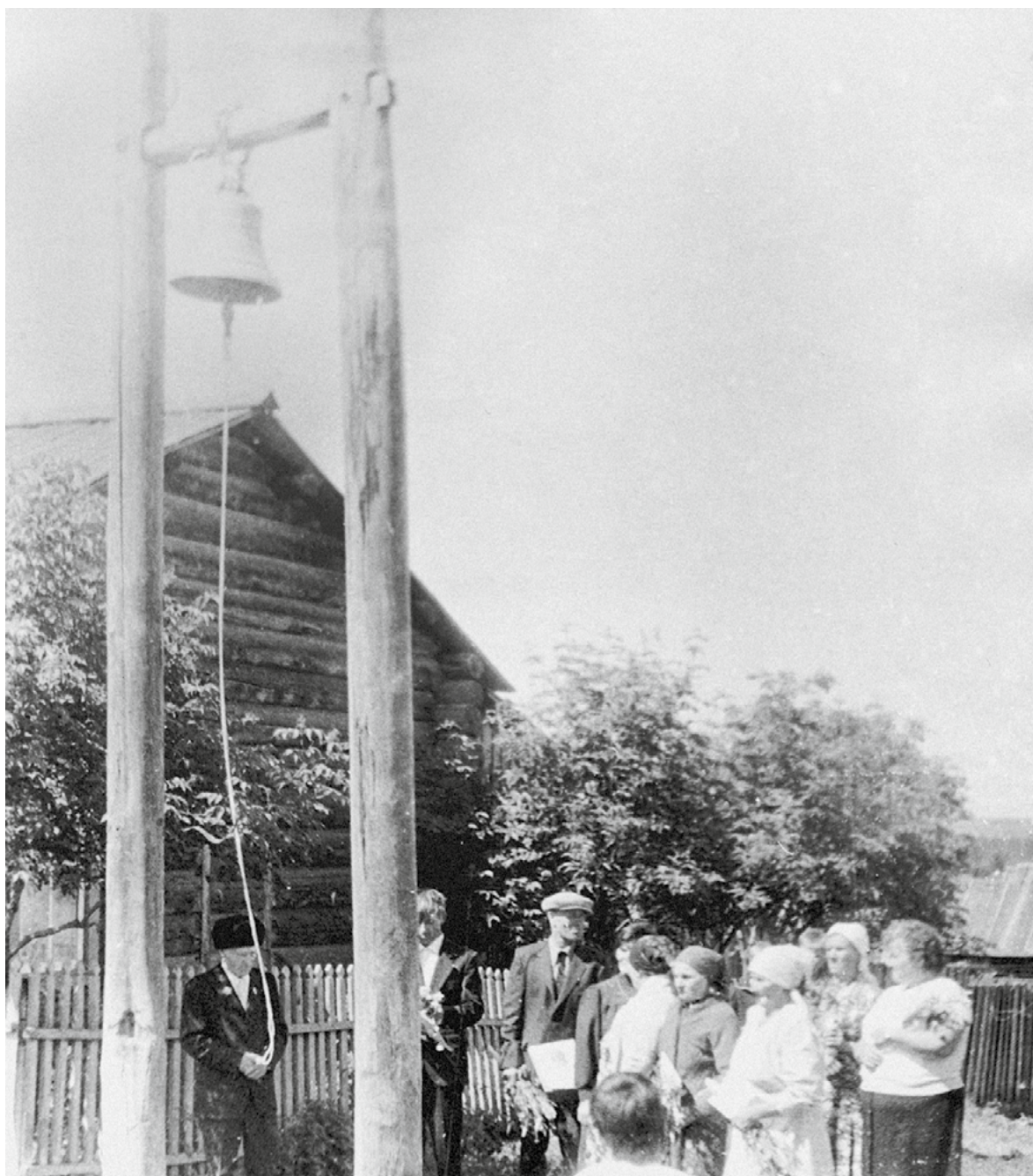
Воспоминания авиаторов (в одной статье объединены одиннадцать воспоминаний, собранных по инициативе С.А. Петрикова) представляют историю Кежемского ОАО с 1950-х годов до сегодняшних дней и являются яркой иллюстрацией к тому, как развивалась малая авиация в Красноярском крае, особенно в районах Крайнего Севера (к ним относится и Кежемский район).

Небольшой раздел книги посвящён творчеству ангарцев – стихам о родине. Удивительно, но Прощание с родиной породило феномен, который отмечают и исследователи. В частности, в одном из интервью об этом говорит Ольга Викторовна Фельде, доктор филологических наук, профессор Института филологии и языковой коммуникации СФУ, руководитель Лаборатории междисциплинарных исследований коммуникативного пространства и лингвокультур Енисейской Сибири: «Я не знаю других регионов, в которых бы так ярко и так массово проявилась тяга к СЛОВУ: сотни людей засели за мемуары, стали писать ностальгические стихи, родословные, дневники...» (газета СФУ «Сибирский Форум», октябрь 2019).

Завершают книгу «Хроники Кежемского землячества», которому в этом году исполнилось пять лет (фактически же землячество существует с конца девяностых). Сделано многое, но нас по-прежнему тревожит проблема сохранения идентичности ангарцев, преемственности поколений: будут ли наши дети и внуки помнить о малой родине своих предков, не забудут ли они о своих «корнях»... Надеемся, что книга отчасти поможет им сохранить свою «ангарскость», передаст им нашу любовь к родине, увековечит облик родины.

В книгу вошло тридцать восемь статей, большую их часть составляют воспоминания, собранные активом Кежемского землячества в 2015-2018 годы и отражающие в основном события второй половины XX века. Книга издана в год 85-летия Красноярского края и знакомит широкий круг читателей с историей и культурой русских старожилов Сибири (ангарцев), с историей Кежемского района – нашей малой родиной.

*Л.Л. Карнаухова,
Председатель Совета КРОО СКРСС «Кежемское землячество»*

«Мне не забыть
вовек...»

О СЕБЕ, ЗЕМЛЯКАХ, КОЛЛЕГАХ И О ВРЕМЕНИ

К.К. Гафнер

Когда я прочитал книгу «Живёт облик родины с нами» (2015 год), у меня возникло ощущение, что у этой книги по истории Кежемского района и воспоминаний некоторых жителей должно быть продолжение. Конечно, в одной книге в полной мере отразить жизнь Кежемского района даже за последние десятилетия невозможно. Думаю, что мне как прожившему всю дотрудовую и трудовую жизнь в районе (кроме выездов на службу в армию и на учебу) необходимо внести некоторую лепту для восполнения этого пробела, особенно по агропромышленному комплексу, по людям, отдавшим всю свою жизнь этой отрасли народного хозяйства. Считаю, что сельское хозяйство во все времена было и остаётся до сих пор самой непростой отраслью. Не случайно все правители государства, придя к власти, начинали реформы с сельского хозяйства. Как показала жизнь, далеко не всегда удачными.

Продолжить воспоминания просили меня бывшие коллеги по работе, земляки – инициаторы образования Кежемского землячества.

Для сведения читателя небольшая биографическая справка. Родился в Саратовской области, автономной республике немцев Поволжья, в декабре 1940 года; с лета 1942 года – в с. Паново Кежемского района, в 1955 году окончил Пановскую семилетнюю школу, в 1958 году – Кежемскую среднюю школу; с июля 1958 года по декабрь 1960 года – служба в рядах СА; 1961 год – учёба в училище механизации сельского хозяйства № 6 в с. Замятино Емельяновского района; 1962–1963 годы – механизатор колхоза «Пробуждение» с. Паново; 1964 год – учёба в школе руководящих кадров колхозов и совхозов, г. Красноярск; 1965–1973 годы – заведующий МТМ, главный инженер, управляющий Кежемского РО «Сельхозтехника». В 1961 году поступил на заочное отделение инженерного факультета Красноярского сельхозинститута, окончил его в 1967 году. С 1974 года по июль 1975 – главный инженер совхоза «Ангара» с. Паново; август 1975 – август 1979 – начальник районного управления сельского хозяйства с. Кежма; сентябрь 1979 – июнь 1981 – учёба в ВПШ г. Новосибирска; июль 1981 – 1990 – заместитель председателя Кежемского райисполкома; начальник районного управления сельского хозяйства; с 1991 по март 2001 г. – руководитель Кежемского районного комитета по земельным ресурсам г. Кодинска.

Судя по этим сухим календарным данным, всё шло само собой, по возрастающей карьерной лестнице. Но гладко на бумаге, а в жизни попадают овраги. Да и цели карьерной никогда не ставил. В то время о карьере говорить и даже думать было не принято, считалось неприличным. Это в новейшей истории стало модно заниматься саморекламой, самовыдвижением в руководители, в депутаты разных уровней. Хорошо это или плохо – покажет время, но когда криминальный болтун попадает во власть, это точно очень плохо.

Учился в школе я неплохо: отличником не был, но и троек было мало. Бывало, что кто-нибудь из сверстников по какой-нибудь причине, с определённой долей злости, называл меня немцем, я в ответ резонно отвечал: «Ну и чё? А ты – русский, чё ж ты,

русский, а учишься хуже меня?» По-моему, убийственный аргумент. На этом инцидент чаще всего заканчивался, имею в виду, что обходилось без драк, без мордобоя.

Мы, дети немецких семей, общались со многими местными русскими детьми и могли разговаривать на немецком и русском языках. Я у бабушки был переводчиком, когда ей необходимо было пообщаться с русскими соседками. А соседи у нас менялись часто, так как не было у нас постоянного жилья и надолго в одном доме не задерживались. По-моему, в Паново было меньше домов, в которых мы не жили, чем тех, в которых мы хоть какое-то время жили. Часто поселяли по несколько семей в одном доме. Зато довольно быстро познакомились почти со всеми жителями села.

Хочу назвать некоторых, кого помню из того далёкого детства: Гена Савватеев, определённую связь поддерживаю с ним до сих пор; отец его погиб на фронте, после Великой Отечественной войны его отчимом стал Крикау Фёдор Георгиевич, у которого родилось пятеро детей от матери Гены, Анны Михайловны, работавшей в колхозе дояркой, эти дети поочередно, в прямом смысле, росли на руках и плечах у Гены. Володя Роот, Витя Эккердт (Неязов), прозванный так за чрезмерное хвастовство («я не я»); братья Володя и Миша Пономарёвы (Тихоновых), Миша Пономарёв (Платон), Ваня Савватеев (Нарысь), Ваня Панов (Белый), Валера Домрачёв, Петя Панов (Ваченковых), Кеша Заборцев (Иркутский), Ваня Савватеев (Машош), Ваня Захряпин (Домнушкин).

Все семьи этих ребят были бедными, от нашей семьи отличались тем, что имели домашнюю живность (корову, поросёнка, кур). Однако они должны были сдавать государству налог: масло, мясо, яйца, шкуру свиньи, а если была овца, то и шкуру овцы. Так что после сдачи налога им оставалось не так уж много, учитывая, что продуктивность этой живности была тогда очень низкая. У меня от того периода воспоминание одно: я постоянно хотел есть, и всегда где-нибудь сидел чирей, иногда не один.

Были у нас дружеские отношения и с девочками-сверстницами: Наташей Крейк, Марусей Шмаль, Клавой и Ниной Быковыми, Ритой Брюхановой, Раей и Ниной Пановыми – почтовские, дочери начальника почты, Панова Василия Никифоровича, жившие от нас через дорогу. От них я впервые узнал, что такое зубной порошок и мятная зубная паста. Рая иногда ходила с нами на рыбалку на хариуса к загорной мельнице за четыре километра от Паново.

Развлечений в свободное время, особенно летом, у нас было немного. Это – лапта, очень похожая на бейсбол; калюкальцы; игра в городки, бабки. Бабки – это кости копыт свиней, лошадей, крупного рогатого скота. Их ставили по линии в квадрат, примерно два на два метра, и выбивали металлической квадратной битой с определённого расстояния. Кто больше выбьет, тот победитель. У победителя бабки можно было взять в долг. В зимнее время иногда собирались у кого-нибудь на квартире, чтобы поиграть в «черошное радио», так как тёплой одежды у многих детей не было, чтобы играть на улице. В более старшем возрасте зимой катались на самодельных лыжах и коньках, которые умудрялся делать старший брат Александр. У меня, да и у других тоже, от простуды очень часто были фурункулы (чирии) на шее, поясице, коленях.

Читать и считать я научился до школы, занималась со мной бабушка. Память была хорошая, как и положено в таком возрасте, по точным предметам (математике, алгебре, геометрии, тригонометрии, физике, химии) отличался хорошими успехами. Некоторые из перечисленных парней были старше других на два-три года и после пятого-шестого класса бросали школу: нужно было работать, так как отцы не вернулись с фронта.

Уже в школе, со второго класса, подружился с Пашей Беловым, переехавшим с родителями и четырьмя сёстрами (Тамарой, Диной, Галей и Шурой) из Усть-Илимского района. Отец семьи, Белов Иван Тимофеевич, был местный, работал в колхозе разнорабочим, мягкий по характеру, добрейший человек. Но главой семьи, думаю, была тётя Жёня, как звали её друзья Паши, неграмотная, но умная, волевая и добрая женщина.

В те далёкие сороковые-пятидесятые годы в Паново не было радио и электросвета. Заниматься домашними заданиями и просто читать книги приходилось при керосиновой лампе или у раскрытой дверки топящейся железной печки (буржуйки). Новости узнавали от работников почты. Кино привозили из Кежмы раз-два в месяц, но вход нам чаще всего был закрыт из-за отсутствия даже пяти копеек на билет. В летнее время удавалось добытую рыбёшку обменивать на яйца у какой-нибудь одинокой бабушки, а яйца отдавали киномеханику вместо билета или сдавали в ларёк по пять копеек за штуку. Электричество и радио (чёрные «тарелки») в селе появились в середине пятидесятых годов прошлого века. С высоты сегодняшних лет, можно бесконечно удивляться, в то же время гордиться, что мы жили, учились, а потом работали в этом далёком сибирском уголке России, куда в условиях отсутствия постоянного дорожного сообщения, отсутствия вообще какой-то постоянной связи эти атрибуты цивилизации (радио и электросвет) появились значительно раньше, чем во многих населённых пунктах, расположенных в центральных районах страны. Появились, конечно, не просто, а в результате большого организационного труда руководителей района (райкома, райисполкома, МТС) и непосредственных исполнителей этих проектов.

С пятого класса в Пановскую семилетнюю школу приезжали некоторые ученики из деревни Аксёново и деревни Селенгино, где были только четырёхклассные школы. В период моей учёбы в эти годы из д. Селенгино учились Алёша Сизых, посвятивший свою жизнь развитию авиации в Кежемском и Богучанском районах; Алёша Осипов и Вася Карнаухов (Максимковых), Ира Сизых-Панова, многие годы впоследствии проработавшая главным бухгалтером Кежемского КБО; сёстры Нина, Муся и Жанна Макаровы, Панов Ваня (Уярский). Из д. Аксёново в Паново учились Ира и Витя Карнауховы, Миша Журавлев, Толя Дмитриев (Александрович), так как у них в Паново были родственники. Из д. Аксёново многие ученики уезжали учиться в Кежемскую среднюю школу.

В пятом классе у нас математику преподавал Карнаухов Анатолий Фёдорович, старший брат кежемского поэта Алексея Фёдоровича. Он научил нас разным способам и приёмам быстро умножать двузначные числа. Кроме школьной программы, отдельным ученикам, проявлявшим интерес к математике, к коим я причисляю и себя, он давал отдельные задания – головоломки на сообразительность, на логическое мышление. Он был хорошим спортсменом. Я тогда впервые увидел, как он делает различные упражнения на самодельном турнике, который был установлен в ограде старой Колмаковской школы. С тех пор у меня основным видом спорта была спортивная гимнастика, а любимым снарядом – турник. И удивительно, когда мы, три друга (Паша Белов из г. Воткинска, Гена Савватеев из г. Набережные Челны и я из г. Кудинска) в августе 1990 года появились на пороге квартиры Анатолия Фёдоровича в г. Ижевске, через тридцать семь лет, он нас узнал. В разговоре за «рюмкой чая» он сказал, что часто вспоминал Паново, наш класс, что таких способных, любознательных учеников в его учительской практике было немного.

Должен отметить, что у меня в 1954 году, в период учёбы в шестом и седьмом классах, были неприятные (мягко говоря) инциденты. Однажды, во время урока биологии,

состоявшегося вместо урока физкультуры, учительница Нечаева Мария Васильевна, уставившись на меня расширенными от возмущения глазами, воскликнула: «Гафнер! Ты что, куришь?». Оказалось, что у меня из парты к окну шёл дым. Я выхватил из парты кепку: в ней тлела газета, сложенная для придания жёсткости околышу кепки. Меня за это стали обвинять в умышленном поджоге и попытке сжечь новую школу, в которой мы стали учиться после осенних каникул, так как во время урока физкультуры в классе никого не было. После долгого разбирательства выяснилось, что виновницей загорания была девочка, сидевшая со мной за одной партой: перед началом урока зачем-то чиркнула спичкой, а головка от спички куда-то отлетела. Зачем она носила с собой спички, уже никто не выяснял.

По окончании шестого класса на последнем уроке классный руководитель, Лушников Никон Михайлович, выдал всем свидетельства о переводе в седьмой класс, а мне не выдал. На мой вопрос, почему мне не дали свидетельство (я всё-таки был лучшим учеником в классе, особенно по его предметам, то есть по математике), он зачитал приказ о моём исключении из школы за хулиганство. Класс загудел. Оказалось, что мне в тетрадь по математике кто-то подложил листок с матершинными частушками и при проверке контрольной работы его обнаружили. Я, конечно, всё отрицал, что это не мое, писал не я, почерк не мой. Стали сверять почерки, не мой – точно, слишком красиво написаны частушки. Нашлась виновница. Меня оставили, её исключили.

В седьмом классе меня обвиняли в вандализме против И.В. Сталина. Основания были серьёзные. В то время в школу ученики носили чернильницы-непроливайки и перья ручек макали в чернильницы (авторучек же не было). По мере убывания чернила подливали. От частого тыканья металлическим пером дно чернильницы протыкалось, и её необходимо было просто выбросить и заменить новой. Однажды я заметил, что у нашей с братом чернильницы на дне довольно глубокая ямка. Надо спасать чернильницу! Покупать новую не на что. Вскорости я случайно в заулке, между постройками Кулиных и Граздовых (куда я иногда забегал по малой нужде, идя из школы), среди мусора увидел круглую металлическую часть какой-то медали. Взял, отмыл, отгёр до блеска и положил на дно чернильницы. А в школе было правило: ученики в классе дежурили поочередно по партам. С дежурной парты одну чернильницу ставили на стол учителю. Мы с братом сидели на первой парте, вплотную к учительскому столу. В день нашего дежурства чернильницу с нашей парты, так как она у нас была одна, подвинули на стол к учителю. На уроке литературы учительница ткнула ручкой раз, другой, третий. Перо не пишет. Взяла чернильницу, заглянула в неё и обомлела: на неё из чернильницы смотрел Сталин. Как я на это не обратил внимания, когда медальку туда клал? Просто торопился, чтобы НИКТО не видел. Неважно, какой стороной, лишь бы спасти чернильницу! Учительница спросила: «Кто, что, почему?». Я, конечно, сознался. Меня в учительскую. Допрашивали: кто, когда, почему, по чьёму совету? Особенно по последнему вопросу хотели услышать про соучастников. Но советников и соучастников не было! Директор школы, Кокорина Людмила Александровна, и классный руководитель, Савватеева Евдокия Михайловна (Жигановых), поверили и отстояли. Меня вернули в класс. И... ура! Чернильницу вернули, но без медальки. Через две недели мне исполнилось четырнадцать лет, и меня без проволок приняли в члены ВЛКСМ!

Сегодня вспоминаю об этом с определённой долей юмора, но тогда мне было не до шуток. Всё это не могло не сказаться на моём характере: я стал более замкнутым,

молчаливее, взрослее, осторожнее. Во время службы в армии, в возрасте восемнадцати-девятнадцати лет, сослуживцы давали мне не менее двадцати пяти. И сегодня понимаю, что тогда при иных обстоятельствах всё могло быть значительно хуже.

Все выпускники Пановской семилетней школы, которые продолжали учёбу, должны были ехать в ближайшую, Кежемскую среднюю школу. В восьмой класс в 1955 году мы с братом Александром поехали вместе, хотя он был старше меня ровно на два года: мама очень хотела, чтобы мы получили полное среднее образование. Но после мартовских каникул брат на учёбу не поехал, ему было тогда семнадцать лет, и он пошёл работать продавцом в небольшой продовольственный магазин (ларёк) Пановского сельпо.

По окончании средней школы в 1958 году, естественно, встал вопрос: что дальше? Тогда было введено правило, чтобы после школы выпускники два года не поступали в институты, а работали на производстве, чтобы определились в своих планах, желаниях, способностях, какой области народного хозяйства посвятить свою дальнейшую жизнь.

Для парней лучший выход – призыв на службу в СА. Мне и Паше Белову не было ещё восемнадцати лет, исполнялось только в декабре. Райвоенком, подполковник Клевцов, посоветовал нам прибавить себе год, не показывать свидетельство о рождении, что родители его потеряли в военные годы при переезде к новому месту жительства или при пожаре и т.д. Грех было не воспользоваться таким советом. После окончания школы во время призывной кампании мы написали заявления, и нам были выписаны повестки о призыве в СА. Кстати, это был первый послевоенный год, когда немецких парней стали призывать в армию. Брат Александр и Володя Роот такие повестки уже получили, и мы, вместе с другими призывниками (всего из Паново в тот год призывалось двенадцать человек), на илимке поехали в Красноярск. Помню, как райвоенком обнял плачущую маму за плечи, успокаивал её, что время – мирное, отслужат сыновья и вернутся настоящими мужиками.

Но в Красноярске, после медкомиссии, брата и Володю Роот вернули домой. Меня направили на Дальний Восток. Прослужил два с половиной года в г. Хабаровске в отдельном батальоне охраны и обслуживания штаба Дальневосточного военного округа. Служба в Советской Армии тогда длилась три года, но в 1959 году был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о сокращении Вооружённых Сил на один миллион человек. Поэтому моя служба сократилась на полгода, и я демобилизовался в декабре 1960-го.

Как служил? Судите сами: четыре наряда вне очереди за невыполнение глупых (как мне казалось) приказов командира отделения, более тридцати благодарностей и наград знаками отличия, участие в окружном смотре боевой подготовки в г. Уссурийске, через два года службы был избран заместителем секретаря комсомольской организации воинской части. Секретарём комсомольской организации был, конечно, офицер. Мне несколько раз предлагали остаться на сверхсрочную службу, учёбу в военном училище, но армейская служба меня не привлекала. Демобилизовался и поехал домой, в Паново, в колхоз «Пробуждение», который сразу отправил меня с братом (он в это время работал в колхозе в строительной бригаде) в училище механизации в д. Замятино Емельяновского района.

В феврале 1961 года сдал вступительные экзамены на заочное отделение факультета механизации Красноярского сельхозинститута. После каждой сессии первые два курса (экзамены по всем предметам сдавал на «отлично») руководство факультета предлагало

мне перейти на очное отделение с предоставлением работы при институте, с возмещением колхозу всех затрат на моё обучение в училище и поездок на экзаменационные сессии. Но я был несговорчивым и каждый раз возвращался домой, в Паново.

После первого курса института, в марте 1962 года, райком партии направил меня в сопровождении инструктора райкома и заместителя председателя райисполкома в д. Дворец для рекомендации меня общему собранию колхозников председателем колхоза «Власть Советов». Колхоз был экономически слабый, наверное, самый отстающий в районе, работников не хватало, дисциплины никакой. Многие жители Дворца ездили за шесть километров в с. Болтурино на работу в лесопункте, где получали неплохую по тем временам денежную оплату.

Меня определили на постой к пожилой паре, им было около семидесяти лет, к сожалению, фамилии их не помню. Вечером за ужином они, естественно, спросили обо мне, кто я и откуда. После моего рассказа о семье они переглянулись, задали несколько уточняющих вопросов о маме и бабушке. Потом рассказали, что летом 1942 года, когда немцев Поволжья везли в верхние деревни района, у них ночевала семья, очень похожая на мои описания, особенно мама. Молодая красивая женщина двадцати четырёх лет, с рыжими вьющимися волосами, с матерью за пятьдесят лет, и двумя мальчиками трёх лет и одного года, очень походила на нашу семью. Допускаю, что такое совпадение могло иметь место, сведущие люди говорят, что случайных случайностей не бывает. А может, наоборот, вся жизнь состоит из цепи случайностей?

На общем собрании мудрые колхозники мою кандидатуру отклонили под предлогом, что нечего ломать жизнь молодому парню, пусть учится, за что им очень благодарен до сих пор. А избрали они после бурного обсуждения на второй день собрания местного жителя – Колпакова Дмитрия Николаевича, работавшего председателем сельсовета. Это было первое колхозное собрание, на котором мне довелось быть.

Позднее мне приходилось бывать на общих собраниях разных колхозов, и все они были похожи друг на друга. Поэтому в выражении «как на колхозном собрании» есть определённый смысл, и этому есть объективное объяснение. Собрания проводились раз в год – отчётное или отчётно-выборное. Малограмотные и даже безграмотные на собраниях хотели высказаться одновременно по несколько человек обо всём, что накопилось за год от беспросветной иногда жизни, от обид, от несправедливости, от нерешённых и не решаемых годами проблем. Но, как говорится, выпустят пар, выберут новое правление и председателя колхоза, страсти улягутся, и снова вперёд, на работу с новыми (или старыми?) надеждами, ожиданиями изменений к лучшему. Когда сегодня смотришь телешоу «Время покажет», «Имею право», «Место встречи», «Вечер с Владимиром Соловьёвым» и другие, где грамотные, интеллигентные, с высоким социальным положением участники шоу одновременно высказывают свои мнения, иногда по-хамски прерывая друг друга, то видишь, как они похожи на те колхозные собрания. Но объективного объяснения такому поведению участников шоу не нахожу.

В колхозе «Пробуждение» после училища механизации работал механизатором – весной и летом сменным трактористом на полевых работах, осенью – с братом на зерноуборочном комбайне, зимой – на обслуживании механизации животноводческих ферм.

Жили мы в однокомнатной квартирке, общей площадью двадцать восемь квадратных метров вместе с кухней, на Угорной улице, напротив здания почты. Сюда, в феврале

1962 года, брат привёл жену, Панову Нину Васильевну (Сенькиных), а в ноябре того же года уже я привёл свою жену, Карнаухову Валентину Сергеевну (Максимковых по матери, Парфёновых по отцу). Так мы жили – шестеро взрослых и ребёнок (у брата родилась дочь) – на двадцати квадратных метрах жилой площади до декабря 1963 года.

В декабре меня направили в одногодичную школу подготовки руководящих кадров колхозов и совхозов при Красноярском сельхозинституте, её ещё называли «Поповской школой» – по фамилии бессменного директора Попова Прокопия Михайловича.

В начале шестидесятых годов в стране было введено новшество: во всех столовых на столах БЕСПЛАТНО лежали ХЛЕБ и горчица. Любой посетитель мог взять стакан чая за три копейки, ХЛЕБ с горчицей БЕСПЛАТНО, сколько угодно, и наестся. Это нововведение было хорошим, особенно для безденежных учеников, студентов, бомжей. Но обесценивать ХЛЕБ...?! Это кощунство, издевательство над трудом хлеборобов. И ПРИРОДА наказала нас за это. После неурожая 1963 года, уже в начале 1964 года в магазинах города невозможно было купить нормальный пшеничный или ржаной хлеб, не продавалась мука. Хлеб выпекали с добавлением гороховой муки, который можно было есть только свежим, так как через несколько часов он засыхал, как кирпич. Очередь в магазинах за хлебом занимали с пяти часов утра. Если жена хотела испечь хотя бы оладьи, то измельчали макаронные изделия, если они были.

После окончания годичной школы райком КПСС направил меня заведующим машинно-тракторной мастерской районного объединения «Сельхозтехника», где управляющим в это время был Карнаухов Николай Никодимович, дальний родственник моей жены. Проработал с ним я недолго, уже в мае 1965 года его уволили, и вскоре он уехал из Кежмы.

Косвенным виновником его увольнения оказалось моё появление в РО «Сельхозтехника». Свободной квартиры мне с семьёй (в то время у нас уже была дочь) не нашлось, и Николай Никодимович договорился на наше проживание у Панова Кузьмы Тарасовича, бывшего механизатора колхоза «Пробуждение», у которого я осенью, когда учеников девятых и десятых классов отправляли в колхозы на уборочную кампанию, был помощником и отвозил зерно от комбайна. Оплата за квартиру по договорённости составляла десять рублей в месяц, на которую я как заведующий МТМ должен был писать К.Т. Панову наряд якобы за выполненные работы. С первых месяцев моей работы мне пришлось серьёзно противостоять попыткам приписывать слесарям в нарядах невыполненные работы для увеличения заработков, как я понял, это часто применялось до моего прихода. Видимо, поэтому через некоторое время кто-то написал в РК КПСС анонимку о фиктивных нарядах К.Т. Панову, что и послужило поводом для разборок с Николаем Никодимовичем на заседании бюро райкома. Возможно, это был только повод, а причина могла быть другая. После заседания бюро райкома КПСС Николай Никодимович написал приказ о взыскании из моей зарплаты всей суммы, выплаченной К.Т. Панову. Хороший урок мне на будущее.

Новым управляющим РО «Сельхозтехника» был назначен Радаев Генрих Дмитриевич, работавший главным инженером районного управления сельского хозяйства. Главным инженером «Сельхозтехники» был Боровиков Александр Михайлович, спокойный, очень уравновешенный, хорошо знающий технику специалист, хороший организатор производства.

Вскоре после окончания учёбы в институте (кажется, в июне) в районное управление сельского хозяйства и ветлечебницу прибыли два молодых специалиста, которым сразу дали квартиры. Меня это возмутило, и я написал заявление на увольнение. Отработал,

как положено было по трудовому законодательству, две недели и не вышел на работу. Вечером пришёл ко мне Г.Д. Радаев с разговором и просьбой, чтобы я вышел на работу, так как он недавно заступил в должность управляющего, а заведующему МТМ – одна из основных производственных должностей – замену найти было сложно, да и я за полгода проявил себя неплохо.

Я согласился, но с условием, чтобы он в райкоме говорил, что я не выхожу на работу, пока не будет квартиры. Ко мне должна была переехать из Паново одинокая теща, которая всю жизнь проработала дояркой в колхозе «Колос Октября» (д. Селенгино) и получила пенсию – восемь рублей. Такое моё законное требование в райкоме не понравилось (кто я такой, чтобы выдвигать условия?), и на меня завели персональное партийное дело, как за саботаж и невыполнение решения бюро райкома партии. Конечно, я готовился дать отпор на партсобрании. Я был уверен в своей правоте, ничего криминального, в смысле нарушения трудового законодательства, в моральном плане, я не совершал.

Ни тогда, ни сегодня я не понимаю, для чего это было нужно, что этим хотели доказать. Много позже один сведущий человек рассказал, КОМУ это было нужно. Но ЕГО к тому времени в районе уже не было. К моменту проведения партийного собрания у меня уже был печальный опыт по самозащите, приобретённый в неприятных эпизодах в школе, в непатриотизме по отношению к району мне тоже не могли предъявить претензии, так как я отклонял все предложения в армии и в институте и всегда возвращался в район. В конце своего выступления я сказал, что, если нет мне квартиры в Кежме, если я тут не нужен, то зачем весь этот сыр-бор, отпустите меня с миром, и я уеду обратно в Паново. В итоге, ни один член первичной партийной организации не поддержал претензии ко мне райкома КПСС, и его представитель вынужден был уйти ни с чем.

Через несколько дней мне дали двухкомнатную квартиру в новом, четырёхквартирном брусом доме, который построил Верхне-Ангарский химвоззхоз. Каждое предприятие должно было передавать в распоряжение райкому и райисполкому десять процентов от вновь построенного жилья. Дом был недостроенный: не оштукатурены и не побелены стены, не покрашены окна и полы, без подполья и погреба, то есть дом не был официально сдан в эксплуатацию. Однако – под крышей и с плитой для обогрева. Недоделанное нам с женой казалось мелочью – молодость и огромное желание иметь наконец-то свою квартиру сделали своё дело: чтобы не терять времени на переходы, мы сразу перенесли свой немудрёный скарб на эту квартиру, спали на полу по три-четыре часа в сутки, дочка – на раскладушке. К осени всё, что было нужно, по своему желанию сделали своими руками.

Работать с Г.Д. Радаевым и А.М. Боровиковым мне было комфортно – полное взаимопонимание. Немаловажным было то, что коллектив машинно-тракторной мастерской был довольно стабильный. Контролёром по ремонту был малограмотный по общему образованию, но хорошо знающий технику и с большим опытом работы Попов Владимир Иванович, один из первых механизаторов района, участник Великой Отечественной войны, очень уважаемый в коллективе, настоящий наставник молодых. Бухгалтером МТМ был Анкудинов Алексей Алексеевич, тоже участник Великой Отечественной войны, инвалид, которому с клюшкой из-за малой речки пешком (автобус по Кежме тогда не ходил), за несколько километров, ходить было трудно на работу, и по достижении пенсионного возраста он уволился. После него многие годы бухгалтером МТМ работала Косолапова Клавдия Филипповна, очень ответственный, скрупулёзный работник, была мне хорошим

помощником при составлении нарядов работникам МТМ. Серьёзно влияющей на качество ремонта дизельных двигателей была работа слесаря по ремонту и регулировке топливной аппаратуры, с которой успешно справлялся Карнаухов Валентин Васильевич. К большому моему сожалению, он уволился в 1965 году в аэропорт, так как там зарплата была выше и условия работы получше. Это очень осложнило ход ремонтных работ. Но вскоре в топливном цехе стал работать Сизых Анатолий Иванович, фронтовик-танкист, награждённый несколькими боевыми орденами и медалями, грамотный специалист. Работа слесарем даже такого важного цеха, конечно, не соответствовала уровню его подготовки и очень контактному характеру, умению находить общий язык со всеми коллегами. Поэтому ему поручили возглавить созданный в 1966 году отдел по механизации трудоёмких процессов в животноводстве и растениеводстве.

Многие годы слесарем по ремонту двигателей тракторов и автомобилей работал Зайцев Николай Александрович, очень смелый, даже какой-то бесшабашный человек. В семидесятые годы прошлого века, работая трактористом в Кежемском дорожном отделе, по своей бесшабашности несколько раз проваливался под лёд при прокладке зимников на р. Ангаре, к счастью, завершившиеся для него благополучно. Практически до ликвидации РО «Сельхозтехника» слесарем по ремонту двигателей работал Усольцев Иван Дмитриевич (Пустьян), которого подготовили также на ремонт топливной аппаратуры в период работы А.И. Сизых.

В моечном цехе бесменно работал участник войны Комлев Николай Васильевич, честный и исполнительный работник, но иногда были у него проблемы с алкоголем. Слесарем-медником, вплоть до ликвидации предприятия, был Брюханов Михаил Николаевич (Лёвкиных). Он мог восстановить любой неисправный радиатор, сцепление, тормозные колодки и из двух-трёх негодных аккумуляторов собрать хотя бы один работающий, что было очень кстати, так как аккумуляторы всегда были в дефиците.

Не могу не вспомнить токаря – Суздалева Ивана Иосифовича, который мог выточить любую вращающуюся деталь, лишь бы был подходящий материал для её изготовления. Но он прославился ещё тем, что был заядлым и очень удачливым спиннингистом на тайменей.

В «Сельхозтехнике» были хороший кузнец Эргардт Николай Яковлевич и молотобоец Кокорин Прокопий Алексеевич. Они изготавливали различные кузнечные изделия не только для колхозов, но и по заявкам других предприятий (химлесхозов, райпо, РСУ и др.). Невозможно такому производству, как ремонтная мастерская, осуществлять полноценный ремонт без квалифицированного сварщика. Иногда при отсутствии новой детали изношенную приходилось наваривать, затем протачивать на токарном станке, потом термически закалять. Это было дорого, но иногда – единственным выходом. Такими сварщиками были известный в районе Петров Карп Трофимович, а после его ухода много лет работал Шутов Виктор Павлович.

При ремонтной мастерской был также небольшой инструментальный цех, где сначала работала инструментальщицей Зайцева Нина Васильевна, а после её перехода в ветбаклабораторию инструментальщицей работала Карнаухова Раиса Александровна. В их задачи входило: своевременная выдача инструмента в начале рабочего дня и приёмка по окончании работы, учёт имеющегося инструмента и своевременная подача заявки на недостающий. Им приходилось раньше начинать и позже других заканчивать рабочий день, что было не очень удобно семейным женщинам.

Работы по ремонту ходовой части тракторов и автомобилей осуществляли трактористы и водители, что было очень неудобно для прибывших с техникой из других деревень района. Заработная плата им также начислялась в мастерской РО «Сельхозтехника». Стоимость произведённых ремонтных работ колхозами района оплачивалась по преysкуранным ценам, а себестоимость этих работ была значительно выше за счёт начисления районного коэффициента и северных надбавок по зарплате. Поэтому, да и по другим причинам, производство ремонтной мастерской было планомерно убыточным, но значительные убытки допускались и сверх плана.

Однако уже в первый год моей работы за счёт более строгого контроля при составлении дефектных ведомостей, ликвидации разного рода приписок удалось сократить убытки более чем на двадцать пять тысяч рублей, по тем временам немалая сумма. Запчастей для ремонта всегда не хватало. Часто вставал вопрос о необходимости восстановления изношенных деталей, особенно базисных. В ремонтной мастерской имелись новые, длительное время не используемые расточной и хонинговальной станки. Я заинтересовался ими, ознакомился с устройством и инструкцией по эксплуатации. Во время очередной сессии в институте на краевой базе «Сельхозтехники» выписал необходимый инструмент и по приезде с сессии занялся запуском этих станков в нерабочее время. Не без сложностей, с неудачами, но в конечном итоге начал растачивать и шлифовать цилиндры изношенных блоков автомобильных двигателей (в тех автомобилях сменные гильзы цилиндров не применялись).

С увеличением количества техники в колхозах стала развиваться собственная ремонтная база: колхоз «Имени XXII партсъезда», колхоз «Красная Звезда», колхоз «Россия». Отдалённые колхозы («Власть Советов» в д. Дворец, «Советская Россия» в с. Проспихино) пользовались услугами ремонтных баз местных лесопунктов. Поэтому в «Сельхозтехнику» с годами на ремонт стало поступать всё меньше и меньше техники, — это был объективный и естественный процесс.

В июне 1967 года я закончил институт, и меня назначили главным инженером, так как А.М. Боровиков уволился по семейным обстоятельствам и уехал в Канск к родителям. Круг моих обязанностей, конечно, расширился: плотнее пришлось заниматься автотранспортом, отделом механизации трудоёмких процессов в колхозах. А главное — торговым отделом, магазином техники, оборудования и запчастей; организовывать сбор заявок от колхозов и вовремя предоставлять сводные заявки района в краевые организации. Заведующим торговым отделом (директором магазина) уже длительное время работал Петров Михаил Васильевич, но вскоре он уволился на пенсию, и вместо него стал работать Панов Юрий Васильевич (Савельевых). Заведующим складом был Ульрих Фёдор Петрович, очень ответственный работник, с хорошей памятью. Он мог, не заглядывая в каталог и картотеку, быстро найти нужную деталь по образцу старой, а их на складе были тысячи наименований от разной техники, разложенных по полкам, часто очень похожих друг на друга. Однажды был такой случай, что он не мог найти нужную деталь, хотя уверен был, что она имеется на складе. Наутро, придя на работу, он через несколько минут принёс то, что не мог найти накануне. На наши расспросы, как быстро нашёл утром, ответил всерьёз, что во сне увидел, где лежит.

В 1968 году Ю.В. Панов ушёл на другую работу (начальником Кежемского ремонтно-дорожного участка), а директором магазина РО «Сельхозтехника» назначен Сизых Михаил Федотович, бывший председатель колхоза «Заветы Ильича» (с. Кежма),

не имевший среднего образования, но имевший большой опыт руководящей работы в колхозах района, член бюро райкома партии, тесно общался с первым секретарём райкома А.Г. Убиенных.

После увольнения Ф.П. Ульриха по семейным обстоятельствам (тяжело болела жена) завскладом года два работал Рудоманенко Виктор Дмитриевич, а потом долгое время работал Сизых Михаил Михайлович, бывший механизатор колхоза «Колос Октября» (д. Селенгино), уже работавший в это время в РО «Сельхозтехника» в отделе механизации животноводства. Его жена, Мария Ивановна, работала бухгалтером материальной группы в РО СХТ.

В начале осени 1967 года управляющий объединения Г.Д. Радаев собрал совещание руководящего состава. Одним из вопросов этого совещания был вопрос подготовки и проведения празднования 50-летия Великого Октября, хотя подготовка шла практически весь год. Наряду с другими, уже традиционными мероприятиями, Г.Д. Радаев предложил поощрить кадровых работников за долголетний труд в объединении. Все, что касалось расходов денежных средств, было непросто, так как предприятие было планово-убыточным, никаких фондов на такие цели не предусматривалось. Главный бухгалтер Лифантьев Николай Яковлевич в этих делах был очень осторожным, щепетильным, не допускал никаких не предусмотренных затрат, как и положено главному бухгалтеру, особенно в расходовании наличных денежных средств. Но Г.Д. Радаев своей логикой, умением убеждать слушателей в своей правоте доказал необходимость такого решения, тем более что повод был уж очень подходящим. Лифантьев вынужден был пообещать, что решит вопрос с выделением средств. Приказом по предприятию к 50-летию Великого Октября были премированы разными суммами все рабочие, проработавшие несколько лет на этом предприятии. Как они при этом говорили, что главное – не размер премии, а сам факт поощрения их труда, чего не было до этого много лет. Конечно, это дало хороший эффект в укреплении дисциплины, в повышении производительности и качества работ.

Г.Д. Радаев был хорошим руководителем и организатором, как говорят, от Бога. Воспитанный, интеллигентный, эрудированный во многих вопросах, он никогда не повышал голос на провинившегося работника; спокойно, резонно, с внутренним убеждением в своей правоте мог убедить любой коллектив в необходимости выполнения поставленной задачи. Не случайно уже в январе 1968 года на очередном пленуме райкома партии его избирают вторым секретарём райкома.

Меня, по рекомендации Г.Д. Радаева, назначают управляющим РО «Сельхозтехника». Такого поворота событий я, конечно, не ожидал: за полгода из заведующего МТМ – в управляющего... Что я чувствовал тогда? Сказать, что огорчился, значит, ничего не сказать. Новый заведующий МТМ (тогда начал работать Брюханов Валентин Яковлевич, бывший не в ладах с трудовой дисциплиной). Контролёр по ремонту В.И. Попов ушёл на пенсию по состоянию здоровья. Отсутствие главного инженера. Вскоре сменится директор магазина – это было уже известно. Всё это не внушало оптимизма. Появилась некоторая растерянность. Но показывать свою растерянность было нельзя. Главное было то, что хозяйство в целом работало исправно: электроэнергия от собственной электростанции, своя котельная обеспечивали все объекты теплом, дрова были заготовлены на всю зиму. Ведал этим хозяйством уже длительное время Павлов Георгий Яковлевич, надёжный хозяйственник, знающий своё дело. В его распоряжении был ещё автотранспорт (два автомобиля) и пилорама.

Следует отметить, что главные инженеры сменялись довольно часто, не проработав даже год (Брюханов Николай Григорьевич, Карнаухов Николай Сергеевич), главным образом, из-за дисциплины. Мне приходилось дополнительно отдавать работе вечернее время и выходные дни, чтобы глубже вникнуть в положение дел каждого подразделения, узнать их финансовое состояние. Хорошую помощь мне тогда оказала заместитель главного бухгалтера Брюханова Анастасия Фёдоровна, хорошо знающая своё дело, имела специальное образование, которая после ухода на пенсию Н.Я. Лифантьева была назначена главным бухгалтером объединения и проработала в этой должности до ликвидации предприятия.

Со временем приходилось изменять расстановку акцентов в работе объединения. В связи с сокращением объёмов работ по ремонту тракторов и автомобилей необходимо было организовать создание обменного фонда узлов и агрегатов. Создание межколхозной строительной организации (МСО) в районе ускорило строительство новых животноводческих помещений по типовым проектам. Это требовало от РО «Сельхозтехника» как субподрядчика своевременного завоза необходимого оборудования и его монтажа в сдаточные сроки. Значительно увеличились объёмы работ отдела механизации животноводства. Постоянно росли объёмы реализации в торговом отделе в связи с увеличением техники в колхозах и уровня механизации в животноводстве. В условиях летнего завоза водным транспортом все объёмы монтажных работ до наступления холодов выполнить было невозможно. Поэтому нужно было значительно увеличить автомобильный транспорт, чтобы часть оборудования завозить непосредственно в колхозы по зимнику, а монтаж оборудования в сдаточных объектах начинать с наступлением весеннего потепления. Увеличение автопарка потребовало строительства нового гаража, увеличения объёмов работ на пилораме. В звене по лесопилению постоянными рабочими были Суздалев Анатолий Иосифович и Миленчук Иван Дмитриевич. Отделы механизации и торговли стали основными производственными подразделениями объединения. Позднее значительно увеличился и автопарк.

Бессменным руководителем отдела механизации был Сизых Анатолий Иванович. Он оказался очень хорошим организатором. С его подачи паровые котлы отопления, требующие специальной подготовки обслуживающего персонала для предотвращения возможных их взрывов, были использованы как водогрейные, а системы отопления монтировались под естественную циркуляцию воды с открытыми расширительными баками. Такие системы были безопасны при эксплуатации, учитывая уровень подготовки работников, обслуживающих котельные. Время показало, что было принято верное решение: ни одного случая аварий при эксплуатации этих котлов не произошло.

В отделе механизации почти два десятка лет проработал Ярошевский Станислав Иосифович, больше десяти лет работали Крутских Анатолий А., Третьяков Виктор А., для производства сварочных работ часто выезжал В.П. Шутов. Они буквально ночевали на объектах, если поджимали сроки их сдачи. Для проведения монтажа оборудования на мехтоках (сушилки, элеваторы) направлялись в летнее время рабочие ремонтной мастерской, более свободные от основной работы в этот период.

Не могу не отметить многолетнюю безаварийную работу водителей: Верхотурова Алексея Ивановича (Баринок), очень опытного и надёжного в дальних рейсах водителя; Брюханова Николая Самоновича, хорошо знающего автотехнику, но всегда критикующего любое начальство по делу и не по делу; Павлова Николая Антоновича, спокойного

и исполнительного работника; Заборцева Николая Ивановича, небольшого роста, едва видимого из-за руля, но легко управлявшего большегрузным автомобилем «Урал»; Карнаухова Юрия Афанасьевича, Карнаухова Анатолия Алексеевича – самого молодого из названных водителей.

Были ли ошибки и упущения в работе? Конечно, были. Назовите мне хоть одного руководителя, который бы не допускал ошибок. Всем известна поговорка: не ошибается тот, кто ничего не делает. Не выполнялся номенклатурный план ремонтных работ, бывали срывы сроков монтажа оборудования на строящихся объектах, в основном, из-за срыва сроков сдачи объекта под монтаж оборудования строителями. Был допущен пожар на строящемся телятнике в колхозе «Власть Советов» при проведении сварочных работ. На рабочих совещаниях мы постоянно обсуждали ход работ в каждом подразделении, намечали мероприятия по устранению причин срывов работ. В целом план по общему объёму производства в денежном выражении и финансовый план выполнялись.

Однако в ноябре 1969 года, пока был в отпуске, меня сняли с должности управляющего и назначили главным инженером. Никаких причин в приказе указано не было, просто переведён на другую должность. Управляющим объединения был назначен, с должности директора магазина, М.Ф. Сизых, проработал он в должности управляющего чуть более двух лет. В начале 1972 года он уволился и уехал в Иркутскую область к детям.

На работу директором магазина был принят Рожков Михаил Семёнович, имевший высшее образование. После увольнения М.Ф. Сизых по просьбе райкома партии Крайсельхозтехником был прислан не то из Уяра, не то из Ужура Белоногов (имени-отчества не помню) с высшим инженерным образованием, на должность управляющего Кежемского РО СХТ. Приехал он без семьи, и жить в Кежме явно не собирался. В производство особо не вникал, по району не ездил, довольно часто совершал прогулы. Фактически, обязанности управляющего приходилось исполнять мне, главному инженеру. Коллеги по работе, да и кое-кто со стороны, не раз спрашивали меня, почему я не уйду из объединения и терплю эту несправедливость по отношению к себе. Меня неоднократно приглашал на работу главным инженером ПМК Кучеренко Пётр Сергеевич, знакомый начальник Усть-Илимской ПМК. Но... увы, я снова отказывался от этих предложений и не хотел уезжать из района.

Большими карьерными амбициями я не страдал, я просто работал! Работал с удовольствием, в коллективе меня слушались и уважали, был избран секретарём партийной организации. Кроме основной работы, ещё преподавал в вечернее время правила дорожного движения и электрооборудование автомобилей на курсах шоферов. При РО «Сельхозтехника» было отдельное здание («красный уголок»), где проводились общие собрания, между собраниями в зале ставили стол для тенниса или бильярдный стол. В этом здании во второй половине шестидесятых годов был открыт филиал Замятинского училища для подготовки механизаторов, в этом же здании в вечернее время были открыты курсы шоферов. Большую работу по организации филиала и курсов провёл первый директор Антон Иванович Кондратович, приглашённый в район председателем райисполкома И.А. Островским. После ухода Кондратовича директором филиала по несколько лет работали Верхотуров Евгений Иннокентьевич, уроженец д. Рожково, и Вебер Владимир Павлович, уроженец д. Верхняя Кежма.

Не вытерпели ненормальной обстановки с управляющим объединения главный бухгалтер А.Ф. Брюханова и председатель профкома Г.Я. Павлов и пошли в райком

к первому секретарю А.Г. Убиенных с информацией о состоянии дел и просьбой от имени коллектива назначить меня управляющим. Их выслушали, но сказали, что райкому лучше знать, кого куда назначать.

Об этом их походе в райком партии я узнал примерно через полмесяца после моего назначения управляющим объединения «Сельхозтехника» в ноябре 1972 года. Главным инженером был назначен Карнаухов Виктор Алексеевич, работавший инструктором в райкоме партии (ранее работал механиком в колхозе «Заветы Ленина» (д. Аксёново) и заочно окончил Красноярский сельхозинститут, а после моего ухода из объединения он был назначен управляющим). Заведующим машинно-тракторной мастерской уже год работал молодой специалист Нечаев Михаил Ефимович, уроженец с. Кежма, впоследствии назначенный главным инженером, управляющим. В восьмидесятых годах он был избран председателем райкома профсоюзов работников сельского хозяйства, а управляющим работал Карнаухов Григорий Никифорович. В конце семидесятых и в восьмидесятые годы долгое время заведующим МТМ работал Карнаухов Алексей Вениаминович (Колокольчик), а главным инженером – Рукосуев Сергей Александрович, небольшого роста, активный и инициативный специалист, прозванный местными юмористами «К-700». Не могу не отметить безупречную работу и потому бессменного секретаря-делопроизводителя Баженовой Валентины Ивановны и бухгалтера-кассира Усольцевой Александры Ивановны.

Наряду с обычными текущими производственными делами, в подразделениях остро стоял вопрос укрепления трудовой дисциплины: прогулы и появления в рабочее время в нетрезвом виде были не редкими. Одним из злостных прогульщиков был молотобоец П.А. Кокорин. Его неоднократно «разбирали» на заседании профкома, увольняли за прогулы, но через некоторое время принимали обратно. После очередного увольнения он не мог устроиться на работу больше месяца и вновь пришёл ко мне с заявлением. Я сказал, что приму его на работу только с согласия профкома. А с профкомом договорился, чтобы давали согласие только после его лечения в ЛТП (лечебно-трудовой профилакторий). После недолгих разговоров-уговоров П.А. Кокорин дал согласие на лечение и тут же написал заявление. Так как ему нельзя было давать деньги на руки, было решено сопровождающим до места лечения в ЛТП (г. Челябинск) отправить С.И. Ярошевского. Затраты на эту поездку частично взял профком, а частично – за счёт предприятия. Время показало, что эти усилия по укреплению дисциплины были не напрасными. По возвращении из ЛТП Кокорин прекратил употребление алкоголя, прекратились прогулы. Это имело позитивный резонанс в других предприятиях райцентра, послужило хорошим наглядным примером другим алкоголикам. В течение нескольких месяцев после этого уже добровольно изъявили желание избавиться от пагубной привычки ещё четыре человека. Но им мы сопровождающих, конечно, не выделяли: хотите лечиться – пожалуйста, отпускное удостоверение и оплата в счёт отпускных по личному заявлению в любое время. Хотя один из четырёх добровольцев через некоторое время «сорвался» и снова начал выпивать, трудовая дисциплина значительно улучшилась. Ко мне однажды пришла жена одного из вылеченных и со слезами благодарила за то, что муж перестал приходить домой пьяным, устраивать дебоши, стал приносить зарплату домой, что в семье стало спокойно. По-моему, это главное, ради которого стоило провести в коллективе такую работу, пойти на определённые затраты и помочь людям избавиться от пагубной зависимости. К сожалению, алкоголизм не считался болезнью, и это мнение многие годы поддерживалось

на законодательном уровне, когда алкогольное опьянение при совершении преступления считалось смягчающим обстоятельством.

В 1973 году райкомом партии, райисполкомом, в том числе управлением сельского хозяйства, через краевые организации решался вопрос об объединении колхозов и создании на их базе совхозов. В районе в это время было десять колхозов из двадцати шести, созданных в период коллективизации в тридцатые годы XX века. Было создано три совхоза, официальной датой их создания считается 3 декабря 1973 года.

Совхоз «Ангара» с центральной усадьбой в с. Паново объединил четыре колхоза: «Путь к коммунизму» (д. Фролово), «Ангара» (д. Усольцево), «Заветы Ленина» (д. Аксёново), «Россия» (с. Паново и д. Селенгино), который был создан в шестидесятые годы на базе колхозов «Пробуждение» и «Колос Октября». Деревень Савино, Привалихино, Соколово и колхозов в них к тому времени уже не было.

Совхоз занимал территорию от границ с Иркутской областью до острова Большой и располагался более чем на сорока островах и участках по берегам Ангары. Вот некоторые, самые крупные острова: Савинский, Петухов, Бурнауль, Букошин, Соколовский, Усольцевский, Сергушкин, Аникин, Сосновый, Курейный, Коровий, Басковой, Лиственный, Тунгусский, Иринда. На большинстве из них, кроме сельхозугодий, были сосновые боры и берёзовые рощи, ягодные кустарники: черёмуха, боярышник, чёрная и красная смородина, а также брусника. А сколько грибов ежегодно на них брали: рыжиков, груздей, волнушек, маслят! Когда я летом, в конце мая и начале июня, ездил на моторной лодке по колхозам и отделениям совхоза, всегда старался проехать по протоке Узкая между островами Тунгусский и Иринда. Это период цветения черёмухи, когда воздух был настолько насыщен запахами цветов, что кружилась голова, невозможно было надыхаться, и ход лодки приходилось сбавлять. Цветущая черёмуха с обоих берегов протоки наклонялась над водой, образуя арку-тоннель. Очень красиво! Часто приходилось слышать от знакомых, прибывших из поездов в другие места в России или в другие страны, что там красивая природа. Да, ПРИРОДА любая вообще красива, но умялять красоту природного уголка Кежемского района, с его величавой Ангарой, с его заповедным многоостровьем, с его знаменитой с петровских времён ангарской мачтовой сосной негоже! Наверно, мы не в полной мере ещё осознали, что потеряли в связи с созданием водохранилища БогЭС.

Совхоз «Кежемский» (с центральной усадьбой в селе Кежма) объединял три колхоза: «Заветы Ильича» (с. Кежма и Верхняя Кежма/Мозговая), «Имени XXII партсъезда» (д. Заимка), «Ударник» (д. Алёшкино). В его состав входили все сельхозугодья на островах и по обоим берегам Ангары от острова Большой (включительно) до Аплинского порога. К совхозу относились два самых крупных острова района: о. Большой и о. Тургенев, на которых было всё, что необходимо и для ведения сельского хозяйства, и для заготовок на зиму. Остров Тургенев был самый большой в районе и самый богатый: за брусникой, смородиной, рыжиками туда ездило пол-Кежмы и население окрестных посёлков. На нём располагались д. Заимка, д. Алёшкино, ещё раньше была д. Гусевка. Названия других островов звучали, как музыка: Журавков, Малиновый, Лебяжий, Сенной, Народимский, Кутарейный.

Совхоз «Проспихинский» (с центральной усадьбой в с. Проспихино) объединял три колхоза: «Власть Советов» (д. Дворец), «Красная Звезда» (д. Рожково), «Советская Россия» (с. Проспихино, д. Пашино). В его состав входили также земли по р. Кова, где ранее были

колхозы (в деревнях Уяр, Сизая, Костино, Прокопьево, Карамышево), а также сельхозугодья по р. Кода. В 1982 году в состав этого совхоза были переданы из Богучанского района отделения совхоза «Заледеевский», расположенные в с. Заледеево, д. Климино, д. Чадобец, д. Сыромолотово, с. Яркино. Объединённый совхоз получил название «Заледеевский» с центральной усадьбой в с. Заледеево.

В 1986 году совхозу «Ангара» были переданы отделения в д. Бидея и с. Ирба совхоза «Богучанский» Богучанского района, расположенные от центральной усадьбы с. Паново на расстоянии около четырёхсот километров на р. Мура. Животноводческие помещения в этих отделениях при приёмке производили удручающее впечатление: никакой механизации, вместо стёкол в окнах – рваная полиэтиленовая плёнка, требовался значительный объём ремонтных работ.

Передача части земель Богучанского района совхозам «Ангара» и «Проспихинский» была предусмотрена проектом Богучанской ГЭС для освоения сельхозугодий взамен затапливаемых водохранилищем ГЭС. При обследовании территории Кежемского района земель, пригодных для освоения под пашню и сенокосы, было очень немного и с очень малым (пять-семь сантиметров) гумусным слоем. А на передаваемой от Богучанского района территории было достаточно земель для освоения с гумусным слоем до тридцати-сорока сантиметров и даже до семидесяти сантиметров в ур. Ленпосёлок. Для совхоза «Кежемский» предусматривалось освоение сельхозугодий севернее с. Новая Кежма (всего тысяча восемьсот гектаров), которые требовали больших затрат по их окультуриванию.

К моменту образования совхозов районное объединение «Сельхозтехника» работало довольно успешно, все подразделения были укомплектованы квалифицированными кадрами, плановые объёмы работ выполнялись, внедрялся хозрасчет с материальной заинтересованностью работников подразделений. Я посчитал возможным поехать работать в совхоз «Ангара», в родное село Паново. Директором совхоза был назначен Кривин Николай Иванович, работавший более пятнадцати лет председателем передового в районе колхоза «Заветы Ленина». Поговорил дома с женой, как она смотрит на то, чтобы переехать в Паново на работу в совхоз. Она в это время работала заведующей районной библиотекой, и, естественно, вставал вопрос, где она будет работать. Кстати, вопрос о возможном переезде куда-то у нас обсуждался не раз. Она всегда говорила: «С тобой хоть куда: где ты, там и я!». Настоящая декабристка!

Переговорил с Н.И. Кривиным. Он сказал, что должности главного инженера и зав. отделом кадров вакантны. На том и порешили. Я подал заявление в РК КПСС о направлении меня на работу в совхоз «Ангара». Решения не было довольно долго, и я написал второе заявление. В итоге, 30 декабря 1973 года погрузили на совхозную машину домашние вещи и переехали в Паново, а 2 января 1974 года уже вышел на работу в совхозе в качестве главного инженера, а жена – зав. отделом кадров.

Работа кадровиком вновь созданного совхоза была очень ответственной, требовала скрупулезности, педантичности при подготовке приказов по ликвидации колхозов и приёмке всех работников в совхоз, согласно трудовому законодательству, чуткого отношения в вопросах установления трудового стажа в колхозах. Особенно много неясностей было с жителями Фролово и Усольцево: необходимо было лично встречаться с каждым, часто оформлять свидетельские подтверждения, так как многие документы в колхозах были утеряны или просто отсутствовали. Всю имеющуюся документацию по колхозам необходимо было систематизировать и сдать в районный архив. С высоты прошедших

более сорока лет хочу отметить, что за ту работу кадровиком в первые два года образования совхоза «Ангара» Валя получила много благодарных слов от бывших колхозников, работавших в военные и послевоенные годы с двенадцати-тринадцати лет десятками лет без выходных и отпусков, когда при оформлении пенсий у них были качественно оформленные документы и пенсии назначались без проволочек.

Работа в совхозе мне нравилась, более конкретное общение с управляющими отделений, механиками, коллективами отделений. Проблем в новом большом хозяйстве было, конечно, много. В первую очередь необходимо было решить вопросы радиосвязи и автотранспорта, обеспечения водным транспортом. Решением этих задач необходимо было заниматься мне. Директор совхоза Н.И. Кривин и главный бухгалтер И.В. Брюханов выделили денежные средства, вручили мне чековую книжку, и я поехал в Красноярск. Конечно, мнегодились былые связи по линии Крайсельхозтехники и Енисейского речного пароходства. В течение месяца были доставлены радиостанции и установлены на всех отделениях, в летний период завезены были катера БМК-90, один был привезён даже из Минусинска; приобретены лодочные моторы «Вихрь», автомашины «Москвич» типа «шиньон», снегоходы «Буран» – главным специалистам для оперативного передвижения по совхозу в любое время года. Внедрялись звеньевая организация труда в полеводстве, механизация доения в летний период на пастбищах, система техобслуживания в период полевых работ, прежде всего, на Пановском отделении как самом крупном. Работать приходилось часто без выходных дней, раньше вставать и позже ложиться, особенно в период полевых работ.

Райком партии ввёл должности освобождённых секретарей парткомов совхозов. В совхозе «Ангара» секретарями парткомов в разное время были Карнаухов Иван Степанович, Игнатов Виталий Николаевич, Привалихин Валерий Анатольевич. Совхоз постоянно выполнял планы по сдаче государству мяса и молока. Это, конечно, результат коллективного труда всех подразделений совхоза, но лучших результатов добивались Аксёновское и Пановское отделения.

Два соседних отделения, в составе одного Фроловского сельсовета, находились на расстоянии всего пятнадцати километров друг от друга, но очень отличались по менталитету. Деревня Фролово размещалась на верхней изголови острова Бурнауль. Почва здесь была чернозёмная, и во время весеннего таяния снега, и во время дождей по улицам без сапог невозможно было пройти. Деревня Усольцево стояла посередине острова Усольцевский, продувалась со всех сторон, и после непогодицы улицы быстро высыхали. Даже управляющие отделений, бывшие председатели колхозов, Привалихин Иван Петрович (Фроловский), человек осмотрительный, осторожный при принятии решений, с людьми общался спокойно, в меру своей подготовленности убеждал людей о принятом решении. Привалихин Иван Петрович (Усольцевский), участник войны, был решительным, довольно резким, матерщинником редкостным, правду-матку, как ему казалось, мог высказать любому, невзирая на должности.

Вообще-то почти все усольцевские мужики отличались в районе умением материться, общаться матом под стать винокуровским работникам ЖЭКа. Но в разговоре это не оскорбляло собеседников, матерщина в их устах была связкой слов, способом общения друг с другом. После ухода на пенсию И.П. Привалихина управляющим отделения работал Привалихин Ким Андреевич, довольно эмоциональный человек, бывший механик, но один из немногих усольцевских мужиков, который не матерился.

У Фроловского отделения были несколько лучше результаты в животноводстве. Одной из лучших доярок в совхозе была Привалихина Екатерина Егоровна, надаивавшая более двух тысяч с половиной килограммов от каждой коровы. Бессменной телятницей с неплохими результатами работала Торгашина Екатерина Александровна, довольно скандальная и крикливая женщина. Её муж, Торгашин Николай Петрович, много лет проработал машинистом электростанции, в отличие от жены, как это часто бывает, молчаливый, спокойный, уравновешенный флегматик. Постоянным скотником на коровнике работал Брюханов Яков Александрович, часто был сменным дояром. Многие годы бригадиром в животноводстве работал Брюханов Владимир Яковлевич, спокойный, малограмотный, но умный от природы, имел большой авторитет и уважение среди односельчан. Такой же характеристики заслуживает работавший в то время механиком отделения Карнаухов Михаил Иванович, часто вынужденный ввиду удалённости от ремонтной базы совхоза самостоятельно находить выход и устранять на месте поломки в технике, с чем он успешно справлялся.

У Усольцевского отделения были лучше показатели в растениеводстве, выше культура земледелия и, как результат, выше урожаи зерновых и кормовых культур, чем на Фроловском отделении. Это было следствием того, что в Усольцево механизаторы были местные, доморожденные, постоянные, в отличие от фроловских, где сменяемость была частая, хотя объективных объяснений этому нет: во Фролово школа была восьмилетняя, а в Усольцево – начальная, во Фролово – сельсовет на месте, а усольцевским при необходимости нужно было ехать во Фролово. Был даже случай гибели невесты в ДТП зимой, когда после регистрации брака в сельсовете молодожёны возвращались в Усольцево на санной повозке и попали под машину. Тем не менее в Усольцевское отделение механизаторы на полевые работы из других предприятий не привлекались.

Могу назвать более десятка механизаторов, которые работали одновременно на этом отделении. Это отец и сын Усольцевы Михаил Александрович и Алексей Михайлович, отец и сын Быковы Иван Павлович и Валентин Иванович; Усольцев Иван Иванович, Усольцев Василий Яковлевич, Усольцев Пётр Максимович, Усольцев Василий Васильевич, братья Сизых Борис и Иннокентий, Усольцев Василий Васильевич и др.

Долгое время механиком отделения был Привалихин Ким Андреевич. В конце восьмидесятых годов неплохой тандем руководителей получился из Усольцева Алексея Михайловича и Быкова Валентина Ивановича, которые поочередно работали управляющим и механиком. Не могу не назвать некоторых жителей д. Усольцево, проработавших всю трудовую жизнь в колхозе и совхозе: Быкова Евдокия Ивановна, Усольцева Ксения Матвеевна, Усольцев Василий Матвеевич, Усольцева Прасковья Матвеевна, Усольцев Василий Феоктистович, Сизых Николай Филиппович и Мария Мироновна, Привалихина Мария Петровна, Усольцева Домна Семёновна, Усольцева Ксения Захаровна, Усольцева-Шмаль Мария Ивановна, Верхотуровы Иван Андреевич и Марина Ивановна, передовая доярка отделения Брюханова Валентина Лаврентьевна. Они не добивались выдающихся результатов, как, например, аксёновцы, но их повседневный, из года в год нелёгкий труд, вызывает не меньшее уважение.

Аксёновское отделение совхоза, как и в бытность колхоза, по своим результатам стояло особняком, как бы на высшей ступеньке пьедестала. Неизменно высокие (более трёх тысяч килограммов) надои от каждой фуражной коровы, высокие урожаи зерновых и кормовых культур. Аксёново располагалось на левом берегу р. Ангара, в восемнадцати

километрах вниз по течению от с. Паново. Сельхозугодий, особенно пашни, было меньше, чем на других отделениях, но за счёт большей урожайности они хорошо обеспечивали кормами животноводство отделения.

После назначения Н.И. Кривина директором совхоза управляющим Аксёновского отделения успешно работал Дмитриев Анатолий Александрович, спокойный, рассудительный, хозяйственный руководитель, заслуживший большое уважение не только у односельчан. К огромному сожалению, у него был врожденный порок сердца. После него управляющим отделения работал местный житель Журавлёв Михаил Иванович. Неизменно высоких результатов добивались доярки Белогорлова Прасковья Андреевна, Дмитриева Галина Васильевна, Привалихина Кристина Александровна, Шестакова Евдокия Матвеевна, Бутакова Антонида Ивановна, Панасенко Людмила Григорьевна. Всю трудовую жизнь отдали сельхозпроизводству на этом отделении Брюханов Валентин Степанович, Дмитриев Василий Александрович, Брюханов Григорий Никифорович (участник войны, награждён несколькими боевыми орденами), Привалихин Алексей Петрович, Карнаухова Анна Андреевна, Дербус Захар Иванович.

И снова о Паново, о котором есть более подробная моя статья в книге «Живёт облик родины с нами». Хочу дополнить список жителей некоторыми фамилиями. Была в деревне многодетная семья Тихоновых, семеро детей: Катя, Лиза, Иван, Мария, Зина, Володя, Миша. Семья бедная, но отец семейства, Пономарёв Тихон М., любил приложиться к рюмочке, естественно, за чужой счёт. Для этого он применял некоторую хитрость, о которой все знали. Проходя мимо дома, где гуляют, он становился на одно колено и делал вид, что завязывает развязавшийся шнурок черка или бродня. Процедура завязывания-развязывания продолжалась до тех пор, пока из окна дома его не позовут за стол. Володя обладал хорошим музыкальным слухом, самостоятельно научился хорошо играть на балалайке и гармошке, часто играл в сельском клубе во время вечеров отдыха вперемешку с патефоном.

Привалихин Иван Иванович («Пузырь»), долгое время работавший председателем колхоза «Пробуждение», а потом председателем сельпо, умный, доброжелательный человек, хороший руководитель. Некоторое время мне приходилось по-соседски нянчиться у него с маленькой дочкой Аней. Была в деревне бабушка Лена (Казоровых), бывшая колхозница, самая старая жительница села (более девяноста лет), довольно полная и приветливая старушка, подолгу последние годы сидела у окна и рукой зазывала прохожих односельчанок на чашку чая с отменными шаньгами. Не могу не вспомнить о мужиковатой крупной женщине Кингель Екатерине, немке, в деревне её звали Катя Большая, работала конюхом, а потом завхозом в сельпо, очень добрая и спокойная, своих детей не имела, но любила всех детей, защищала обиженных и всегда давала какой-нибудь гостинец. В летнее время иногда организовывала из старшеклассников бригаду по заготовке и сплаву леса из верхней части Пановского лесничества до с. Паново.

В Пановском отделении совхоза была животноводческая бригада в д. Селенгино, на базе бывшего колхоза «Колос Октября», вначале была группа дойных коров, пока там жила доярка Сизых Ольга Емельяновна, потом на острове содержался молодняк крупного рогатого скота на откорме. Бессменным бригадиром до середины девяностых годов был местный житель Бутаков Николай Михайлович, к которому часто заезжали на ночлег или за какой-нибудь помощью кежемские и усть-илимские рыбаки. Николай Михайлович – человек с хитрецой и природным юмором. Однажды мне рассказали про него

анекдот-быль. В весеннюю распутицу он по радию спрашивает у сына Александра, главного ветврача совхоза: «Что делать? Корова потеряла жвачку, не ест, не пьёт, можно чем-то лечить или забивать?». Ответ специалиста: «Если есть красное вино, налей корове в рот стакан вина, если не поможет, тогда придётся забивать». Николай Михайлович взял у жены, Нины Андреевны, бутылку красного вина и пошёл к корове. Примерно через час Нина Андреевна пошла проверить корову. Корова спокойно жуёт сено, а Николай Михайлович спокойно спит на сеновале. Нина Андреевна: «Это ты так лечишь корову?». Николай Михайлович: «Я ей стал наливать, а она говорит, что одна пить не будет».

В начале июля 1975 года по поручению бюро райкома ко мне приехал председатель райисполкома Островский Иосиф Андреевич с предложением о переходе на работу начальником районного управления сельского хозяйства. При всём моём уважении к И.А. Островскому как к умному и доброму человеку и районному руководителю, он меня не убедил в необходимости такой смены моей работы, и я отказался. Через несколько дней в совхоз приехал Г.Д. Радаев, работавший тогда уже первым секретарём РК КПСС и курировавший сельское хозяйство района. После проведения официальных мероприятий Радаев сказал мне, что нужно поговорить. Я догадывался, о чём будет разговор, и пригласил его на ужин. Ужин продлился до рассвета, нам было что вспомнить и о чём поговорить, – последние годы мы встречались довольно редко.

Я задал вопрос, чем не устраивает Попов Владимир Николаевич в качестве начальника управления сельского хозяйства, пришедший на смену Заборцеву Григорию Ананьевичу, перешедшему после защиты кандидатской диссертации на преподавательскую работу в Красноярский сельхозинститут. Владимир Николаевич – энергичный, настойчивый в решении проблем, в воплощении своих идей. Про таких говорят: выгоняешь в дверь – лезет в окно. Он сумел пробить в краевых организациях выделение нужного металла на изготовление плашкоутов для всех колхозов района, организовал строительство бетонных траншей для силоса и сенажа, в результате значительно уменьшились потери кормов, пробивал внедрение новых технологий. И, конечно, при этом допускал ошибки, критику в свой адрес не признавал.

Одной из таких грубых ошибок В.Н. Попова было строительство коровника траншейного типа в д. Заимка по тульскому методу. Принцип его заключался в том, что коровы содержались на полу, состоящем из чугунных щелевых плит, который должен был подогреваться биотопливом из траншей под полом с глубины около трёх метров. Многие, в том числе и я, будучи управляющим РОСХТ, серьёзно критиковали этот проект: кежемские зимы под пятьдесят градусов мороза – далеко не чета тульским. Биотопливо, основой которого была солома, могло не сработать, да и соломы почти никогда не было лишней, так как использовалась на корм скоту. Первая же зима показала несостоятельность этого проекта для условий района: смоченная мочой и навозом от коров солома промёрзла так, что потом за лето не оттаяла, а чугунные решётки пришлось срочно закрывать досками, и навоз убирать вручную.

Г.Д. Радаев умел убеждать собеседника своей логикой. Беседа на тему о цене ошибки руководителей разного уровня, что чем выше ступенька руководителя, тем дороже обходится его ошибка, что критиковать всегда легче, чем на деле доказывать свою правоту, что труд руководителя административного органа тоже приносит удовлетворение, и даже большее, чем у хозяйственника, хотя и значительно реже, и т.д. и т.п. В общем, к рассвету я дал согласие перейти на работу в районное управление сельского хозяйства.

Радаев поехал в Кежму (поспит в дороге), а я пошёл на свой последний рабочий день в совхозе, так как на завтра должен был уехать тоже в Кежму: принимать дела, знакомиться с новым коллективом, хотя со многими был знаком по прежней работе.

Управление сельского хозяйства в это время было неплохо укомплектовано специалистами. Главным агрономом работал молодой, энергичный, грамотный специалист Сафонов Иван Алексеевич, всегда с улыбочкой, но настойчиво добивавшийся внедрения севооборотов, соблюдения технологии полевых работ. Главным зоотехником был Данишев Николай Павлович, очень коммуникабельный человек: он не мог ни на кого обижаться или кого-то обидеть, знал по имени-отчеству всех доярок, телятниц, свинок в районе, своими шутками-прибаутками мог быстро сгладить возникшее напряжение, со всеми находил взаимопонимание. Главным ветврачом был Попов Александр Сергеевич, умный, серьёзный, знающий своё дело специалист, своевременно организовывал проведение сезонных профилактических обработок не только совхозных животных, но и в личных хозяйствах населения, не допустил ни одного случая серьёзных заболеваний. После его ухода с поста директора районной ветбаклаборатории (он заменил в своё время ушедшего на пенсию Белолипецкого Александра Дмитриевича), главным ветврачом района успешно работал Кайгородов Владимир Ильич, бессменным инженером гостехнадзора – Савватеев Александр Степанович. Инженером-землеустроителем работала Данишева Екатерина Прокопьевна, которая своевременно, грамотно и красиво оформляла все землеустроительные документы. После её ухода на пенсию, с 1982 года землеустроителем района работал Захряпин Пётр Васильевич, беспокойный, энергичный, лёгкий на подъём человек, уроженец д. Верхняя Кежма.

Главные инженеры управления сельского хозяйства сменялись довольно часто: А. Теряев (переехал в с. Богучаны), В.Д. Антипин (перешёл главным инженером в совхоз «Ангара»), В.И. Самаль (перешёл главным инженером в совхоз «Кежемский»). В восьмидесятых годах стал работать главным инженером Усольцев Сергей Николаевич, уроженец с. Кежма, подававший надежды молодой специалист. В начале моей работы начальником управления главным бухгалтером был Черных Александр Иванович, главным экономистом – Ширяев Дмитрий Н.

В Кежме, на базе бывшего колхоза «Заветы Ильича», был неплохой сортоучасток под руководством агрономов супругов Черепановых – Михаила Афанасьевича и Галины Ивановны. На участке проводились испытания по районированию различных сортов зерновых и кормовых культур, готовились предложения по технологии их выращивания, проводились семинары с руководящими работниками отделений совхозов. После переезда Черепановых в с. Заледеево, практически до ликвидации сортоучастка, его заведующей работала Илюхина Валентина Акимовна. Большая работа, особенно в осенне-зимнее время, проводилась в семенной лаборатории, которой заведовала Смирнова Валентина Ивановна, определяя всхожесть и влажность каждой партии засыпанных семян, готовила рекомендации по повышению всхожести, нормам высева семян в период полевых работ.

Уже через месяц после моего назначения начальником управления мне необходимо было делать доклад на очередной сессии райсовета о состоянии дел в районе по заготовке кормов и подготовке к уборке урожая. Если состояние дел по этим вопросам в совхозе «Ангара» мне было известно, то в совхозах «Кежемский» и «Проспихинский» мне необходимо было ознакомиться заново. Директором совхоза «Кежемский» был тогда А.М. Боровиков, вернувшийся в 1971 году обратно в район и работавший до образования

совхозов председателем колхоза «Заветы Ильича». С Боровиковым мы проехали по всем отделениям и бригадам, занимающимся заготовкой кормов.

На центральном отделении совхоза «Кежемский» (в Кежме) управляющим был Гладких Владимир Александрович, ответственный, способный, беспокойный руководитель, всегда был в курсе дел всех подразделений такого большого хозяйства. Бригадиром на о. Большой был Кулинич Иван Алексеевич, бывший кавалерист, участник войны. Бригадиром «домашней» бригады многие годы работал Лушников Михаил Елизарович.

В этом отделении совхоза было два свиноводства, один из них находился в д. Верхняя Кежма. Свиноводство на Кежемском отделении было развито неплохо, много поросят продавалось населению райцентра. Хороших результатов добивалась свиноводка Ткаченко Анна Матвеевна, получавшая по тысяче двести поросят от закреплённой группы свиноматок при плане восемьсот голов.

В бригаде, за малой речкой, была единственная в районе куриная птицеферма, которой заведовала до её закрытия Кулинич Анна Михайловна. На этом отделении всегда не хватало постоянных рабочих, поэтому в период заготовки кормов и уборки урожая привлекались коллективы предприятий райцентра. Многие годы из районного узла связи на уборке зерновых работал комбайнёром Зырянов Вениамин Никифорович, постоянно занимавший призовые места в районе.

В д. Заимка управляющим отделения был авторитетный в районе, бывший долгое время председателем экономически крепкого колхоза «Имени XXII партсъезда» Заборцев Николай Иннокентьевич, любитель внедрять новую технику, новые технологии, поэтому и «тульский» коровник на двести голов был построен в этом колхозе. В этом отделении надои молока от каждой коровы были выше, чем в других отделениях совхоза. Передовая доярка этого отделения, Сизых Екатерина Михайловна, получала надои свыше двух тысяч пятисот килограммов от каждой коровы. Телятница этого отделения Рукавишников Серафима Иннокентьевна постоянно, в течение многих лет, получала наивысшие в районе привесы – до пятисот пятидесяти граммов на голову в сутки.

В д. Алёшкино управляющим был Сизых Михаил Иванович, тоже бывший председатель колхоза «Ударник», хороший механизатор и механик, практически не выезжал из деревни вплоть до её закрытия. В этом отделении всегда был недостаток рабочих, жители постепенно переезжали в с. Заледеево и д. Сыромолотово, поэтому отделение в 1985 году – первым в районе – было закрыто, а оставшиеся производственные постройки были переданы учреждению К-100 для подсобного хозяйства.

Через несколько дней после поездки по совхозу «Кежемский» по рации договорился с директором совхоза «Проспихинский» Кошкиным Михаилом Фадеевичем о встрече в д. Дворец, а оттуда на лодке тоже проехать по всем отделениям и бригадам. Управляющим в д. Дворец был Сизых Василий Иннокентьевич, пожалуй, самый спокойный, не равнодушный, а именно спокойный управленец, никогда не теряющий присутствие духа в любых ситуациях, многодетный (одиннадцать детей!) отец.

Первым управляющим в д. Рожково стал Гнатышин Степан Иванович, бывший председатель колхоза «Красная Звезда», довольно успешно он справлялся с плановыми объёмами производства сельхозпродукции. Многолетним трудом заслужил большой авторитет не только у односельчан, поэтому его избрали председателем Проспихинского сельсовета, в состав которого входила д. Рожково. После него по несколько лет управляющими работали Верхотуров Николай Иванович, Улаев Анатолий Викторович,

который в период работы механизатором за высокие достижения был награждён орденом Красного Знамени. Бессменным, в течение нескольких десятков лет, в колхозе, а потом в отделении совхоза работал главным бухгалтером Верхотуров Иннокентий Степанович, один из лучших бухгалтеров района.

Среди когорты управляющих отделениями совхозов района особняком можно выделить Андреева Ефима Никитича, управляющего Проспихинским отделением, участника войны, награждённого не только боевыми, но и трудовыми наградами. Работая председателем колхоза «Советская Россия», он вывел колхоз в один из самых крепких, уступая разве только аксёновскому колхозу «Заветы Ленина». Хороший тандем, основанный на взаимном доверии, получился у Е.Н. Андреева с главным бухгалтером Верой Яковлевной Келлер, которая вникала в производственные дела, была всегда в курсе дел и успешно заменяла председателя в дни его отсутствия в хозяйстве.

К 1975 году в районе уже начались работы по строительству Богучанской ГЭС. Новое строительство объектов в совхозах было запрещено, так как это была зона будущего водохранилища. В связи с этим уже в 1972 году была ликвидирована межколхозная строительная организация (МСО), а её база передана ремонтно-строительному участку (РСУ) в с. Кежма. Поэтому на повестку дня сельскохозяйственного производства выдвигались две главные задачи: сохранение имеющегося уровня производства сельхозпродукции в районе и обеспечение своевременного, до наполнения водохранилища, переноса сельхозпроизводства в новые посёлки, на новые территории. Обе задачи были в этот период не из лёгких.

Главные бухгалтеры и экономисты в управлении сельского хозяйства сменялись довольно часто. После А.И. Черных главным бухгалтером работала Василенко Любовь Ивановна, Вологжина Нина Николаевна и другие. После Д.Н. Ширяева главными экономистами были Ляпкин Дмитрий, Постолов А., Вологжин Алексей Ануфриевич. Были периоды, когда не было ни главного бухгалтера, ни главного экономиста. Для составления сводных квартальных и годовых отчётов иногда привлекались бухгалтера из совхозов. В связи с этим мне приходилось много времени уделять изучению бухгалтерских отчётов, поскольку для квалифицированного проведения квартальных и годовых балансовых комиссий нужно было знать реальное финансовое состояние хозяйств, проводить более глубокий анализ производительности труда, себестоимости продукции растениеводства и животноводства. Необходимо было проводить районные совещания, семинары, конкурсы по профессиям. Если подготовку и организацию таких мероприятий осуществляли отраслевые специалисты по разработанным ими и утвержденным планам, основные доклады готовились мною в выходные дни и ночные часы. Но для этого необходимо было много ездить по району, чтобы знать истинное положение дел, проводить встречи с коллективами, как-то влиять на ситуацию, решать возникающие проблемы, анализировать ежедневные сводки по надоям, по ходу полевых работ. Эта работа занимала большую часть всего рабочего времени управления для решения первой задачи.

С благодарностью вспоминаю Островского Иосифа Андреевича, работавшего до 1980 года председателем райисполкома, – был моим непосредственным руководителем в районе, который с присущей ему мудростью очень тактично направлял, подсказывал и поддерживал меня в нужный момент.

В управлении сельского хозяйства был отдел капремонта, в котором по штату был один человек. В начале моей работы в управлении сельского хозяйства этот отдел занимался вопросами капремонта и реконструкции некоторых старых объектов в совхозах:

составлением смет, заказов на проектно-сметную документацию, сводных заявок на стройматериалы. Два года до трагической гибели работал Сизых Николай Николаевич, практик со средним специальным образованием. В таком составе отдел, конечно, не мог решать такой большой задачи, как организация строительства и перенос сельскохозяйственного производства из зоны будущего водохранилища ГЭС. Нужно было срочно решать вопрос расширения отдела капстроительства. С большим трудом удавалось в краевом управлении добиваться расширения отдела хотя бы на одного человека в год.

В августе 1979 года меня направили на учёбу в Высшую партийную школу в г. Новосибирск. Начальником районного управления сельского хозяйства был назначен М.А. Черепанов, проработавший до этого год директором совхоза «Кежемский». Я противник того, чтобы руководитель больше восьми-десяти лет занимал одну и ту же должность, но и частая сменяемость пользу делу не приносит. В сельском хозяйстве района это был период, когда «лошадей на переправе» лучше не менять.

По окончании Новосибирской ВПШ в июне 1981 года меня назначили заместителем председателя райисполкома по общим вопросам, эту должность в народе называли – зам по общим ответам. По должности чем только не занимался: курировал всё, что было в районе, кроме сельского и лесного хозяйства. Был председателем всевозможных комиссий: административной, по делам несовершеннолетних, наблюдательной по рассмотрению дел осуждённых на условно-досрочное освобождение, по культуре, по торговле, по приёмке строящихся объектов в эксплуатацию и т.д. Я честно пытался решать все возникающие вопросы, но это был не мой профиль.

Осенью 1983 года Черепанов написал в райком КПСС заявление с просьбой о направлении его директором укрупнённого совхоза «Заледеевский». Его заявление удовлетворили, а мне предложили перейти начальником управления сельского хозяйства, первым заместителем председателя райисполкома. Конечно, я согласился. Директором совхоза «Кежемский» тогда работал Самаль Валерий Иосифович, хороший руководитель с высшим сельскохозяйственным образованием, не суетился по мелочам, а старался работать на перспективу.

Везло мне на повторные возвраты к месту жительства, на место работы: два раза в Паново (механизатором и главным инженером), два раза – главным инженером и управляющим РО «Сельхозтехника», теперь второй раз начальником управления сельского хозяйства. (А ещё говорят, что снаряд в одну и ту же воронку дважды не попадает.)

Теперь мне необходимо было срочно заниматься организацией работ по увеличению объёмов строительства для всего агропромышленного комплекса на новых территориях, так как строительство объектов Богучанской ГЭС шло большими темпами. В штате отдела капстроительства управления сельского хозяйства было три специалиста, руководителем отдела уже несколько лет работала Панова (Брюханова) Ирина Егоровна, специалист с высшим образованием, с опытом практической работы в строительстве, инициативный и исполнительный работник. Но из-за частых и всё увеличивающихся командировок, к большому моему сожалению, вынуждена была уволиться по семейным обстоятельствам.

В 1984 году начальником отдела назначили Орлову Веру Павловну переводом из Недокурской ПМК, хорошего специалиста, с несколько авантюристическим складом характера. Отдел в основном занимался подготовкой проектно-сметной документации на новые объекты, на ремонт и реконструкцию действующих объектов, особенно в отделениях, принятых от Богучанского района, где ремонт не проводился годами, зная,

что будут переданы в Кежемский район. Но нужны были масштабные работы по строительству жилья, новых объектов производства и соцкультбыта, строительству дорог и линий электропередач, освоению новых земель. Для этого нужен был единый план, согласованный и утверждённый соответствующими краевыми органами и обеспеченный финансированием.

После долгого моего хождения «по мукам» в краевых организациях крайисполкомом было поручено отделу по подготовке водохранилищ ГЭС крайисполкома (заведующим отделом был Коробейников Владислав Николаевич) совместно с районным управлением сельского хозяйства подготовить проект решения крайисполкома по этому вопросу. Краевое управление сельского хозяйства заниматься этим вопросом отказалось, мотивируя тем, что выделяемые средства на перенос сельхозпроизводства в Кежемском районе выгоднее вкладывать в другие районы края, а потребности жителей Кежемского района обеспечивать привозными продуктами. Но каких-то конкретных предложений представлено не было, и такой вариант в официальных органах не рассматривался.

Нами был подготовлен подробный план очерёдности строительства всех необходимых объектов, определены объёмы и задачи по их выполнению. Проекты этого плана и решения крайисполкома были рассмотрены и согласованы с исполнителями: Управлением строительства Богучанской ГЭС, Красноярскагропромстроем, Красноярскавтодором, Красноярскводстроем. Ими были внесены некоторые предложения по срокам и объёмам финансирования. Только после этого крайисполком в начале 1987 года рассмотрел и утвердил представленный проект.

Дела по строительству новых объектов значительно ускорились: были созданы ПМК агропромстроя в с. Заледеево и его филиал в с. Кежма для освоения земель, хозрасчётное СМУ в г. Козинске. Ежегодно согласовывались титульные списки по строительству и вводу объектов в эксплуатацию. Финансирование всех плановых объектов обеспечивалось в полном объёме. Хотя плановые объёмы и сдача объектов в эксплуатацию не всегда выполнялись, особенно строительно-монтажным трестом Богучанской ГЭС, всё-таки объёмы капвложений и строительно-монтажных работ значительно росли с каждым годом. Осваивались новые земли в ур. Ленпосёлок и на чадобецкой стороне в совхозе «Заледеевский», в ур. Бузыканоно Ирбинского отделения совхоза «Ангара», для совхоза «Кежемский» – севернее п. Новая Кежма; начали строить автомобильные дороги: Заледеево – ур. Ленпосёлок, от бетонной дороги Козинск – Братск до с.Ирба.

Уже к 1990 году встал вопрос о необходимости реорганизации отдела капстроительства управления сельского хозяйства в самостоятельное предприятие с функциями заказчика. Получив согласие от краевого управления сельского хозяйства (В.П. Колот), мы подготовили необходимые документы, и я поехал в Москву, в Министерство сельского хозяйства. В первую поездку мне не дали положительного решения, документы оставили на рассмотрение и сказали, что решение будет не раньше, чем через десять дней. Второй раз поехал через десять дней, что вызвало некоторые досужие кривотолки. Вернувшись из Москвы уже с приказом Минсельхоза об образовании Дирекции по переносу сельскохозяйственного производства из зоны водохранилища Богучанской ГЭС как службы заказчика, в аэропорту Емельяново встретил И.А. Островского, и он меня огорошил своим вопросом: «Ты что зачистил в Москву? Говорят, ты пробиваешь разрешение на выезд в Германию. Это правда?». После моего ответа он чуть не выругался и произнёс с явным облегчением: «Ну, слава Богу! А то я уж расстроился».

Мне его реакция на эту молву понравилась. А поверить в эти слухи было несложно: тогда много российских немцев выехало в Германию. Из Казахстана в Германию тоже переехали трое моих двоюродных сестёр с семьями, к которым уже на пенсии, в 2009 году, я съездил в гости и с ними побывал даже в Париже. Чистая, прибранная и благочестивая Европа мне не понравилась: тесно там, простора и свободы мало, много запретов, всё регламентировано. Сделал вывод: ЛУЧШЕ, чем Россия, а Сибирь – в России, на свете места НЕТ!!!

Но вернёмся к нашему многострадальному сельскому хозяйству. Расширенный до почти четырёхсот километров совхоз «Ангара» был мало управляемым. На отделениях Ирба и Бидея необходимо было постоянное оперативное решение многих хозяйственных вопросов. Поэтому управлением сельского хозяйства совместно с руководством совхоза, где директором с 1986 года работал В.Н. Игнатов, обратились в краевое управление сельского хозяйства с предложением о выделении из совхоза «Ангара» и создании на базе отделений Бидея и Ирба отдельного совхоза «Бидейский». Такое разрешение мы получили, и в начале 1991 года образование нового совхоза было юридически оформлено. Директором совхоза «Бидейский» назначен В.Н. Игнатов, а совхоза «Ангара» – Сизых Владимир Вениаминович, работавший главным инженером. Но вскоре он уволился, и директором совхоза была назначена главный зоотехник Цыб Людмила Анатольевна, проработавшая в этой должности до конца существования хозяйства. Ещё в 1990 году в д. Бидея был открыт хозрасчётный строительный участок, прежде всего для строительства жилья за счёт средств по переносу из зоны водохранилища ГЭС. Строительные материалы можно было завозить только зимой из-за отсутствия дорог. Летом сообщение было воздушное, необходимые товары большее время года завозились, и молочная продукция из отделений совхоза вывозилась самолётами. Однажды приобретённую бетономешалку срочно пришлось завезти в Бидею вертолётom.

В результате перестройки в конце восьмидесятых годов значительно ухудшилось снабжение района продовольствием. Райкомом и райисполкомом ставилась задача по увеличению производства молока и мяса за счёт развития личных подсобных хозяйств населения, развития подсобных сельских хозяйств промышленных предприятий и даже в школах района по выращиванию картофеля и овощей. Заключались договоры с лесозаготовителями из других регионов страны на поставку в район для подсобных сельских хозяйств комбикорма, на завоз различных консервированных продуктов.

Следует учитывать, что при росте общего населения в районе с одиннадцати тысяч человек в 1930 году, когда почти всё взрослое население и даже дети были заняты в сельском хозяйстве, до двадцати шести тысяч человек в восьмидесятые годы, в сельском хозяйстве было немногим более тысячи двухсот восьмидесяти человек, и это количество работников сельского хозяйства с каждым годом сокращалось. Только за 1987–1990 годы оно уменьшилось на двести тридцать семь человек, то есть более чем на восемнадцать процентов: пожилые уходили на пенсию, в мир иной, а молодые искали лучшей доли в других местах. Если в крае на каждого жителя приходилось более одного гектара пашни, то в Кежемском районе не более 0,4 гектара.

О состоянии сельского хозяйства в районе к 1991 году можно судить по следующим статистическим данным:

НАЛИЧИЕ ПОГОЛОВЬЯ СКОТА В ХОЗЯЙСТВАХ РАЙОНА (ГОЛОВ)

Категории хозяйств	Лошадей			Крупного рогатого скота			Свиней			Овец и коз	
	1928 г.	1977 г.	1990 г.	1928 г.	1977 г.	1990 г.	1928 г.	1977 г.	1990 г.	1928 г.	1990 г.
Личные подсобные хозяйства	5095	352	290	7518	1396	1673	600	352	3056	8573	401
Совхозы	-	359	205	-	4807	6218	-	3517	3219	-	-
Подсобные хозяйства предприятий	-	-	68	-	-	1573	-	-	1539	-	11
По району	5095	711	563	7518	6203	8464	600	3869	7814	8573	412

РЕАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ВИДОВ ПРОДУКЦИИ (ТОНН)

Категории хозяйств	Мясо			Молоко			Зерно
	1943 г.	1977 г.	1990 г.	1943 г.	1977 г.	1990 г.	1943 г.
Колхозы	299	-	-	800	-	-	3389
Совхозы	-	788	1077	-	2233	3492	-
Личные подсобные хозяйства	данных нет	130	160	данных нет	83	363	-
По району		918	1237		2316	3855	3389

Справка: в 1943 году районом было сдано государству наибольшее количество зерна, пашня была засеяна на 100 %, не было ни одного гектара паров (это, конечно, издевательство над землёй, но была война, армия и страна требовали хлеба); в 1928 году не было ни одного колхоза, в 1940 году – 26 колхозов, в 1964 году – 13 колхозов, в 1973 году – 10.

Продуктивность скота хоть и росла, но оставалась довольно низкой: надои молока от одной коровы в год составляли: 1940-е годы – около 650 кг, 1953 год – 765 кг, 1965 год – 1574 кг, 1977 год – 1593 кг, 1990 год – 2040 кг; живой вес взрослого скота (коров) в 1928 году, вплоть до середины 1950-х годов, составлял всего около 250 кг, а убойный вес молодняка около 120 кг. Однако в 1990 году вес взрослого скота составлял уже 350–400 кг, а убойный вес молодняка на откорме доходил до 330 кг в возрасте до двух лет. С 1988 года все совхозы района работали с прибылью.

После принятия в СССР новых законов «О кооперации», «О крестьянских (фермерских) хозяйствах» в 1990 году в районе тоже начали создаваться крестьянские (фермерские) хозяйства. В 1991 году их было уже 24 хозяйства, за ними было закреплено 1053 га сельхозугодий, из них 310 га пашни. Отдельные свиноводческие фермы совхоз «Кежемский», директором которого тогда был Лой Анатолий Станиславович, передавал на подряд (в аренду). Так, в аренду взял свинарник в д. В. Кежма Вологжин А.А., в с. Кежма свинарник в аренду взял Воловик В. В первый год у них дела шли довольно неплохо: увеличился приплод, повысились привесы, была хорошая материальная заинтересованность.

Однако развал СССР в 1991 году и изданный 30.12.1991 г. Президентом РФ Указ «О реорганизации колхозов и совхозов» полностью лишил сельское хозяйство государственной поддержки. Кежемский район и весь Красноярский край поставлены в равные экономические условия с Краснодарским и Ставропольским краями. Совхозы были реорганизованы в частные коллективные предприятия и крестьянские (фермерские) хозяйства. Входящие составляющие (техника, горюче-смазочные материалы, электроэнергия и другие) резко возросли в цене, себестоимость продукции очень высокая, а цена реализации её низкая из-за неплатежеспособности населения. Работать и существовать в таких условиях себе в убыток просто невозможно. Сельское хозяйство района быстро пошло на сокращение, расчёты с рабочими осуществлялись пресловутым бартером, натуральной платой: мясом, поросятами и свиньями, телятами и даже коровами. Если в ходе реорганизации совхозов было зарегистрировано в районе более 100 крестьянских (фермерских) хозяйств, то к началу 2000-х годов их осталось меньше 10. Всех дольше продержались крестьянское (фермерское) хозяйство «Вита» Игнатова Виталия Николаевича с сыном Олегом (сначала в п. Недокура, затем в д. Сыромолотово), которые за счёт двухпольной системы земледелия получали урожаи зерновых более 40 ц/га без применения минеральных удобрений, и хозяйство «Заря» Марковского Ивана Дмитриевича в с. Кежма, занимавшееся выращиванием зерна и откормом свиней.

В 1993 году было прекращено финансирование строительства объектов сельского хозяйства и освоение новых земель вне зоны водохранилища ГЭС: зачем строить и корчевать лес, если не используется то, что имеется? Зато быстро стала развиваться частная торговля, челночный извоз, мелкое предпринимательство. Новые времена, новые проблемы, новые решения. **ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!!!**

Февраль – март 2017 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕРЕВНЕ АКСЁНОВО

В.Г. Брюханов

Моя деревня Аксёново находилась на левом берегу реки Ангара, выше села Кежма на тридцать два километра и ниже села Паново на восемнадцать километров. Кежма и Паново стояли на правом берегу. Было у нас в деревне две улицы, шестьдесят дворов, начальная школа, два магазина, клуб. Возле клуба, на двух столбах, находился колокол, которым пользовались в случае пожара.

Люди занимались животноводством, выращивали пшеницу, рожь. Для животных заготавливали сено, силос, картофель. Пашни и луга у нас были как на Матерой, так и на островах. И был у нас колхоз «Заветы Ленина». В 1973 году у нас объединили пять колхозов (в деревнях Аксёново, Паново, Селенгино, Усольцево, Фролово) и сделали один совхоз «Ангара». Директором совхоза «Ангара» был наш председатель колхоза Кревин Николай Иванович.

Люди у нас были ну очень работающие, мужики и женщины – хоть на ферме, в поле, на сенокосе – работали наравне. И мы, ребяташки, глядя на них, тоже старались быть похожими в чём-то на взрослых. В восемь-девять лет возили копны, помогали взрослым запрягать лошадей в конные косилки. Девчонки были задействованы на летних выпасах молодняка – телят и свиней. На период сенокоса нас увозили на острова, чтобы не тратить времени на поездки. Утром, до завтрака, косили литовками. Позавтракали и идём грести сено: кто копнить, а кто стога метать. Было две-три бригады. Да, хорошее время было, есть, что вспомнить. Жаль только, что нехорошо с нами поступили.

Вечером люди садились в лодки и ездили ловить рыбу, кто удочкой, а кто и поплавнем. Напротив Аксёново был остров Черчаны, а за этим островом была рыбалка на хариуса, приезжали туда и с других деревень, даже с Кежмы. Бывало, выедешь семьёй в выходной, пока костёр разжигают, а ты уже на уху наловил. И отдохнули, и ухи поели, и подзагорели.

После уборки урожая мужики уходили на охоту. Добывали белку, соболя, добывали и мясо лося и медведя. Вот приходят мужики с охоты домой, а дома у них чистота и порядок. Позаботились женщины: побелили везде и половики постелили, шторы (тюль) на окна свежие повесили. Хорошо-то как! Вот такие у нас хорошие люди.

По окончании начальной школы в своей деревне нас отправляли в село Паново, где мы учились до восьмого класса, а проживали в интернате. В сентябре увозили нас на лодках, а в субботу забирали домой. В воскресенье вечером привозили снова в интернат. Когда несло шугу, мы оставались в интернате, пока не замёрзнет река. Потом нас возили на лошадях, а зимой, как окрепнет лёд, возили на грузовой машине в кузове. На дне кузова лежала солома, чтобы помягче было, да и теплее от досок.

В клубе нашем была библиотека. Многие читали книги, были подшивки газет и журналов. Регулярно крутили кино. Помню, привозили фильм «Генералы песчаных карьеров», этот фильм мы смотрели всей деревней.

Ездили с концертами художественной самодеятельности в другие деревни, и к нам приезжали из Кежмы и Паново.

Когда пришла война, с нашей деревни на фронт ушло более тридцати человек, многие не вернулись. Вот и мой дед Василий погиб за наше светлое будущее. Когда шла война и мужики были на фронтах, женщины и ребятишки трудились за себя и за того, кто защищал нашу Родину.

Хотелось бы написать про каждого жителя нашей деревни Аксёново, каждый заслуживает этого – будь то доярка, свинарка, пастух, механизатор, простой рабочий, работник почты, продавец, учитель или руководитель. Некоторые имели государственные награды.

Мать у меня, Брюханова Екатерина Николаевна, сколько себя помню, работала дояркой. Отец, Брюханов Григорий Васильевич, был групповодом, бригадиром. В 1964 году колхоз отправил его в Красноярск учиться на шофёра, он закончил и вернулся домой.

Шёл сентябрь, я ходил во второй класс. Утром женщины пошли доить своих коров на поля (после уборки зерновых коров и телят выпускали в поля). Смотрят, собаки возле какой-то кучи земли, подошли поближе, присмотрелись – следы медведя. Медведь ночью напал на телёнка и загрёб его в землю. Он, видимо, парное мясо не ест. Мой отец и ещё несколько мужиков достали этого телёнка и на машине увезли. Кучу земли снова нагребли, чтоб скрыть от медведя «кражу» мяса. Это было в пятидесяти метрах от медпункта.

Я пришёл из школы, и отец приехал на обед. Дом наш стоял на высоком месте, и из окон нашего дома были видны поля, подтоварник и опушка леса, как на ладони. Через дом от нас был песок, там любили играть малыши. Вот и в тот день там играли три Любы: Люба большая (по росту) – Любовь Григорьевна Гузенко, Люба средняя – Любовь Григорьевна Брюханова (моя сестра) и Люба маленькая – Любовь Валентиновна Брюханова и Таня (Татьяна Григорьевна Брюханова, моя сестра). Увидели они медведя, подбежали к нашему дому и все вчетвером кричат: «Папа, медведь!». Мы увидели, как от опушки леса, в сторону медпункта бежит медведь. Отец схватил ружьё и побежал к медпункту, я – за ним. Забежали в ограду медпункта, и в это же время подбежал медведь. Обнюхал медведь кучу, а там и не пахнет, и направился в сторону деревни. Но, не сделав и трёх шагов, был остановлен пулей. Потом, чтобы было наверняка, получил ещё две пули. Затем отец пригнал машину, собрались мужики и загрузили медведя в кузов и провезли по всей деревне по обеим улицам.

Не могу я не сказать и о своей бабушке, Брюхановой Матрёне Ивановне, я её очень любил, да и она меня тоже. Было мне годика три-четыре, ходил я с ней на пастбище корову доить. Коровы паслись у нас за один-полтора километра. Я устану, так она посадит меня на спину к себе и идёт. Обрато – ведро молока, и я сверху. Баба Граша и говорит: «Васька, слазь, а то молоко заберу». Жалко мне молоко отдавать, я слезу и иду пешком вместе с бабушками. Бывало, мы ещё спим, а бабушка наша напечёт пирогов, шанюшек, булочек – пальчики оближешь, ешь и ещё хочется!

Наша деревня славилась ещё сметаной и хлебом. Бывало, самолёт прилетит – Аксёново, Паново, Усольцево, Фролово, а лётчики попросят купить хлеба (булки большие были) и сметаны, и на обратном пути забирали. Хлеб пекла Екатерина Ивановна Карнаухова. Пока до дому идёшь, больше полбулки хлеба съешь, вот такой вкусный хлеб был.

Жители нашей деревни ну очень гостеприимные были. Кто бы ни приехал в гости – днём или ночью, – тут же на столе появляются рыба солёная, отварная, груздочки,

рыжики, брусника, голубика, пироги, шанюшки. А если какой-то праздник, то это массовое гуляние с песнями, танцами, плясками. Умели и работать хорошо, и повеселиться на славу, и своё хозяйство вести.

Одним словом, чудесные наши люди! Таких ещё поискать нужно. Низкий поклон и уважение каждому жителю деревни Аксёново, будь то люди в возрасте или младше меня.

Я рад, что многие аксёновцы откликнулись и приехали на встречу в октябре 2016 года. Ещё раз огромное вам всем спасибо!

2017 г.

СЧИТАЮ СЕБЯ АНГАРКОЙ

Г.А. Дмитриева

Я – не ангарка, но считаю себя ангаркой, потому что прожила на Ангаре тридцать лет. Приехала на Ангару по комсомольской путёвке девчонкой, учительницей начальных классов, и сразу влюбилась в Ангару и в ту местность, где была расположена деревня Аксёново. А расположена она была на самом берегу Ангары. По всему берегу, у самой воды, стояли моторные лодки. А зачем эти лодки? Для передвижения по реке, для рыбалки.

Почти все жители нашей деревни, от мала до велика, были рыбаками и рыбачками. Как только пройдёт на реке ледоход, сразу начинается гудение моторов по реке, значит, началась рыбалка. Рыбу добывали для пропитания всякую: и щуку, и окуня, и сорогу, и ельцов, и сига, и тайменя, и хариуса. А рыбы всегда было много, потому что в Ангаре была такая чистейшая вода, что на два метра в глубину были видны все камешки на дне и столько много подводной травы, что рыба не жила, а блаженствовала.

А сколько добывали хариуса на удочку! За один вечер рыбак, который не ленился (мой муж), добывал два пятнадцатилитровых ведра. Что мы с этой рыбой только ни делали! И солили, и коптили, и сушили, и вялили, и жарили, и уху варили, и рыбные котлеты делали. Даже ребятишки брали пример со взрослых и на удочку ловили у берега ершей. А какие они вкусные!

А какой на Ангаре был ледоход! Невозможно было равнодушно смотреть. Я могла целый час стоять и смотреть, как льдины, такие громадные, плывут с таким шумом, а иногда с треском нагромождаюсь одна на другую, образуя целые горы. Красота неописуемая!

Жизнь в деревне была спокойная, размеренная. Колхозники в основном занимались скотоводством, разводили коров, лошадей, свиней. Была молочная и свиная фермы. Занимались полеводством, огородничеством, осенью – охотой.

Огороды и поле под картошку были общие. Мне это было всё удивительно и интересно. Я – жительница городская, когда приехала на Ангару, была незнакома со всем деревенским укладом жизни, но всему меня научила мама мужа: и в огороде сажать, и как ухаживать, и рыбу чистить, и солить, и стряпать. Я о ней до сих пор вспоминаю с благодарностью, какая она была добрая и мудрая женщина. Звали её Анна Фёдоровна Дмитриева.

Много хороших и добрых людей жило в нашей деревне. Я с ними и по ягоды ходила, и на сенокосе работала, и в субботниках участвовала, и в концертах тоже. На сенокосе грабли в руках никогда не держала, но добрые жители быстро всему меня научили. И я потом ходила на сенокос с удовольствием.

Однажды пошли мы по бруснику, было нас, женщин, двенадцать или тринадцать. Есть такая гора в лесу, называется Лысая, она очень-очень крутая, почти отвесная. Вот забрались мы все на неё кое-как, а там – целая большая поляна спелой брусники, но видно, что по ней кто-то ходил и хватал ягоду, а потом мы увидели медвежий помёт, так все испугались и хотели спускаться с горы обратно, но тётя Валя Карнаухова говорит: «Давайте стучать ведро о ведро». И такой звон поднялся, что ушам стало нехорошо. Потом она говорит, что вот теперь можно и ягоду собирать, грех с такой поляны уходить, медведь от такого шума сейчас далеко убежал. Помню, что бруснику набрали все.

А однажды на сенокосе случилась беда. Это произошло 7 августа. Вокруг нашей деревни по Ангаре много островов, и все имеют такие красивые названия: Чирчана, Еловый, Курейный, Булакан, Сидонча, Лябганча, Большая Иринда, Малая Иринда, Тунгусский, Берёзовый, Басковой и такие места, как Гумбея, Аталанда.

И вот на Чирчане 7 августа был большой сенокос, надо было сгрести много сена. Было много народу. Гребли сено, собирали в копны, копны – в зароды. Около одного зарода работало шесть мужчин. Началась гроза. Мужчины торопились завершить зарод. Но случилась беда: ударила молния, такая сильная, с треском, и все шестеро мужчин, которые завершали зарод, упали. Трое из них поднялись, а трое, которые были выше ростом, так и остались лежать. Это была настоящая трагедия. Хоронили всей деревней.

Наша деревня стояла на левом берегу Ангары, а соседняя деревня Паново, где учились наши дети после начальной школы, находилась на правом берегу Ангары, в восемнадцати километрах от нашей деревни. И каждую субботу родители-отцы забирали своих детей на выходные или праздники домой. И вот, в один из таких субботних дней одна семья поехала за детьми на лодке. Когда ехали обратно, поднялся сильный ветер, и лодка опрокинулась – трое младших ребятшек утонули. Были организованы поиски, дети были найдены и похоронены. Горе, конечно, такое не забывается.

Но были и хорошие дела. Вот, например, помню: организовывалась «помочь», особенно по заготовке дров, – одни пилили, другие кололи, третьи складывали. Устраивали субботники, концерты со взрослыми и учениками, отмечали все праздники: 7 ноября, Новый год, 23 февраля, 8 марта, 1 мая, 9 мая, дни рождения, и всё это делали так интересно: пели наши советские и старинные ангарские песни, танцевали, плясали, веселились по-своему.

После того как нам объявили, что наша деревня попадает под затопление, все жители начали разъезжаться кто куда. Так было печально, болезненно покидать обжитые края, свою деревню, к которой прикипели душой, грустно расставаться с людьми, с которыми за тридцать лет сильно сдружились.

И вот, пока не затопили нашу деревню, мы все решили встретиться в Аксёново. Какая это была встреча! Словами не описать, это надо было видеть. Столько приехало народу, столько было встреч, объятий, поцелуев, столько было радости от встречи!

После первой встречи было ещё две, но уже в Красноярске.

Мы помним и часто вспоминаем различные эпизоды из жизни и быта нашей деревни и очень сожалеем о том, что её уже нет, но остались в душе такие тёплые и светлые воспоминания на всю оставшуюся жизнь.

P.S.

Сколько можно написать ещё воспоминаний: и как мы отдыхали – выезжали на лодках на остров Еловый, там и в волейбол играли, загорали и купались, и уху варили на костре из рыбы (хариуса), которую мужчины здесь же, с берега, добывали. А как сын добывал диких уток, таких жирных, что когда их палили, то жир прямо стекал на землю. А какой запашистый вкусный суп из них – одно объедение! Как зять мой наудил почти полную лодку рыбы, даже была такая фотография, где он сфотографирован лёжа, на куче рыбы. Эта фотография долго ходила по рукам, потому что не верили, так и потерялась...

Да, много чего можно вспомнить...

2017 г.

ВСПОМИНАЯ СВОИХ РОДСТВЕННИКОВ

В.М. Львова

Я, коренная кежемская девчонка, родилась в доме своих бабушки и дедушки, который после сноса старого ветхого домишки, заново отстроенного в уютный небольшой весёлый домик, находился по адресу: улица Пролетарская, дом 64, а позднее – улица 60 лет ВЛКСМ, дом 90.

Мой дедушка Михаил ехал ребёнком со своими родителями, братом Сергеем, сёстрами Машей и Шурой с города Тобольска (детская фамилия его была Шолохов). В дороге их родители погибли, а их, четверых детей, взяли на воспитание к себе кежмари. Дедушку моего усыновила семья Парфёнова Игната. Так мой дедушка стал Парфёновым Михаилом Игнатовичем. Бабушка была родом из деревни Мозговая. Прадед мой, Паркачёв Матвей, был хозяином многодетной семьи. Дети – Гавриил (позже – дед Зои Дмитриевны Столбиковой), Иван, Дарья (была матерью Журавлёвой Пелагеи Ильиничны), Нениля (была матерью Рожковой Варвары Петровны, которая продавала билеты в кино), Лукерья – моя бабушка.

Бабушка Лукерья Матвеевна, 1893 года рождения, была самой младшей дочерью. В 1914 году дедушка мой, Парфёнов Михаил Игнатович, и Паркачёва Лукерья Матвеевна поженились. У них была многодетная семья с шестнадцатью детьми, многие из которых поумирали в молодом возрасте. Дедушка был кадровым охотником, сдавал государству пушнину, дичь, птицу, мясо. В 1951 году по лесам было очень много дезертиров, которые убили нашего деда и его друга в лесу, забрали всю пушнину, дичь, всю охотничью принадлежность и скрылись. Бабушка умерла в 1957 году. Я её помню очень смутно. Это была (по словам бабушек – кежмарей) красивая женщина и строгая мать, так как воспитание детей было на её плечах. Дед был добытчиком-охотником, очень добрым семьянином, приучившим к труду выживших своих пятерых детей (они и охотились с ним, и рыбачили, и дрова заготовливали). Были очень трудолюбивыми, добрыми людьми. Никакой работы не боялись, за всё смело брались и добросовестно выполняли. Так, молодыми девушками моя мама, Парфёнова Мария Михайловна, 1922 года рождения, её сестры – Матрёна, 1920 года рождения, Варвара, 1926 года рождения, Анна, 1934 года рождения, поехали

в город Норильск по оргнабору на строительство объектов промышленного назначения – заводов, фабрик. В газетах писали, что город Норильск строили зеки. Нет! Это были и добровольцы, молодые девушки и ребята с Кежемского района. Моя мама жила в Кежме до 1982 года, работала на почте в отделе «Союзпечать». Потом я забрала её к себе, в Красноярск. Мама умерла в 1987 году из-за болезни сердца.

Сестра Варвара после Норильска уехала жить в Молдавию с мужем, там и умерла. Сестра Екатерина (позже Кокорина) работала в Кежме в райсобесе, в госстрахе. С супругом Алексеем Поликарповичем воспитывали дочерей Людмилу и Галину. Умерла в возрасте восьмидесяти двух лет в 2011 году. Сестра Анна (позже Козлова) работала в ЦСО (в архиве), в 1975 году уехала в Ростовскую область. Её сын, Козлов Валерий, 1953 года рождения, живёт в Ростовской области.

Моя мама, несмотря на то что сама часто болела, была к людям добра и милосердна. Помню, по неизвестным мне причинам, у нас жили старенькие бабушки – Стёпа, Анна Колесничиха безродные, и мама присматривала за ними. В последнее время к нам перешла жить её бездетная троюродная тётка, Верхотурова Устинья Федосеевна, приехавшая из Бодайбо. Мама всем уделяла внимание, жалость, уважение. Часто собирала нас, детвору, околотошных девчонок, ходили пешком в лесок за селом собирать ягоду (костянику), за грибами, полевыми цветами.

Наша околотка начиналась от переулка Революционный до переулка Луначарский по Пролетарской (или 60 лет ВЛКСМ) улице. Соседи друг друга уважали, жили дружно. Своё детство запомнилось тем, что на нашей улице всегда было много ребятшек. Играли в «круговую лапту» («выжигало»), «бита банка», прятки, городки. Зимой катались с горок на маленьких и больших санях, кучей-малой, доезжали чуть ли не до середины Ангары. В школе зимой проводили игру «Зарница». Как интересно она проходила! На лыжах катались за селом. Красота! Не опишешь. А весной, когда ледоход, сколько лесу несло! Мы с мамой в лодке ловили брёвна, мама скобами захватывала два-три бревёшка и тянула их на берег, а потом распиливали ручной пилой. Огород и вода, дрова были на наших с мамой женских плечах. Хоть и тяжело было в детстве, но это было очень весёлое, забавное время. А сколько радости было, когда из города Красноярска прилетали большие самолёты – мы с сёстрами, Кокориными Людой и Галей, забирались по лестнице на крышу и махали ручонками вслед самолёту. А летом, после трудового дня, собирался народ – старушки возле нашего дома, играли в карты, а то и просто смотрели, как мы, ребятшки, играем в игры, разговаривали о жите-бытье, а мы слушали этот кежемский разговор – ручеёк, искренний и смешной.

Помню случай из детской жизни. К бабушке приходили подружки в черках, естественно, не снимали, проходили в обуви. Но я не понимала, что они безграмотные, и вывешивала им объявление: «Снимайте обувь при входе». А они придут, у крыльца стоят и кричат бабушку: «Ой, Верка тут опять каку-то бумагу повесила». Бабушка мне под зад поддаст, сорвёт плакат, и они проходят. А мама мне потом выговаривала, почему пол грязный. Вот и приходилось по несколько раз подтирать полы. Так и приучили меня к труду. Я им за это благодарна теперь.

А в основном воспоминания о детстве – это светлые ощущения родства с природой, рекой Ангарой, соседями-кежмарями. Как всё это можно забыть? Невозможно забыть этого счастливого детства.

2016 г.

МНЕ ЧАСТО СНИТСЯ АНГАРА

В.Я. Заборцев

*Поле, русское поле,
Пусть я давно
Человек городской,
Запах полыни,
Вешние ливни,
Вдруг обожгут меня
Прежней тоской.*

(слова из песни)

Тоска – такое короткое и в то же время очень ёмкое слово! Ёмкое, потому что вобрало в себя самые глубинные чувства человека, чувства длительно-томительного отсутствия семейного очага, родных и близких людей, тепла и уюта родного дома, чувства нетерпимого ожидания радости встречи, если есть такая возможность.

Но и совсем уже нестерпимо больно, когда эти утраты необратимы, когда нет возврата к родному гнезду, устроенному твоими отцами и дедами, где немало вложено и твоего труда за долгие годы проживания, нет никакой возможности хоть когда-нибудь вернуться в родные края, – их просто нет.

*Осталась лишь **тоска. Горькая тоска.***

Родился я в 1937 году, в посёлке Косой Бык, – тоже понятно, почему там. Мои предки (по отцу – заимские «Трошата», по матери – алёшкинские «Штешины») были раскулачены и поселены здесь после недолгих мыканий по островам и болотам. Там был создан колхоз, который славился высокой трудовой дисциплиной, хорошими урожаями. Не бедный был колхоз. В этом колхозе добросовестно трудился мой дед, Заборцев Андрей Ксенофонович, – отличный мастер, плотник, столяр, бондарь. Пользовался авторитетом у сельчан, был избран старостой посёлка. В 1938 году моего деда, Андрея Ксенофоновича (колхозник, плотник, столяр), арестовали и расстреляли «за содействие силам сопротивления власти». Ходили слухи, что их, целую илимку кежемских (кособыцких) мужиков, затопили на устье Ангары. Жили мы там до 1944 года. В 1942 году отец, Яков Андреевич, ушёл на фронт.

Навсегда остались в моей памяти проводы отправляющихся на фронт. Катер медленно отводит от берега илимку, палуба которой битком заполнена мужчинами. Крики прощания, прощальные песни, машут кепками, руками, и женщины... женщины по пояс и по грудь в воде, плач и громкие рыдания... Наша мама с младшим на руках, которому полтора года, тоже в воде. Отец погиб в сентябре 1943 года, похоронка пришла в декабре. Лютый мороз, в избе много сочувствующих, плачущих родственников, вздрагивающие плечи и безутешное рыдание мамы. Таким мне запомнился Косой Бык.

Летом 1944 года мы перебрались в деревню Алёшкино, маму позвала родина. Долгое время она работала дояркой (пятнадцать – восемнадцать коров на доярку), позднее –

телятницей, до тех пор, пока я не перевёз её к себе в Кежму. Мне было семь-восемь лет, когда я полностью освоил работу на колхозной животноводческой ферме. Каждый вечер я бежал туда, помогая разносить сено, солому, убирать навоз, поить телят.

Всю жизнь мама прожила в моей семье, умерла на девяностом году жизни. Многому она меня научила. Даже в свои годы, работая на дачном огороде, я вспоминаю, как надо делать грядки, окучивать картошку и т.д.

Нас было трое, нелегко ей было с нами. Пенсию за погибшего отца стали выплачивать в 1947 году. Мама была единственным нашим воспитателем. Всё, что я умею и могу, – это от неё. Ей ещё раз пришлось зайти в воду, когда провожала меня, шестнадцатилетнего, в Красноярск и тоже плакала и заклинала: «Господь с тобой!», «Сохрани его, Господи!».

В одну из наших земляческих встреч я экспромтом написал:

Покаяние

Мы не помним своих отцов,
Им – вечная память, их забрала война.
Но наши матери, вдовы солдатские,
Нам отцов заменили сполна.

Они и пахали, и сеяли,
Вместе со всеми кормили страну,
Это они воспитали, взлелеяли
Послевоенную безотцовщину.

Они – молодые, красивые,
Честью своей дорожа,
Верность свою сохранили до смерти,
Верность погибшим мужьям.

Они были достойны наших отцов.
Чтобы выразить всё, что они заслужили,
В языке нашем русском, богатом,
Не хватает запаса слов.

Простите нас, мамы,
Мы в долгу перед вами.
Долги матерям неисчислимы.
Мы вас мало жалели, мало любили.
Простите же нас, родимые.

В Алёшкиной я закончил начальную школу, семилетку – в Заимской. Учился хорошо. Два года пропустил, работал в колхозе: боронил, пахал, косил и убирал сено. В общем, как все.

Я бесконечно благодарен дорогим моему сердцу нашим деревням – Алёшкино и Заимка. Простым, сердечным людям, среди которых мы выросли. Невозможно забыть

быстрых светлых ангарских протоков, где видны все камешки и травинки. Не забыть горячих сыпучих песков деревни Алёшкино, где мы согревались, посиневшие от длительного купания в этих протоках.

Простота и бескорыстие отличают наших земляков. В пятом-седьмом классах я обучался в Заимке. Жил на квартире у солдатской вдовы, у которой трое своих едоков (детей). Меня взяла четвёртым: «Проходи, Валя, живи, как дома, дом-то твоего деда Андрея». На вопрос мамы: «Чем тебе платить?» – ответила: «У нас с тобой у обоих ничего нет. Картошки и капусты хватит своей, где трое, там и четвёртый проживёт. Корова своя есть». Низко кланяюсь тебе, Афанасья Васильевна, вдова Данила Матвеевича Заборцева («Данилиха» в народе)!

Позднее в этом доме был организован интернат для приезжих школьников, там уже проживал и учился мой младший брат. В Заимке был ещё один большой дом, конфискованный у дедов наших, там размещалась колхозная контора.

Не забываю я своих корней. Я знаю, откуда я родом, и горжусь своими корнями!

В Красноярский финансово-кредитный техникум я попал совершенно неожиданно, о чём никогда и не мечтал. В детстве я мечтал быть речником, судоводителем. В родне у нас был пример многолетнего капитана катера по Ангаре и Енисею.

С документами в речное училище пришёл поздно, заканчивались приёмные экзамены. Пустил слезу – помогло. В последний экзаменационный день сдал все три экзамена (диктант, математика письменно, Конституция СССР). На третий день увидел приказ о зачислении в I штурманскую группу. Радости не было предела. Но медицина была непреклонна: «непригоден» – плевроит правого легкого.

Домой возвращаться стыдно было. Всё, конец. Во всех учебных заведениях идёт учебный год. Жить негде, деньги на исходе. Но мне всегда везло на добрых людей. В Николаевке отыскал семью алёшкинских знакомых, приютили ненадолго. Зять этой семьи работал в банке и посоветовал мне идти в финансовый техникум. За руку привёл меня к директору техникума. Он посмотрел моё свидетельство за семь классов, всё – «отлично». «Возьмём – сдай экзамены. Идите к завучу, всё организуем». И снова всё сдал, «как учили». Техникум закончил в 1956 году, с отличием, что дало мне право без экзаменов поступить в институт заочно. Всесоюзный финансово-экономический институт в Москве закончил в 1963 году.

В 1956 году приступил к работе в отделении Госбанка начальником кредитного отдела в Кежме. В декабре 1957 года назначен управляющим отделения в Кежме. В 1962 году переведён управляющим Мотыгинским отделением. В 1972 году назначен управляющим Таймырской окружной конторой Госбанка, в 1976 году – заместителем управляющего Красноярской краевой конторой Госбанка, где было присвоено звание «Отличник Государственного банка СССР». С 1988 года – начальник краевого управления Промстройбанка.

С 1991 года создавал банк «Енисей» и руководил им до сентября 1998 года. Создавая региональный банк, мы ставили цель – иметь свой, независимый кредитно-расчётный центр для предприятий и предпринимателей края. Не было цели извлечения высокой прибыли и накоплений сверхприбыли. Мы не бросались в оффшорные зоны, не уводили туда капитал. Однако осуществление либеральной политики банком было нашей ошибкой, что приводило к постепенному снижению рентабельности банка. Расширение сети банка (тридцать шесть отделений) и создание материальной базы (строительство зданий) тоже отвлекало ресурсы в непрофильную область,

что постепенно снижало платёжеспособность банка, но в итоге это создавало подушку безопасности на кризисные ситуации, что, в конечном итоге, спасло банк во время кризиса 1998 года от банкротства.

Нередко общались с В.М. Зубовым. На мой вопрос: «Куда мы идём, что будет дальше?», – он ответил: «Если бы я знал, но пока всё делаем правильно, не теряй времени».

Мы быстро осваивали банковские продукты, в числе первых банков получили генеральную лицензию, а затем и золотую.

Таков мой послужной список. Банковскому делу я отдал сорок четыре года. По мере взросления и нарастания объёмов работа становилась всё интересней. Банки называют кровеносной системой экономики – это не враньё. Я принимал самое активное участие в экономической жизни районов, а затем и края. Общение с руководителями хозяйств, больших и малых, с их экономическими службами, обогащало меня знаниями и опытом жизни. Это давало мне возможность участвовать в решении непростых экономических проблем.

Самый сложный этап в моей работе выпал на годы реформирования экономики и банковской системы страны. Наряду с экономическими, техническими, кадровыми проблемами, всё проходило в острой политической борьбе, когда разрывали Советский Союз. Союзные структуры жёстко удерживали республиканские, а «чубы трещали» у нас, регионалов. Первопроходцам даже угрожали лишением свободы за развал государства.

Все наши усилия были оборваны государственным дефолтом, которого практически не было. Просто это было кому-то выгодно.

Сегодняшняя власть – в более трудных экономических условиях – учла горький опыт и ведёт разумную политику, в том числе и в отношении банковской системы страны. Бог даст, выберемся!

С родных берегов Ангары я уехал в 1962 году. Честно признаюсь, что во времена своей активной профессиональной и общественной жизни я не так часто вспоминал свою малую Родину. Заедала текучка, суета сует. Но часто по служебным делам бывал в Богучанах, Козинске, Мотыгино. Приходилось «снимать с мели» многострадальную лесную отрасль, немало сломано копий и при финансировании ГЭС. Чем жила моя малая Родина, я хорошо знал.

Но с годами образ исчезнувших с острова деревень всё чаще и чаще всплывает в моей памяти. Нельзя забыть красоты высоких песчаных берегов, широких лугов этих островов и весёлой деревушки – всегда чистой и зелёной Алёшкино. С её высокими и светлыми домами, с сохранившимися кое-где двухэтажными амбарами и пятами, высоченными сеновалами, сплошь закрытыми дворами. Ничего не скажешь: добротнo строились ангарцы, на века.

А разве можно забыть красоту и богатство наших кормильцев – реку и остров! Столько рыжиков и брусники мне больше видеть не приходилось нигде! В детстве мы со старшей сестрой и мамой брали два коромысла вёдра, и за несколько часов приносили домой всё наполненное доверху.

Нет, нам забыть этого нельзя!
Мне часто снится Ангара...

2016 г.

НАШ ПОСЁЛОК БОЛТУРИНО

Н.А. Шешина

Наш посёлок Болтурино – не такое старинное село, как Кежда и Паново. Он просуществовал всего шестьдесят четыре года. Для истории, конечно, это небольшая дата. А вот для людей, которые строили, обживали, поднимали посёлок, это целая жизнь.

Посёлок Болтурино образовался в 1947 году и был закрыт в 2011-м. Название нашего посёлка произошло от названия Болтуриной скалки.

В архивных данных сказано, что на Ангаре в XVII веке, в начале 1620-х годов, названы три группы эвенков ангарского субрегиона – лапагиры, топорки, чапагиры. Более чёткие сведения о расселении эвенков в XVII веке содержит челобитная стрелецкого сотника Петра Бекетова, атамана Максима Перфильева и их сподвижников. Авторы челобитной сообщают, что первой тунгусской «волостью», которую они привели «под высокую царскую руку», была волость тунгусов-лапагири, находящаяся около устья р. Рыбная. В этом месте был поставлен Рыбинский острог. Ещё выше, на «Аплинском пороге», русские объяснили чапагири во главе с князем Болтурином. Я ещё в детстве слышала, что на нашей скалке и горке тунгусы проводили свои обряды.

Болтурино стояло на левом крутом берегу Ангары, между двух сопок – Лысой и Железной – и двух деревень – Косой Бык и Дворец. В верхней части был Косой Бык, а в нижней – Дворец. У нас была примета. Если Железная сопка начинала куриться, это означает, что будет дождь. (Куриться – это над сопкой начинал подниматься туман.) Посёлок жители делили на две части: в верхней части был хутор, а в нижней – центр.

У нас была смешная байка, связанная с названиями наших деревень. Приехал на заработки молодой парень, устроился на работу и определился с жильём. Пишет родителям письмо, что устроился хорошо, живёт во Дворце и работает на Косом Быку. Получает от родителей письмо. Они пишут: «Сынок! Не позорь наши седины. Приезжай домой. Будешь жить хоть не во дворце, а в родном доме, и работать будешь на лошади, а не на косом быку».

В 1940 году были открыты плотбища – Подзалавок, Ельник, Ерма. Ниже Дворецкой речки и над Кашиной открылся посёлок Подшиверный. На Берёзовых островах тоже стояли бараки. Всё это относилось к Дворецкому сельсовету. Колхозам отпускаясь план по заготовке леса. Всем этим командовала организация – Комсевморпуть. Население деревень Косой Бык, Уяр, Подшиверная, Ерма было в основном из раскулаченных. После закрытия плотбищ люди стали перебираться в новый строящийся посёлок для лесозаготовителей Болтурино. На его месте раньше тоже было плотбище. В 1947–1948 годы в Болтурино завезли переселенцев. Привезли литовцев, немцев и грузин. Людей селили в бараки. Грузины поселились в отдельный барак. Его так и называли – грузинский барак. Эти люди находились под комендантским надзором до 1958 года. Хотя их завезли на обжитое место, но всё же им приходилось тяжело. Трудно переносили они наш суровый сибирский климат. Литовцы приехали в деревянной обуви. Очень плохо они переносили нашу мошку и комаров. Ходили все опухшие. Сеток – накомарников – у них не было. Сетки приобретали у местных жителей. Их плели из конского волоса. Мужчины и женщины работали в лесопункте. Работа была очень тяжёлая, изнурительная. Но работали хорошо.

В самом начале все жили в бараках, но потом стали строить свои дома и также получать квартиры. В лесопункте быстрыми темпами шло строительство домов. Одновременно строились котельная и гаражи, кроме того, разбирались дома с плотбища Ковинское поле и перевозились в Болтурино.

Ведущей организацией в посёлке был вначале лесопункт, который был переименован в Дворецкий леспромхоз.

Строительство и ремонт жилья производил леспромхоз. Возле каждого дома стояли мусорные ящики, которые по мере наполнения вывозились. Леспромхоз содержал общественного быка и лошадей. Каждую весну выделяли лошадей вместе с рабочим пахать огороды всем желающим. Пахали бесплатно, нужно только было напоить и накормить лошадей. Пахарем постоянно работал Привалихин Анатолий по прозвищу «Барабан». Леспромхоз каждую весну выделял тракториста и трактор с ковшом для погрузки навоза и чернозёма из колхоза деревни Дворец, также выделялись машины. Навоз и чернозём возили в огороды всем желающим бесплатно.

Трактористом в основном работал Рукосуев Василий Кирсанович по прозвищу «Вася Белый». У нас в посёлке у многих были прозвища. Василий Кирсанович работал тогда оператором челюстного погрузчика. Однажды нового водителя лесовоза спросили: «Тебя кто грузил? Казаков? – Нет. – Рукосуев? – Нет. – Панов? – Нет. – Так кто тебя грузил? – Вася Белый». В леспромхозе у нас работало три Ивана Ивановича, два Панова и один Попов. Отличали их по месту, откуда они приехали. Один был дворецкий, второй – уярский и третий – пашинский. Во всех документах, в нарядах, в лицевых счетах, в ведомостях в скобочках проставляли: уярский, дворецкий, пашинский.

Каждую весну объявлялся воскресник по наведению порядка в посёлке, на каждой улице, у каждого дома. Леспромхоз выделял два самосвала для вывозки мусора. Особенно любили заниматься этим дети. Они натаскивали всякого ненужного мусора в кучи, а когда подъезжал самосвал, мужчины его грузили. Оставшийся мусор сгребали в кучу, поджигали и пекли картошку. Было очень весело.

Каждый год проводился Всесоюзный коммунистический субботник. На субботниках люди работали с удовольствием. Было много шуток, смеха. По окончании субботника устраивали себе культурный отдых.

Леспромхоз снабжал всё население и все организации посёлка водой. Воду возили на автомашине с установленной бочкой и называли её водовозкой. Ведро воды стоило одну копейку, а бочка – двадцать копеек. На водовозке отработали почти все водители в леспромхозе. В летний период воду возили в две смены, кроме того, на крутом берегу Ангары устанавливали подъёмники для воды и потом носили её в коромыслах.

С самого начала образования посёлка воду подвозили на лошадях в бочке. Зимой воду брали из прорубей, с Ангары. За прорубями следил дедушка Митя. Люди его звали Митя Поп. Говорили, что он служил при монастыре, и полное имя его Дмитрий Гаврилович Рожков. Раз в неделю он обходил весь посёлок, и ему с каждого двора платили небольшую плату за его труд.

В посёлке была общественная баня с парилкой, тоже леспромхозовская. Плата за баню была пять копеек за ребёнка и десять копеек за взрослого. При бане работал буфет. Там продавались банные принадлежности, сок, газировка. Женская баня была в пятницу, мужская – в субботу. Людей в баню ходило много, приходилось даже ожидать своей очереди.

В посёлке был свой газцех. Газировку делали свою. Газировка была очень хорошая. Такой вкусной газировки я нигде больше не пробовала. В газцехе работала Акатьева Маргарита Петровна. После неё стала работать Ковязина Галина Ивановна. Газцех начал работать в конце 1955 года, просуществовал он до 1967 года.

Одной из традиций нашего посёлка был гудок локомотива. Гудок давали на начало рабочего дня, на обед (12:00), с обеда (13:00) и в конце рабочего дня (16:00). А когда в посёлке кто-то умирал, во время похоронной процессии тоже давали гудок.

В посёлке был построен очень хороший стадион, который назывался «Лесник». Он был огорожен забором, и поставлены были красивые ворота. В посёлке были две футбольные команды: «Лесоруб» и «Механик». Даже устраивали соревнования на мотоциклах марки ИЖ-49.

Дети зимой катались на самодельных деревянных санках. Санки делали со спинкой, простые и с кошёркой. На санках с кошёркой возили маленьких детей.

Каждый год 7 ноября, в праздник Октябрьской социалистической революции, в нашем посёлке проводился митинг. На митинг выходили взрослые и дети со знамёнами, горном, барабаном.

В 1950 году в Болтурино был построен клуб. При клубе была хорошая библиотека. В клубе был спортзал, куда ходила заниматься рабочая молодёжь. Возле клуба была спортивная площадка. На ней летом играли в волейбол. На каждые праздники в клубе проводились концерты. Много людей участвовали в художественной самодеятельности. С концертами выезжали в соседние деревни. Леспромхоз всегда выделял автобус. Каждый год проходили Проводы зимы. Устраивалось народное гуляние с блинами, пирогами. Детей катали на лошадях, и леспромхоз выделял автобус. Но дети больше желали прокатиться на лошадях. При клубе работала киносеть. Почти каждый день ставили художественные фильмы. На фильмы ходило очень много людей. Наверное, все помнят, как на афише подписывали: «Дети до 16 лет не допускаются».

Весной на 1 и 9 мая население выходило гулять на природу. Устраивались народные гуляния. В основном гуляли на Лысой сопке и на речке 1-й Пеленде. На устье Пеленды стоял бакенский домик. Около него люди любили посидеть, отдохнуть и полюбоваться Ангарой. Очень часто ходили отдохнуть на Болтуринскую скалку. С неё открывался красивый вид на Ангару.

Между Лысой горкой и скалкой находилось кладбище. В 2003 году его закрыли, и всех перезахоронили на Кординское, Ново-Болтуринское и Имбинское кладбища и, по желанию родственников, в другие места.

В 1974 году в Болтурино была построена водокачка, так как на Ангаре запретили пить воду. В 1986 году в посёлке установили ретранслятор. Были установлены две телевизионные программы.

В посёлке находились два райповских магазина. Они принадлежали Райпотребсоюзу. Один магазин находился на хуторе, и работала там долгое время Привалихина Ольга. Второй магазин находился на въезде в посёлок. Там долгое время отработала Верхотурова Любовь Григорьевна. В 1994 году райповские магазины закрыли.

Кроме того, в Болтурино была пристань для госпаровских теплоходов. Начальником пристани был Привалихин Григорий Андреевич. Радистами работали Ольга Брюханова (Радкевич) и Лида Сизых (Смолина).

Детский садик стал работать в Болтурино в пятидесятых годах. В садике была всего одна группа. Население увеличивалось, детей становилось всё больше. К садику сделали две пристройки, и стало три группы. Детей брали в садик с полутора лет. В детском саду сложились свои традиции. К праздникам проводились утренники, на них приглашались родители. 1 сентября детский сад провожал своих выпускников в школу. На школьной линейке группа ребят из детского сада выступала с напутственными словами к своим выпускникам.

В детском саду также работали: Г.А. Скажутина, Н.Н. Конкина, З.Ф. Козусь, Л.И. Панова, Н.А. Михайлова, Т. Шнайдер, Н. Шевчук, В.Г. Боровинская, М. Самойленко, Н. Деревянных, В. Тютрина, Е.П. Привалихина, Е. Рожкова.

Детский сад до 1982 года принадлежал леспромхозу, а потом его передали в учреждение К-100. В 1998 году детский сад взяла на свой бюджет администрация Дворецкого сельсовета. В 2004 году детский сад был передан в Кежемское РУНО, и в этом же году его закрыли, так как детей стало мало.

В 1986–1987 годы при Болтуринской средней школе была организована группа здоровья. Руководителем был А.Ю. Малясов, который в то время работал учителем физкультуры. В группу ходили женщины со своими детьми. Занимались в спортзале, на школьной спортивной площадке, зимой ходили на лыжах. Женщины с удовольствием вспоминают этот период, где они получали большой заряд бодрости, могли общаться, отдыхали от домашних повседневных дел и забот и от немного «надоевших» мужей.

В 1961 году в Болтурино открылась контора Дворецкого лесничества. Из красноярского совнархоза направили на работу в Кежемский лесхоз Петра Павловича и Нину Ивановну Проновых. Пётр Павлович был принят на работу в качестве лесничего, а Нина Ивановна – мастером-лесоводом Дворецкого лесничества, расположенного в п. Болтурино. В лесничестве работали лесниками: Н.И. Сизых, С.П. Попов, С.М. Рожков, В.А. Викторов, К.Н. Каминский, Г.И. Чечиль, А.Н. Михайлов, З.З. Зиянуров. Вместе они проработали очень много лет. В 1978 году Дворецкое лесничество переименовали в Ковинское лесничество Кежемского лесхоза, а в 2001-м лесничество из п. Болтурино перевели в п. Имбинский Кежемского района.

В Болтурино был хороший Дом быта. Организовал его работу литовец Антон Варпетас в 1949 году. Ученицей у него была Высоцкая Ира (Керпе). У него она научилась хорошо шить. На дому хорошо шил Стефурышин Михаил. Вначале посёлок обслуживали три человека и было всего две швейные машинки. Шили мужскую и женскую одежду, производили ремонт одежды. Постепенно оборудование увеличивалось. Швейных машинок стало пять штук, установили оверлок. Количество работников увеличилось до восьми человек. Расширился круг обслуживания населения. Открылись парикмахерская и мастерская по ремонту обуви. В Доме быта долгое время работали: Высоцкая Ира, Шафрыгина Клавдия, Попова Дора Фёдоровна, Усенко Евдокия Михайловна, Бондарь Лидия Семёновна, Лоос Лидия Иннокентьевна, Привалихина Екатерина Петровна, Колпакова Татьяна Ивановна. Позднее работали: Шмакова Ольга, Андреева Татьяна Владимировна, Секурцева Любовь Викторовна, Маркова Татьяна, Деревянных Наталья, Сизых Зинаида Георгиевна. Заведующей Дома быта была Шафрыгина Клавдия. Последней заведующей была Лоос Лидия Иннокентьевна. Работали с энтузиазмом, заработок был хороший. От заказов не было отбоя, особенно по праздникам. Коллектив был дружным. Закрыли Дом быта в 1996 году.

Наша связь с миром. Долгое время мы могли выбраться на большую землю только самолётом, как в песне поётся: «Только самолётом можно долететь!». К нам летали разные самолёты, были и гидросамолёты, которые садились на воду. Их марку уже никто не помнит. Летали санитарно-пассажирские самолёты – СП, трёхместные.

Потом стали летать АН-2. Аэропорт был в деревне Дворец, в семи километрах от Болтурино. Там работала семья Лушниковых, Анатолий Ильич и Мария Петровна. Все, хоть раз побывавшие в нашем аэропорту, слышали позывные: «Искристый-Дикобраз!». Улететь можно было во все деревни Кежемского района и в Богучаны.

С середины семидесятых годов стал ходить по р. Ангаре от Богучан до Кежмы теплоход «Заря». Особенно любили «Зарю» старики. Летом они могли спокойно съездить к своим родным и знакомым в любую нашу деревню, посёлок. При разговоре старики ласково называли теплоход «Христова-то „Заря!“», но в начале перестройки и строительства Богучанской ГЭС закрыли аэропорт во Дворце и саму деревню. Перестала ходить и «Заря».

С миром связывал теперь только автобус. Водителем на нём работал болтуринец Семёнов Николай Владимирович. В любое время, в любую погоду вёз нас наш водитель сначала в посёлок Имбинский и потом до нового районного центра – города Кодинска. Благодаря его ответственности и добросовестности автобус всегда находился в исправном состоянии и регулярно, по расписанию, выходил на линию.

Почтовая связь в Кежемском районе стала работать с 1934 года. В нашем Дворецком сельсовете почта была в д. Дворец. Со строительством посёлка Болтурино, численность населения стремительно стала увеличиваться, и в середине пятидесятых годов в посёлке открылось своё почтовое отделение связи.

Первым начальником был В.Н. Умрихин, после него работала Женгулите Бирута. Долгое время начальником ОПС был Жвакин Иван Андреевич, а потом – Колпакова Екатерина Алексеевна. Ежедневно почтовой корреспонденции приходило до двухсот килограммов, по сорок мест. В ОПС до 1995 года работало семь человек: Н. Быкова, И.А. Жвакин, Г.В. Чечиль, Л. Панова, Е.А. Колпакова, Г. Брюханова, Н.П. Сизых. Коллектив был очень дружный, последним начальником почты была Аксёнова Нина Васильевна. С 1995 года оборот почты стал падать, и штат сократили до трёх человек. Последнее время почту привозили из Кодинска машиной три раза в неделю. При почте всегда находилась радиостанция. Радистами работали В. Привалихин, И.И. Быков, Г. Брюханова, К.Н. Каменский.

В одном здании с почтой находилась сберегательная касса № 2404/07. В ней работали Лилия Сизых, Людмила Панова (Братчикова), Г.П. Назарова, Л.И. Лоос. Перед закрытием сберкасса находилась в здании Дворецкого сельсовета, и работала там Галина Викторовна Бербега.

Снабжением населения продуктами и промышленными товарами занимались организации Райпотребсоюз и ОРС (организация рабочего снабжения). Центральная контора ОРСа находилась в посёлке Проспихино. В посёлке Болтурино был открыт участок – Болтуринский куст, фактически сразу, как образовался посёлок. Вначале был один магазин и при нём – пекарня. Сразу стала работать столовая. В конце пятидесятых годов был построен продуктовый магазин, промтоварный и хлебный с пекарней. Позже стал работать дежурный магазин. Он работал до 21 часа, поэтому ему дали такое название. В 1964 году был открыт магазин смешанных товаров на хуторе. В конце семидесятых годов был построен большой магазин в центре посёлка, население называло

его «стеклянным». Магазин был красивый, с большими окнами. Он был построен на месте литовского барака. Старые магазины закрыли. Был построен новый хлебный магазин с большой пекарней, в том же здании находился хозяйственный магазин. Болтуринским завкустом были: Однолько Тимофей Иосифович, Бирик Михаил Павлович, Зарубин Георгий Савельевич, Белущенко Анна Тихоновна, Ратаева Елизавета Степановна, Кокорина Мария Степановна, Ярышко Нина Ивановна, Терехов Михаил, Бабенко Наталья Игоревна. Товары по магазинам развозили первые два года на лошади. Возчиком работал Михайлов Николай Павлович.

Только в конце шестидесятых годов появилась своя машина, на ней стали возить товары из посёлка Проспихино и даже из Красноярска. Водителями работали Баженов Григорий, Михайлов Владимир Анатольевич, Деревянных Иван Валентинович. Завоз продуктов происходил только летом и сразу на весь год, на илимках и баржах. Болтуринский ОРС обслуживал рабочие столовые леспромхоза на нижнем складе и в лесу, также обслуживал все деревни по речке Кова: д. Уяр, д. Сизая, д. Прокопьево, д. Костино, д. Карамышево. Продукты к ним завозили зимой.

В первом промтоварном магазине работали: А. Чихайдзе, М. Заборцева, Е. Ратаева. В продуктовом магазине работали Мария Голубева, Мария Деревянчук, Н.И. Антипова. В дежурном магазине работали: М.С. Кокорина, Г. Ковязина, М. Голубева. Пекарня с хлебным магазином работают с самого основания посёлка. Завпекарней работала Ира Козлова, потом Т.М. Бороненко, Е.К. Заводунова, Л.В. Меркушина. Пекарями работали: Е. Привалихина, К.И. Верхотурова, Р.Н. Погребняк, А.И. Чеботарева, Г.С. Петухова, Ю.В. Слободчикова, В.Г. Боровинская, Евдокия Панова, Н. Журавлева, М. Бирюсина, Е. Панова. Пекарня работала в три смены, по два пекаря в каждую. За одну смену выпекали одну тонну триста килограммов хлеба первого, второго сорта и чёрный хлеб. Дополнительно выпекали сладкие булочки, батоны, калачи и сайки. Хлеб был очень вкусный. Печи в пекарне были русские, кирпичные, потом – железные, полевые. В 2002 году пекарню закрыли и передали в частную собственность, и в ней стала работать Николаенко Галина Петровна.

Столовая появилась с самого образования посёлка. Завстоловой была Единова Евгения Григорьевна. В столовой работали: П. Устюжина, М. Рукоосуева, В. Привалихина, В.А. Сидорова, Л. Турсумбаева, Н. Бурмакина, Л.Г. Сизых. В начале девяностого года столовую закрыли. ОРС закрыли в 1982 году и передали в торговый отдел при К-100.

В нашем посёлке находился участковый пункт милиции. Одним из первых участковых милиционеров был Исай Максимович (фамилию его никто не помнит). Он отработал до 1950 года, курировал д. Дворец, д. Косой Бык и все близлежащие плотбища, осуществлял контроль за раскулаченными. Потом в органах милиции работал (года два-три) Пётр Гусев. После него – Григорий Родионович Деревянных. Он был комендантом и осуществлял контроль за спецпереселенцами, литовцами, немцами, грузинами. За ним был закреплён большой участок: от д. Коды до п. Недокура, включая деревни по речке Кове. Он отработал до 1958 года и потом его перевели в село Кежма. После Деревянных немного работал в милиции Гавриил Митрофанович Привалихин. С 1959 года по 1962-й участковым уполномоченным был Александр Иосифович Фроленко. Его заменил Пётр Федорович Верхотуров, который был переведён в п. Болтурино из п. Ванавары и отработал до 1967 года.

Два года участкового инспектора в Болтурино не было, а с марта 1969 года участковым инспектором милиции стал Михаил Иванович Зарубин, коренной житель п. Болтурино.

Закончил Болтуринскую среднюю школу (1966 год) и был призван в ряды Советской Армии. Отслужил два с половиной года и вернулся обратно в Болтурино. Устроился на работу в Дворецкий лесопункт слесарем тракторного парка. Начальник лесопункта, Михаил Алексеевич Федотов, предложил кандидатуру М.И. Зарубина в райотдел милиции. В марте 1969 года Михаил Иванович заступил на должность участкового инспектора милиции. Его участок был от Аплинского порога до Глухой шиверы, в который входили все деревни по речке Кове, все химлесхозовские временки. Приходилось ему подменять и участкового из посёлка Проспихино, в участок которого входили деревни Тагара, посёлок Проспихино, деревни Пашино, Рожково. Работы было много. Население было большое. Только в нашем Дворецком сельсовете проживали более двух тысяч человек. Много было приезжих людей, которые приезжали по оргнабору в лесопункт и химлесхоз. Приезжали в основном лица, которые освободились из мест лишения свободы, и лица, злоупотребляющие спиртными напитками. В 1982 году прибыли осужденные. Работы участковому прибавилось. Преступлений стало больше, и расследование ложилось на плечи участкового. Приходилось даже возбуждать уголовные дела, производить дознания, следствие, вплоть до предъявления обвинения. Надо отдать должное добровольной народной дружине (ДНД), они очень помогали участковому. В ней были: А. Астафьев, В.М. Бирюк, Н.И. Боровинский, А.П. Кузенко, А.И. Филипов, В.А. Мамаев и др. В ДНД люди шли охотно – дружинникам к отпуску добавлялись оплачиваемые три дня. Транспортных средств у милиции не было. Если предприятие выделит машину, то выезжали на место преступления, а если нет, то пешком, даже до Уяра, а это шестьдесят километров туда и обратно. Приходилось работать днём и ночью. М.И. Зарубин проводил работу с подрастающим поколением, проводил спортивные тренировки, занимался с ребятами в спортзале клуба, даже ездил со спортивной командой на районные соревнования. В 1982 году участковый Зарубин был откомандирован от Кежемского РОВД в г. Красноярск на охрану общественного порядка при проведении V зимней Спартакиады народов СССР. Исполнял обязанности командира взвода (тридцать человек) в течение полутора месяцев. Был награждён Золотым знаком отличия милиции.

Вместе с Зарубиным работали Станислав Игоревич Сеницкий, Петр Анатольевич Плохов, Степан Бурмистров, Анатолий Денисов. Михаил Иванович Зарубин отработал в милиции тридцать лет. Ушёл на пенсию в 1997 году в звании майора милиции, имеет награды, медали трёх степеней «За безупречную службу», присвоена классность – знак специалиста высшей категории. Является ветераном труда. Последним участковым был В.М. Радченко.

Вся работа наших участковых была направлена на то, чтобы помочь человеку встать на путь истинный, а не лишать его свободы, производить профилактику правонарушений и охрану общественного порядка.

В нашем посёлке были больница, аптека и амбулатория. Болтуринская больница была основана в 1948 году. Вначале это был фельдшерский участок, где работала фельдшером Пили Берта Наумовна. Как вспоминают очевидцы, очень строгая была. Впоследствии в здании амбулатории был организован стационар, где принимали роды, было несколько палат для больных. Но для молодого растущего посёлка стационар был мал, и его перенесли на хутор. В 1965 году больница расширилась. В новом здании бывшего общежития нашлось место для родильного отделения, кабинета физиотерапии, увеличилось число палат. В задачи Болтуринской больницы входили: профилактика

заболеваний, диагностика и лечение жителей п. Болтурино, д. Косой Бык и п. Ново-Болтурино. Работать в отдалённости от центральной районной больницы было непросто, а порой и очень тяжело. При отсутствии дорог на помощь приходила санавиация. Организовано это было очень хорошо. Но и тут были некоторые трудности: нелётная погода и отсутствие радиосвязи с Кежмой. Часто медперсоналу больницы приходилось выхаживать тяжелобольных по двое-трое суток, не отходя от постели больного. Обслуживание работников химлесхоза требовало выезда по бездорожью далеко в тайгу, поскольку работа на лесозаготовках очень опасна, избежать травматизма непросто. Много рабочих с травмами различной степени тяжести прошло через руки работников больницы. Чтобы спасти больного, делали всё возможное, а порой и невозможное. Очень редко в коллектив больницы попадали люди случайные, но они, как правило, не задерживались. В основном работники Болтуринской участковой больницы – люди отзывчивые, душевные, готовые в любую минуту помочь больному, с хорошими традициями наставничества, преемственности, желанием вовремя прийти на помощь. Молодые фельдшеры, медсёстры осваивали новые методы работы, повышали свою квалификацию. Воспитывали в себе чувство ответственности, доброты, милосердия, гордости за свою гуманную и нужную профессию. Медицинские работники Болтуринской больницы, меняя место жительства, оставались высококвалифицированными специалистами, отличались гуманностью и умением работать, поскольку «школа» была суровой. На районных соревнованиях за звание «Лучший по профессии» каждый год наши медсёстры и фельдшеры занимали призовые места. За шестьдесят лет в Болтуринской больнице работали врачи: Мишелюк Анна Михайловна, Петровская Вера Алексеевна, Ганкин Исер Менделеевич, Козлов Михаил Игоревич, Аникина Валентина Иосифовна, Рожков Иван Иванович, Качин Юрий Аркадьевич, Радкевич Михаил Михайлович, Вакульчик Инна Павловна, Храмков Николай Алексеевич, Даутова Лилия Юнировна. Зубные врачи: В.М. Ермолаев, Н.И. Заборцева, А.Н. Чулевич. Фельдшеры: Пили Берта Наумовна, Верхотурова Мария Дорофеевна, Воронова Лариса Николаевна, Козлова Мария Фёдоровна, Целикова Елена Емельяновна, Матюкайте Юдита, Ильгинене Евгения Коста, Зарубина Людмила Николаевна, Щербакова Тамара Алексеевна, Галлеев Роберт Саниевич. Фельдшер-лаборант Семёнова Валентина Васильевна. Медицинские сёстры: Кручинина А.И., Домотокова Зинаида Ивановна, Фогельман Мария Георгиевна, Брюханова М.Г., Воронова Нина Иннокентьевна, Заборцева Оксана Владимировна, Кочнева Нина Николаевна, Матросова Галина Ивановна, Никулина Валентина Алексеевна, Субботина Ольга Филипповна, Андреева Галина Ивановна, Бирюк Валентина Ильинична, Михайлова Альбина, Михайлова Анна Николаевна, Ильина Татьяна Михайловна, Колпакова Александра Николаевна, Панова Ефросинья Фёдоровна, Панова Вера Дмитриевна, Сигуа Татьяна Михайловна, Рожкова Ольга Хасановна, Машинская Галина Владимировна. Санитарки: Пронина Ирина Никаноровна, Брюханова Зоя Митрофановна, Лелюга Мария Степановна, Попова Анна Терентьевна, Кармадонова Анна Фёдоровна, Флейшман Анна Назаровна, Брюханова Валентина Филипповна, Быкова Юлия Степановна, Шнайдер Анна Николаевна, Ильина Татьяна Михайловна, Колпакова Александра Николаевна, Панова Ефросинья Фёдоровна, Панова Мария Гавриловна, Слободчикова Юлия, Есина Евгения Михайловна, Эргард Мария, Маркевич Анна Михайловна, Медведская Надежда, Сизых Мария Трофимовна, Ермолаева Мария Георгиевна.

В 1957 году в посёлок по распределению приехал молодой и энергичный врач Козлов Михаил Игоревич. Да так и остался работать на протяжении сорока лет. Его не испугали ни отдалённость от цивилизации, ни отсутствие бытовых условий, ни суровые морозы. Михаил Игоревич полюбил окружающую природу и людей, очень разных по своим убеждениям и принципам. А главное, он любил работу и был предан ей до конца своей жизни. Михаил Игоревич был очень смелым и целеустремленным специалистом. Его любимым выражением были слова: «Врач должен иметь холодную голову и горячее сердце». Он смог возложить на себя большую ответственность за судьбы и жизни людей на протяжении стольких лет, справиться с этим смог бы далеко не каждый. Всё было, но он старался всегда быть деликатным и тактичным. На берегах Ангары он встретил свою судьбу. Мария Фёдоровна стала его женой, соратником и другом, матерью двоих детей. Она работала фельдшером и во всём помогала мужу. В любое время суток люди спешили к ним за помощью.

Более сорока лет своей жизни отдала медсестра Быкова (Кочнева) Нина Николаевна служению людям, строгая и требовательная к себе и к людям, грамотная, она работала детской медсестрой. Почти двадцать лет работал водителем в больнице Аксёнов Юрий Алексеевич. Стоит только удивляться тому, что в любое время суток машина на ходу, и он готов был везти больного в районную больницу. Много замечательных людей работало в Болтуринской больнице.

В Болтурино была десятилетняя средняя школа – вторая по Кежемскому району (первая – в Кежме). В нашей школе учились дети из Недокуры, Проспихино, Косого Быка, Дворца, Рожково. В посёлке был построен большой двухэтажный интернат, где жили дети из других посёлков.

С самого образования посёлка в нём была начальная школа, а в Косом Быку была семилетняя школа. Сохранилась старая фотография: кустовое совещание учителей в п. Косой Бык в марте 1948.

В начальной школе (её называли маленькой, учились дети с 1 по 4 классы). В двухэтажной школе дети учились с 5 по 10 класс. Численность учащихся составляла до 400 человек, и поэтому начальная школа была отдельно. На территории школы в двух зданиях находились мастерские. Одно здание было для мальчиков, где они строга́ли, пилили, производили посильный ремонт мебели. Вторая мастерская была для девочек. В ней было достаточно много швейных машин. Все девочки, которые учились в нашей школе, довольно хорошо шили.

С момента образования и по 2007 год школа сделала сорок шесть выпусков 10 классов и три выпуска 9 классов. Первым директором была Исакова Людмила Ивановна, затем Коновалов Михаил Максимович, Борисов Владимир Павлович, Соколов Пётр Михайлович, Соколова Зинаида Алексеевна, Головин Геннадий Антонович, Секурцев Иван Васильевич, Малясов Александр Юрьевич, Сарычев Александр Александрович, Соловей Валентина Ивановна, Рожков Василий Михайлович. Двое из директоров являются выпускниками Ботуринской школы – И.В. Секурцев и В.М. Рожков.

Дети в школу ходили в форме. У девочек было школьное платье и два фартука: белый и чёрный. У мальчиков тоже был школьный костюм. Кроме того, всегда на воротник платья и костюма подшивались белые воротнички, на рукава тоже подшивались белые манжеты.

В нашей школе были свои традиции. Каждый год, в первую субботу февраля, устраивался вечер встречи выпускников. Бывшие выпускники приезжали со всей страны. Встречи были очень интересные.

Также у нас была радиопередача «Голос школы». Каждую неделю, в воскресенье, в 9 часов утра по местному радио передавали итоги учёбы учеников (с 1 по 10 класс) за неделю. В начале объявляли ударников, а потом и неуспевающих. Делали замечания и различные объявления. Это очень дисциплинировало учеников, так как не очень приятно, когда на весь посёлок о тебе скажут, что ты двоечник и хулиган. Родители всегда были в курсе успеваемости и дисциплины своих детей. Им тоже было неприятно, когда кто-то скажет, что их ребёнок двоечник.

Каждый понедельник в школе была общая линейка. На линейку школьники приходили в парадной форме. Девочки надевали белые фартуки, а ребята – белые рубашки. На экзамены всегда приходили в парадной форме.

Одной из традиций школы и посёлка был пионерский костёр. Каждый год, 22 апреля, в день рождения Владимира Ильича Ленина, зажигали костёр. Ребят-старшеклассников отправляли на сопку, чтобы они его подготовили. Всей школой шли на сопку. В этот день у костра торжественно принимали детей в пионеры. Очень много людей приходили на костёр. Костёр горел очень долго. Особенно красив был вечером.

Ежегодно 19 мая ученики и учителя ходили в поход на 1-ю Пеленду. Отмечали праздник – День пионерской организации. А в день последнего звонка, где-то 25–26 мая, выпускники школы шли в поход на 2-ю Пеленду на два дня. Это был их последний совместный поход.

В феврале 1974 года наша старая школа сгорела, а уже в сентябре того же года открылась новая школа. Директором школы был Соколов Пётр Михайлович.

В 2005 году наша школа имела статус общеобразовательной, в 2007 году стала девятилетней, а в 2010 школу закрыли.

Дворецкий сельский совет

Дворецкий сельский совет был организован в 1927 году. Первым председателем был И.В. Панов, а в начале пятидесятых годов был избран Дмитрий Николаевич Колпаков. Секретарём была Панова Анна Петровна. Они отработали более двадцати лет.

Сельский совет располагался в деревне Дворец. В его ведении были посёлки Косой Бык, Болтурино и деревня Дворец. На выборах в местные Советы избирались депутаты сельского совета – всего 25 человек.

На сессиях избиралась исполнительная власть (семь человек). Сессии проводились один раз в три месяца, заседания исполкома – один раз в месяц, где решались все вопросы жизнедеятельности местного значения. Они формировали бюджет, контролировали его исполнение, вели контроль за использованием земель на территории сельского совета, решали вопросы строительства и ремонта дорог местного значения. Руководители организаций всегда отчитывались о своей работе. Организовывали транспортное обслуживание населения, обеспечивали население услугами связи, торговли, общественного питания, бытового обслуживания, создавали условия для жилищного и социально-культурного строительства, условия для деятельности учреждений культуры, школ, больниц, ФАПов.

Во Дворце всё проживающее население работало в колхозе «Власть Советов», которым руководил Сизых Василий Иннокентьевич. Колхоз по всем показателям часто занимал первые места. Во Дворце была начальная школа, ФАП, почта, аэропорт, молочный пункт, райпо. Жизнь на территории сельского совета была хорошо организована. Ежедневно летали самолёты и привозили почту, регулярно ходили автобусы между посёлками. Активными депутатами были: Сизых В.И., Лушников А.И., Коновалов М.М.,

Козлов М.И., Капитонова Анна Николаевна, Кузнецова Александра Константиновна, Салтыкова Галина Яковлевна, Никулин Николай Павлович, Морозова Лидия Алексеевна, Ковязин В.И., Кузенко А.А., Колпакова Е.А., Привалихина И.М. и др.

В 1975 году председателем исполкома был избран Гениатулин М.Т. Секретарем работала Зарубина Н.Н. В 1977 году сельсовет перевели в посёлок Болтурино. В 1978 году председателем был избран Соколов П.М., секретарём Мелькова М.П. На территории сельского совета проживали более двух тысяч человек. Работы было много. Проводили организационно-массовую работу с депутатами. Работала административная комиссия, председателем которой более пятнадцати лет был М.И. Козлов. Работал женсовет. Его председателем была Л.А. Борисова. Активно работали комиссии: плановая, бюджетная, по торговле, по промышленности и связи, по благоустройству. Выдавались справки, проводились нотариальные действия, работа по ЗАГСу. В год рождались до сорока детей, записей о заключении браков проводилось в год более тридцати.

На территории Болтурино находился Дворецкий леспромхоз – крупное предприятие. Леспромхоз вёл лесозаготовки и полностью содержал посёлок, занимался строительством и ремонтом жилья, содержал дороги, обеспечивал население водой и дровами, возил почту, пассажиров в аэропорт во Дворец и многое другое. В 1982 году в районе закрылись леспромхозы. Всё объединение «Кежмалес» передали в систему МВД. При сельских советах образовалась наблюдательная комиссия. В 1987 году председателем сельского совета стал Бирюк Василий Михайлович. Каждый понедельник проводилась планёрка, на ней присутствовали работники сельсовета, участковый, директор СДК, библиотекарь. Составлялся план работы на неделю.

Дворецкий леспромхоз постоянно занимал первые места по объединению «Кежмалес», Ковинский ХЛХ, директором которого был М.А. Любим, также занимал первые места по сбору живицы. Дворецкая ферма, Дворецкий леспромхоз, Ковинский ХЛХ по итогам соцсоревнования занимали первые места, и переходящее Красное Знамя района передавалось и хранилось в нашем сельском совете. С 1979 по 1984 год председателем исполкома стал работать молодой и энергичный Брюханов Иван Иванович. В 1990–1996 и 1999–2003 годы главой администрации стал работать Шешин Вячеслав Дмитриевич.

В 1991 году многие организации закрылись, в том числе аэропорт. Многие остались без работы. На территории администрации сельского совета безработных было более ста человек. Зарплату не платили по несколько месяцев, многим было нечем кормить детей. Введена была талонная система. Стало расти поголовье крупнорогатого скота. Если в 1990 году было всего двадцать восемь голов, то в 1993 поголовье крупнорогатого скота выросло у населения до двухсот сорока голов. Почти каждая семья заводила корову, так как надо было чем-то кормить детей. Стали изымать неиспользованные земли у колхоза и кооператоров, пригодные для покосов. Косились все острова.

Транспортной связи не было. Сельсовет приобрёл автобус, на котором возили пассажиров, почту и больных в больницу. На балансе в это время у сельсовета было два ФАПа, три клуба, два садика, две школы. Также добились приобретения машины для подвозки воды населению. На балансе сельсовета находилась центральная котельная, и только в 2000 году её передали в ПЖРО.

Но всё равно сельсовет работал стабильно. В 1994 году, думаю, краевой администрацией была устроена поездка по реке Ангаре ветеранов Великой Отечественной войны (ангарцев и бывших ангарцев), съехавшихся со всей страны. Был, к примеру, двоюродный

брат моего отца, проживающий в Калининграде, ушедший на войну из Проспихино. Заезжали они и в посёлок Болтурино. Сельский совет устроил праздничную встречу, митинг у памятника погибшим в годы войны. В проведении крупных мероприятий спонсорскую помощь оказывали предприниматели: Малясов А.Ю., Колпаков В.И., Бабенко Н.В., Маркова Т.И., Сизых Т.А.

В сельсовете много лет проработали: Радченко Л.М., Мелькова М.П., Борисова Л.А., Попович Н.П., Бербега Г.В., Шешин В.Д., Панов Я.Н. Непродолжительное время работали: Чеченин, Потоцкий Н.В., Мариненко Н.И. С 2004 года главой администрации была избрана Моисеева Зоя Николаевна.

В 1991 году администрацией сельсовета было организовано Прощание с д. Дворец. Был проведён митинг, поставлен концерт и потом было народное гуляние. На Прощание приехали очень много людей, которые когда-то проживали во Дворце.

О Дворецком леспромхозе. В 1947 году открылся Болтуринский мехлесопункт, позже был переименован в Дворецкий лесопункт Кежемского леспромхоза, в 1969 году – в Дворецкий леспромхоз объединения «Кежмалес». Первым начальником лесопункта был Захарченко Георгий Ефремович, затем Качин Иван Матвеевич, Усенко Иван Ильич, Панов Георгий Михайлович и другие. Наш лесопункт был одним из первых механизированных лесопунктов по Кежемскому району.

Первое время лес вывозили на лошадях. Лошадьми и рабочими помогал колхоз. Возчиками леса работали Михайлов Анатолий Николаевич, Привалихин Константин Яковлевич, Редколис Илья, Никулин Николай Павлович, Панов Геннадий Андреевич, Ильин Георгий Никанорович, Сизых Валентин Степанович.

Валка леса проводилась лучком и поперечной пилой. Вальщиками работали молодые парни и девушки (Сизых Юлия Митрофановна, Косолапова Полина, Верхотурова Анна Михеевна, Рукосуева Нина Петровна, Сизых Афанасья Ивановна). Появились первые электропилы «Фаркоп», работающие от электростанций ПС-200. Станция работала на бензине. Эти пилы были очень тяжёлые, с кабелями, приходилось тянуть кабель к каждой сосне.

С 1948 года появились газогенераторные трактора КТ-127, работающие на дровах (чурочках), с деревянными кабинами, которые при работе часто загорались. Постоянно приходилось кабины ремонтировать. Также появились первые газогенераторные машины ЗИС-5 бортовые. Их переоборудовали под лесовозы. Газогенераторные машины ЗИС-5 работали тоже на чурочках. На дорогах и в лесу на специальных площадках были заготовлены чурки, чтобы машины и трактора могли заправиться. Чурки заготавливала специальная бригада в лесу на дорогах и на нижнем складе.

Водителями работали Киселев Леонид, Заборцев Иван Васильевич, Захряпин Николай Васильевич. Разгружали машины вручную. На базе трактора КТ-12 появились трактора Т-40, работающие на дизтопливе. На тракторе Т-40 работал Введенской Семен. Позже пошли трактора более современные-ТДТ-75. В 1977 году пошли более мощные трактора ТТ-4. На этих тракторах работают и сейчас. Леспромхоз заготавливал лес до 210 тыс. куб., из них к сплаву – 180 тыс. куб. Весь технологический процесс делился на основные фазы работ: верхний склад, вывозка, нижний склад, сплав.

На верхнем складе шла заготовка древесины: валка деревьев, трелевка, обрубка сучьев, погрузка. В начале образования лесопункта на верхнем складе производилась ещё и разделка древесины, вывозка сортиментов. Но с появлением более мощных машин лес

стали вывозить в хлыстах. Было два мастерских лесозаготовительных участка. Мастерами были: Михайлов А.Н., Гениатулин М.Т., Ратаев, Камалов Р., Брюханов В. На одном участке работали трактора ТТ-4, на другом ЛП-18. На трелёвке работали трактористы на ТТ-4: Захаров А., Слободчиков В., Заводунов В., Шиванев Н., Дроздов А., Шайдуров В. и др. На ЛП-18 работали: Каменский В., Мариненко И.С., Маркевич Е., Захаров В. и др. Лес валили бензопилой «Урал-5». Вальщиками работали: Верхотуров М.И., Абров Ф., Чеботарев Н.Ф., Киреев В., Колпаков К.И., Мельков Н., Еренчак А., Щербаков А. Кроме того, в леспромхозе появились валочные машины ВМ-4 и ВМ-4А (пакетирующие). На них работали: Мариненко И.С., Каминский В., Брюханов В.

Лесозаготовители работали хорошо. В 1976 году на мастерском участке верхнего склада Михайлова А.Н. было проведено социалистическое соревнование между лесозаготовителями. Начальником в этот период был Шмаков Анатолий Михайлович. Лес грузили на лесовозы тракторами, лебёдкой, был автокран МАЗ-200.

Потом стали работать челюстные погрузчики ПЛ-2 на базе трактора ТТ-4. Это С-80, С-100, Т-130. Операторами челюстных погрузчиков работали: Казаков Ф.С., Мариненко И.С., Панов В.Г., Шиванев С., Рукосуев В.К., Брюханов В., Квак Иосиф и др. На складе всегда работал бульдозер. Марки бульдозеров были С-80, С-100, Т-130. Они занимались устройством погрузочных площадок, подъездных путей, расчисткой лесовозных дорог. Бульдозеристами работали: Иванов В.П., Соломатов Ф., Секурцев В., Бахчев В., Зуев С., Колпаков И.М. и др.

В труднодоступных местах строились лежнёвые дороги, деревянные. Занималась этим отдельная бригада дорожников. Существовали профбригады по ремонту тракторов. Бригадиром-механиком в лесу работали: Рукосуев Н.Н., Кузнецов А.Н. Слесарями работали: Никулин В.П., Никулин И.П., Высоцкий Г. В лесу работало много женщин. Они работали на приёмке леса, огребке снега вокруг деревьев, обрубке сучьев. Работа нелёгкая. На приёмке леса работали Ракул М., Пиляй Р., Леоненко Т., Панова Л.И. Лес принимали мерной вилкой. На обрубке сучьев работали Агишева Н.Н., Колпакова Т., на огребке снега вокруг деревьев работали: Панова Т.В., Верхотурова А.Х., Протасова М.Т., Туркина Н., Лыхова Л., Заборцева Н., Васильева Т. В столовой на верхнем складе работали: Попова Е., Бобровник Н., Турсумбаева Л., Обгольц В.А. Рабочих в лес возили на автобусах: ГАЗ-51, КАВЗ-53, ПАЗ. Водителями автобусов работали Привалихин И.М., Пиксайкин Н.Т., Попов И.И., Балашов В.Г., Сизых М.В., Привалихин В.И.

Лес с верхнего склада вывозили автомашинами-лесовозами. Сначала лес возили на МАЗ-500 и МАЗ-501. Водителями лесовозов работали: Андреас А., Панов Н.Я., Брюханов М., Сизых В.С., Балашев В. После МАЗ-500 в леспромхозе стали работать лесовозы КРАЗ-255Л. Благодаря высокому профессионализму механиков, слесарей был высокий уровень готовности техники к работе. Механиками работали Никулин Н.П., Быков А.М., Ильин А.Н., Панов Н.Я., Сизых В.С. На техническом складе долгое время работали: Кузнецова А.К., Ускова Т.Т. В электроцехе работали слесари: по ремонту пил – Рукосуев В.С., Сизых А.С. (красный), Балюк Л. – электрик, Жевлаков Г.С. – аккумуляторщик, Акатьев И.С. – слесарь по аппаратуре, инструментальщики – Боровинский Н.И. и Петров Н.Л.

В леспромхозе было очень богатое РММ. Было очень много станков: токарный, фрезерный, шлифовальный, сверлильный, наждаки, расточный, гидравлические прессы. В кузнице работали: Матвиенко Ф.В., Сизых Г., Гуржей М., Хадженко Н. – молотобоец, сварщики: Рожков М., Горюцкий А., Лукощенко Зоя.

С 1950 года в посёлке была небольшая силовая электростанция (дизельная). Был установлен движок «Коммунар». Свет горел до 12 часов ночи. После свет вырабатывал паровой котел «Маршал». Потом установили более мощные дизеля. Шкода, большой дизель ДГ-375, два дизеля СКЛЬ. На силовой электростанции работали: Панов Н.К., Сизых М.И., Балашов В.Г., Пиксайкин Н.Т., Кузнецов А.Н., Жевлаков Г.С., Меркушин Б., Панов И.И. (братчик). В вулканизаторном цехе работали Колпаков Г., Заборцев И.В. (монах).

В леспромхозе был склад ГСМ и заправочная. На заправочной работали: Кузнецова А.К., Чеботарева В., Акатьева Г.Т. На складе ГСМ работали Скорнякова Л., Никулина Е., Погребняк Н., Кайрис Т. По участкам развозили ГСМ бензовозы на базе Зилов и Мазов. Водителями работали: Панов Н.Я., Андреас А., Качин А., Царев Н., Семенов Н.В. Автопарк леспромхоза был большой – это самосвалы, бортовые автомашины разных марок, КАМАЗы, грейдеры, автокраны, К-700.

В 1953 году запустили местный завод по производству кирпича. Образовал завод литовец Коварзе Владэс, который работал здесь же мастером. За смену готовили по 2500 штук. Резали кирпич струнами по два кирпича сразу, укладывали сушиться на стеллажи. Обжигать начинали только осенью. Было 3 печи для обжига, в каждую укладывали сразу по 4500 штук. Процесс обжига длился полторы недели. Кирпичи были больше стандартных и хорошего качества. Бригадиром работала Шкарина Анна Николаевна. Во время летних каникул на заводе работали старшекласники. В летний период на заводе работали 6 человек, на обжиге кирпича два человека. Кирпич использовали для кладки отопительных печей в домах и на производстве, а также возили в соседние посёлки. Из собственного кирпича была выложена печь в сельской пекарне. Печи в пекарне и для жителей клал В. Коварзе. В 1970 году кирпичный завод закрыли.

Нижний склад. Заготовленная древесина вывозилась на нижний склад, где её раздвигали на сортименты, хранилась и летом её сплавляли по Ангаре. Разделка древесины производилась на эстакадах. Были две механизированных эстакады – поточки. Они были оснащены РРУ (разгрузочно-растаскивающее устройство) и транспортером. У простых эстакад были установлены стационарные дизельные лебёдки марки ТЛ-4, ТЛ-5. Только в 1981 году их переоборудовали для работы от электричества. Лебёдчиками работали Чубин В., Протасов Г., Заборцев И., Панов И., Журавлев М., Рыбаков А.

В начале работы лесопункта не было тросов, и применяли вицу. Её использовали для изготовления членьев, ею связывали брёвна. Заготовкой вицы занимались старики. Заготавливали молодой подсад ели высотой до 2 метров. Складировали ель, мочили и после только вили. Мастерами нижнего склада работали: Флейшман Р.Х., Кокорин А.С., Брюханов В.П., Семенов А.А., Шешин В.Д. На разгрузке автомашин работали: Верхогуров М.А., Дербин Ю., Бурмакин М., Рукоусев В.К., Брюханов В.П., Никулин В.П. Машины разгружали трактором и также лебёдкой.

Лес на эстакадах принимали приёмщики сплавной конторы. На нижнем складе была пилорама и столярный цех. Лес на пилораме пилили на собственные нужды, брус, лафет, доску и на продажу. Штабелёвку сортиментов производили двумя кранами БКСМ-14. Лес штабелевали ещё лебёдками и тракторами. На строповке леса работали даже две женщины – Шаякова А.И. и Скоробогатова Л., хотя эта работа очень тяжёлая. Крановщиками работали Брюханов Н.М., Обгольц И., Горюцкий А., Снегтрев В., Скоробогатов Б., Рыбаков А., Зарубин В.И.

На нижнем складе было постоянно от 4 до 6 бригад на разделке леса. В бригаде работали до 7 человек. Бригадирями были: Абров Ф., Попович В., Косолапов Н.С., Косолапов С., Деревянных И.И., Деревянных Виктор И. и Валентин И., Рукоусев Н., Малеванный А., Привалихин А. Много на нижнем складе было сезонных рабочих, приезжающих на заработки. На нижнем складе производили заготовку дров швырка на собственные нужды. Дрова пилили: Деревянных В.И., Рукоусев Н.

На расколке дров работала Чубина М., её называли в шутку «электроколун». Дрова вывозили по объектам на самосвалах. На погрузке дров работали в основном женщины. Работа тоже тяжёлая. Иногда чурку не докидывали в кузов, и она летела обратно, что было очень опасно.

О передовиках производства

Наш леспромхоз был всегда передовым. В 1972 году был слёт ударников коммунистического труда в с. Кежда. Из нашего леспромхоза были участниками Привалихин И.М., Гениатулин М.Т., Кокорин А.С., Сизых В.С., Ковязин В.Д. На этом слёте присутствовал генеральный директор объединения Городний Владимир Исаакович.

В 1972 г. нашим жителям посёлка были вручены награды за добросовестный доблестный труд. Никулин Николай Павлович получил орден Октябрьской Революции. Ещё от нашего посёлка получили награды Верхотуров М.И. и Привалихина Валентина. Привалихина В. получила награду как работник ОРСа. В нашем посёлке была Доска Почёта, где вывешивались портреты наших лучших передовиков производства.

Леспромхоз занимался еще сплавом древесины. Лес отправляли к месту назначения в плотках. Плоты формировали под краном и на рейде. Сброску леса в воду производили краном и тракторами. Самое интересное наплавное сооружение – это рейд.

Рейд – это наплавное сооружение. Он состоит из центральной гавани, бонов, плиток, чельнев и переходных мостков. Для того чтобы рейд стоял на плаву и его не развернуло по течению под напором леса и воды, гавань крепили к центральному якорю (ряжу в воде). Для остановки щети в коридоре устанавливали запиры.

Разбор пучка в гавани у центральных ворот.

От крайней плитки чугуки закрепляли трос и тянули его на берег, закрепляли на берегу к якорю (мертвяку) – это вынос. К гавани при помощи тросов крепились боны, плитки, переходные мостики, чельня, где и устанавливалась лебедка. Отвод готового пучка в секцию.

Из бонов, плиток делалась сортировочная сетка, где лес сортировался по сортам, вязался в пучки, а пучок ставился в нужную секцию.

Леспромхоз отправлял за сезон по 38 плотов – до 180 тысяч куб. м леса. Норма выработки была 750 куб. м на бригаду, но в основном делали до 1200 куб. м.

Набор пучка. В бригаде было 22–23 человека. На рейде работали быстрые и ловкие люди. Каждый год на рейде работали ребята-старшеклассники. Они работали наравне со взрослыми.

Много работало женщин.

В леспромхозе был свой флот. Первый теплоход назывался «Ангара». Работали на нём два брата – Сизых Иван Иванович и Сизых Михаил Иванович. Корпус был деревянный. Были также свои наливные баржи. Были теплоходы «Костромич», «Иркутский», «Мальш», «Шуянь», «Свободный». Была своя самоходка СК-18, на которой возили груз в трюме.

Были два толкача водомётные. Один из них назывался «Бора», а названия второго, к сожалению, не помним. Они ходили с двумя наливными баржами в Красноярск, толкая баржу перед собой.

Капитаны: Верховых И.П., Морозов О., Качин А., Сизых А.И., Сизых А.Г., Козусь В.А., Шнайдер В.

Нельзя не вспомнить о ветеранах Великой Отечественной войны. В конце 60-х годов на территории Дворецкого сельсовета проживали 58 фронтовиков – ветеранов войны. Часто ветераны встречались с молодёжью, со школьниками. Рассказывали о боевых и трудовых успехах Советского народа, о мужестве и героизме своих боевых товарищей. Но самое сильное воздействие на молодёжь оказывали личным примером, добросовестным отношением к труду.

Встреча Героя Советского Союза Усенко Н.И. с пионерами в п. Болтурино

В нашем посёлке проживал Герой Советского Союза Усенко Николай Ильич. Родился 12 марта 1924 г. в деревне Каменка Ирбейского района. До войны работал в Кежемском леспромхозе. В Советскую Армию был призван в 1942 г. Воевал на Северо-Западном фронте, под Старой Руссой. Участвовал в боях на Орловско-Курской дуге. Был связистом батальона 8-го гвардейского воздушно-десантного полка. В боях за Днепр за отвагу, храбрость и мужество, проявленные в бою, Усенко Николаю Ильичу было присвоено высокое звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Был награждён 10 января 1944 г. В 1944 г. был списан из действующей армии по инвалидности и вернулся домой. Жил в п. Болтурино и работал в Дворецком лесопункте Кежемского леспромхоза. Вырастил двух сыновей и дочь. Умер в 1996 г. в г. Красноярске.

В Болтурино было традицией в День Победы проводить митинги около памятника погибшим и умершим воинам. Все ветераны-фронтовики приходили в День Победы к памятнику. Выступали, вспоминали о войне, возлагали венки, учили нас беречь мир. После митинга проводили для ветеранов «Голубые огоньки». Фронтовики приходили с жёнами и в праздничной обстановке отмечали День Победы. Но с каждым годом ветеранов становилось всё меньше и меньше.

С гордостью и уважением мы вспоминаем о ветеранах-фронтовиках, которые проживали в п. Болтурино: Усенко Н.И. – Герой Советского Союза, Андреев Г.Т. – инвалид войны, Бибик М.П., Деревянных И.И., Бороненко Н.А., Введенской С.П., Гужавин В.А., Верховых П.М., Захряпин Н.В., Матвиенко Ф.В., Ильин А.И., Ильин Е.В., Качин Н.М., Кокорин А.С., Колпаков И.И., Колпаков Г.Г., Никулин Н.П., Пронин А.Ф., Протасов Г.Т., Привалихин Г.А., Привалихин И.В., Рожнов В.С. – инвалид войны, Салтыков П.П. – инвалид войны, Скорняков Л.В., Сабиров Х.С., Никитин А.П.

Ветераны войны и труда, люди старшего поколения, вынесли на своих плечах все тяготы войны и послевоенного восстановления народного хозяйства. Уместно напомнить высказывание Маршала Советского Союза Жукова Г.К. о простом солдате: «Нет границ величию его подвига во имя Родины, как нет границ его трудового подвига после войны. Я призвал бы нашу молодёжь бережно относиться ко всему, что связано с Великой Отечественной войной. Не забывать памятные даты и славные имена. Но особенно важно помнить: среди вас живут бывшие солдаты. Относитесь к ним бережно, не оскорбляя гордости, относитесь к ним чутко и уважительно. Это очень малая плата за то, что они сделали для вас».

Последние дни жизни посёлка Болтурино

Первое выселение жителей посёлка Болтурино и начало разрушения нашего посёлка началось с 1982 года. Это когда наш леспромхоз передали в систему МВД. Во всех наших посёлках, которые попали в зону затопления, сделали колонии. У нас в посёлке собрали общее собрание и поставили перед фактом, что зачисткой ложа водохранилища будут заниматься осуждённые и мы, вольные, им не нужны, что за каждого вольного поставят по 3–4 человека осуждённых и безопасности нам не гарантируют. Очень много уехало тогда людей, очень хороших работников. Постепенно администрация колонии перестала выполнять функции леспромхоза в отношении населения и посёлка. Эти функции на себя взял сельсовет: были приобретены две автомашины, водовозка и автобус для перевозки людей в г. Кудинск. Также перестали производить ремонт жилья, и люди перестали платить квартплату. Население продолжало понемногу выезжать из Болтурино, так как опасались за жизнь своих детей и близких, и не без основания. Остались жить те, кому некуда было выехать. После 90-х годов жить стало ещё «веселее». Годами не платили зарплату. И чтобы как-то выжить, население стало обзаводиться скотиной, особенно КРС. Жить было легче тем, у кого в семье были пенсионеры, так как пенсионерам выдавали пенсию. Даже хлеб мы покупали под ведомость. Иногда зарплату выдавали на предприятиях продуктами. Население также выживало за счёт огородов, реки и тайги.

Ангара всегда была нашей кормилицей. Много было рыбы ценных пород: красная рыба – осётр, стерлядка, костеря. Также таймень, сиг, чир, хариус, щука. Вода в Ангаре была прозрачная и пригодна для питья, на любой глубине видно было дно. После пуска Братской, Иркутской и Устилимской ГЭС вода стала мутная. Прибрежные воды заросли травой. По реке несло шелковник, и вода стала непригодна для питья. Красной рыбы больше не стало. Но всё равно белой рыбы хватало. В последние годы большой популярностью стал пользоваться елец. У нас в посёлке его называли – нужда-рыбка. Ельца легко было наловить, и был он очень вкусный в любом виде. Очень хорошо выручал налим. Из него делали котлеты и жарили. В некоторых семьях было так: на завтрак котлеты из налима, а на обед налим жареный. На зиму свежую рыбу замораживали и также солили.

Также нашей кормилицей была тайга. Люди заготавливали грибы, ягоды для себя и также на продажу. Кроме того, ягоды и грибы меняли на продукты. Болтурино славилось рыжиковыми местами. Особенно много рыжиков было на заброшенных, зарастающих полях. В последние годы был большой урожай на грибы и ягоды. Все наши грибные и ягодные места утопило. Утопило много клюквенных болот. Мох с клюквой выносило прямо на Ангару (море). По берегам речки Пеленды росло много красивых цветов жарков. Были прямо оранжевые поляны. Их тоже утопило. Зачистка берегов Ангары не производилась. Лес ушёл под воду. Зачищали берега речки Пеленды, но кучи вырубленных кустов и деревьев не были полностью сожжены. Всё это ушло под воду.

Выселение жителей Болтурино было насильственное и очень жёсткое. С населением никто не считался. Посёлок жгли на глазах у жителей. Особенно было страшно, когда жгли нашу родную школу. У некоторых семей в этой школе проучилось уже третье поколение. Люди потеряли всё, что было нажито тяжёлым физическим трудом. У всех была разработанная, хорошо удобренная земля, от которой всех

заставляли отказываться. У всех были построены зимовья, бани, гаражи, скотные дворы. Это всё люди сами строили, своими силами. На реке у многих были построены будки, где люди держали рыбацкие принадлежности. Всё это у населения отнимали без возмещения материального ущерба. Что может чувствовать человек, когда жгут у него на глазах его родной дом, двор, посёлок, где прошла вся его жизнь? Постоянно шло запугивание населения. Если человек выражал недовольствие или от земли не отказывался, то сразу грозили, что квартиру не получит. Министр экономики и регионального развития края Жгун В.Е. на такое переселение ответил, что в казне нет денег. Тогда зачем переселяли население, если нет денег? Почему хозяева Богучанской ГЭС не вложили финансы в переселение населения? На все эти вопросы ответов нет.

В заключение мне хочется сказать, что у нас был хороший рабочий посёлок. Всё было создано для жизни, работы и отдыха.

В описании жизни нашего посёлка были использованы воспоминания жителей нашего поселка – Балашев В.Г., Никулин Н.П., Кокорины М.С. и А.С., Михайлова Е.Е., Зарубины М.И. и Л.Н., Мелькова М.П. и мои воспоминания.

Я РОДИЛАСЬ В СИБИРИ!

М.А. Замула

Я, Бич Рита Александровна, по мужу Замула, родилась в посёлке Болтурино Кежемского района Красноярского края в 1953 году. Я, как все мои земляки, всегда гордо заявляю, когда речь заходит о месте, где я родилась: «Я родилась в Сибири!».

Эту фразу гораздо позже облекут в музыку и будут петь миллионы соотечественников, но каждый, рождённый в Сибири, воспринимает эти гордые слова в личный адрес. Как это звучит гордо, без хвастовства и даже с ноткой фанатизма, и романтика этих слов не исчезнет для меня, пока я живу.

Сейчас я проживаю в Молдове, вот уже скоро полвека, большую часть моей жизни, но я гордо говорю: «Я родилась в Сибири!» – и надо видеть реакцию моих собеседников на эти слова здесь, на юге!

Семнадцать лет я жила на берегу Ангары, и перед моими глазами – трёхкилометровая ширь реки, позади – плотное зелёное кольцо тайги и – наш родной Дом! Нет, по порядку: сначала был дом моего дяди – Флейшмана Мартына Христиановича, потом, через улочку, наш дом.

И мои первые воспоминания всегда кружат около этих двух домов, гордо стоявших на крутом берегу маленького пятячка, с которого мы, дети, с нашей бабушкой – Бич Шарлоттой Густавной – ждали родителей с рыбалки. Лодку было видно издали, зачастую краями черпавшую воду, – такая она была полная улова. Никто без рыбы не возвращался никогда! Мы летели вниз, с крутого обрыва на берег, навстречу приближающейся моторке, звук которой узнавали, едва заслышав, да и все, кто жил в Болтурино, подтвердят, что абсолютно каждый ребёнок знал звук своей – папиной – моторки.

Ангара – это была жизнь, которая щедро кормила и поила нас, ведь мы пили воду из реки. Это когда маме хотелось что-то особенное, мы брали воду из колодца, недалеко от стадиона. Я могу бесконечно рассказывать об Ангаре, и никогда не иссякнет поток слов восхваления реки моего детства, места моего рождения, сурового края, далёких мест, щедротой немеряных! Сколько романтики и светлой щемящей боли в душе от моих воспоминаний, всему я училась там. В жизни моей эти познания до сих пор служат мне ориентиром моим поступкам.

Я росла в большой семье. У моих родителей было шесть детей, я – третий ребёнок, долгожданная для папы доченька: «Крещенские морозы, на окнах – вязь, у мамы – третьи роды, я родилась!»...

Росла я спокойной девочкой, а моя подруга, Лиля Флейшман, была более бойкой, всегда летела впереди, спешила куда-нибудь, меня тащила, всегда ей надо было куда-то бежать. Ой, помню, у них в сенях всегда стояло много обуви, разувались там, и её обуви было хоть отбавляй: все стоптанные (не от косолапости, а от её нетерпения) туфли, тапки, ботинки стаптывались моментально...

Лиля была мне двоюродной сестрой, из дома напротив, дочка дяди Мартына и тёти Маруси Флейшман, тоже третья в их семье. Мы появились на свет с разницей в три месяца, она – первая. Так она и бежит по жизни впереди меня. Она из дома в мир выскочила первая, мы же с пелёнок вместе играли, как однойцевые, неразлучно. Она первая быстро познакомилась с Таней Пиксайкиной, в магазине, наверное, не помню, а я очень боялась отойти от наших ворот в эту неизвестность, которая меня так пугала и измерялась какими-то пятьюстами – семьюстами метрами. Но это потом, а тогда я плакала и смотрела боевой подруге вслед, которая не смогла меня уговорить бежать вместе.

Я плакала так горько, помню это так ярко, с ощущением покинутой, ненужной и преданной, ох, и обиделась я тогда! Вот как она вернулась, уже не помню (она всегда возвращалась ко мне), и я потом уже так болезненно не реагировала на её отлучки. Но этот первый случай – всегда во мне, поэтому я не выношу, когда меня бросают, даже не так: я предчувствую опасность задолго до её появления и всячески её пресекаю, обхожу острые углы, во всяком случае, стараюсь. Вот такой урок жизни – сберечь то, что имеешь!

Вспоминаю похороны дяди Яши Флейшмана, он был и Лилин дядя. Дядю Яшу на валке ударило спиленным деревом по плечу и по спине. Он лечился, и отправили его в санаторий, а обратной дорогой домой, с Кежмы во Дворец, он умер в самолёте Ан-2. Помню дикий плач бабы Лили, мамы его, сестры моей бабули. Мы прибежали в дом дяди Яши до того, как его привезли и занесли в их новый дом, положили на чистый, крашенный коричневой краской пол, и он лежал такой большой и красивый, в тужурке, голова с завитушками кучерей.

Баба Лиля кинулась на колени, схватила его руку, а та падает на пол со стуком... никогда не забуду. А рядом Жанна, его жена-красавица, с сыном Витькой на руках, с белыми колечками волос на голове... Похороны помню, вообще весь этот ужас помню. Я тогда в школу ещё не ходила, стояли жуткие морозы, весь поселок ушёл на похороны, безостановочно гудел гудок. Это так перевернуло мою душу, что долгие годы я до ужаса боялась покойников. Папа всегда говорил: «Бойся, Риточка, живых...». А я мимо нашего кладбища, от хутора по тропинке над обрывом, ходить не могла долгие годы. Неокрепшую детскую психику надо так беречь...

Вспоминается из детства случай. Соседи наши – тётя Наташа Ильина и её муж, дядя Елиферий – коптили рыбу. Они были знатными рыбаками, и рыбы у них всегда было не меряно. Как-то коптила тётя Наташа окуней, а окуни у нас на Ангаре – ого какие большие. И надо было ей куда-то отлучиться срочно. Она и попросила мою маму поставить меня к коптилке следить за огнём, пока хозяев не будет. Ну я и дежурила: опилки подбрасывала, огонь большой водой гасила, копчёный воздух вынюхивала до одури – кто не знает этого вкусного, манящего запаха! Потом пришла хозяйка с тазом и, подкладывая в него копчёного окуня горой, мне сказала, чтоб я шла домой... Я шла домой, эти двадцать метров улицей, что разделяли наши дома, захлёбываясь от слёз, так как рыбу мне не дали даже попробовать... Вот так я чётко уяснила, что труд должен оплачиваться по заслугам, видимо, тогда я не заслужила.

Вспоминается наш лес, ягоды, покосы, но вот река – чаще всего. Наши мамы бельё стирали, а нас полоскать его на реку отправляли. Здорово-то было как, особенно летом: по пояс в воде, наволочкой шлёп – она шаром надувается, зажмёшь её в руках, ляжешь пузом на неё и плывёшь, пока с угора рассерженный мамин голос не вернёт тебя назад, к тазу с бельём.

Жизнь преподнесла в детстве немаловажные уроки. Когда собирались ребяташки, начинались рассказы, особенно тех, кто постарше. Хвастались тем, что кто-то что-то там нашёл, ну а я ничего не находила никогда, и так мне остро захотелось найти чего-нибудь! На вешалке дома висел мамин дождевик, я тихонько в карман шасть, а там мелочь, копеечки, я их – в кулачок и на улицу бежать. Высыпала копеечки под забор дяди Толи Брюханова, походила-походила, не понравилось мне, как они там лежат, собрала и опять место ищу, где б эти копеечки найти мне потом удобнее. Наконец, нашла, воткнула их ребром, вдавила в землю рядом с нашей калиткой, села на качельки, а сама поглядываю, как, кто пойдёт... Увидела маму, и с криком: «Мама, я нашла!» – на ладошке копеечки протягиваю в ожидании похвалы, и вдруг слышу: «А ты где это взяла? Ай, ай... не стыдно?». Так в один миг небо на меня от стыда упало. Вот это было да-а-а! Я ещё была дошкольница, а на всю жизнь: чужого не бери!

Хотя у того же дяди Толи Брюханова через несколько лет мы «хорька гоняли» в его огороде: в сумерках огурцов быстренько набрали, перелезли через забор и в кустики, разложили и – было полное разочарование. У нас в огороде в сто раз огурцы были вкуснее, лучше и зеленее, а эти – жёлтые и твёрдые, зато урок – не всё у соседа лучше.

Вспоминаю радость, какую я испытала от первой моей ёлки. В морозных клубах папа занёс в дом огромную ёлку, под потолок. Заняла с полкомнаты, морозец от неё и запах – не забыть! Всей семьёй вечером сидели за столом и делили на девять равных частей конфеты-подушечки и печенье в сшитые мамой бумажные пакеты, потом в корзине под белой простыней нас ждали подарки – сами готовили! – но от этого не становилось меньше ожидание чуда – подарка и праздника. А наряжали как ёлку! Вечерами, все вместе: кто резал бумагу, кто клеил кружочки, кто собирал гирлянды, горы которых лежали на полу, фонарики раскрашивали цветными карандашами, – так учились создавать себе настроение, праздник, радость.

Январь 2016 г.

БУДЬ, АНГАРА, ВО ВЕКИ ВЕКОВ БЛАГОСЛОВЕННА...

Е.И. Бич

Я, Бич Елена Илларионовна (по отцу Бабинчук), родилась 26 июня 1926 года в деревне Сивохино Тасеевского района Красноярского края. Хочу вам, мои дорогие земляки, поведать о том, как я и мои родные были переселены в Кежемский район.

В 1906 году, влекомый столыпинской реформой царской России, с мечтой о свободной земле, мой дед, Бабинчук Фёдор Мефодьевич, уехал из Белоруссии со всей своей семьёй. Было у него четверо сыновей: Емельян, Мефодий, Илларион (мой отец, 1898 года рождения), Кирилл, а в Сибири родился сын Алексей. Тогда многие семьи уезжали в Сибирь за хорошей жизнью. Дед купил землю, помню, по рассказам отца, десять десятин, а сколько это в наших мерках, я и не знаю, на берегу реки Тасеево в деревне Сивохино. Семейство Бабинчук обрабатывало землю, работы было много. Все работали с надеждой на счастливое будущее. Построили мельницу, дома своим старшим сыновьям, которые за эти годы обзавелись семьями. Мужчины семьи Бабинчук воевали в Гражданскую войну против Колчака за советскую власть. Мои младшие дяди, Кирилл и Алексей, вылетели из родного гнезда навсегда – это их и спасло, вот они и уцелели в пору уже грядущей коллективизации. Шёл 1930 год. У деда сначала забрали мельницу, потом всё, что нажили, отошло в колхоз, потом забрали и самого, и всех его сыновей. Когда их выпустили, дед вскоре умер от полученных побоев.

Время такое было – никто время не выбирает. Главное было – выстоять и остаться человеком. В страшном 1938 году покосили наших отцов репрессии. Мужчины сорока-сорока пяти лет просто исчезали с лица земли. Их дети, их семьи попадали в такое месиво, что теперь можно только удивляться, как выживали наши мамы с кучами малых деток в холодной и теперь уже голодной Сибири, потому что выслали семьи Бабинчук дальше в Сибирь, на берег неизвестной реки Ангары. Будь она, Ангара, во веки веков благословенна – богатая, могучая, неукротимая, кормилица, матушка наша, – такая была для нас эта река, надежда наша на выживание наших матерей, вокруг которых были неокрепшие и такие уже рано повзрослевшие дети, которые много лет были бесправными. Только воля и неукротимая тяга к жизни спасут нас всех, хоть и ходила рядом «старуха с косой». Времена были очень трудные, но люди поддерживали друг друга, как могли.

Мама моя, Наталья Бабинчук, умерла рано, ей всего-то было двадцать шесть лет. Отец остался с тремя детьми: мне шесть лет, младшим – четыре и новорожденный, которого выпестовала моя бабушка. Ох, и досталось ей. Отец потом женился на женщине с двумя детьми – Марии Михайловне Куцаконь. Так у меня и появилась сводная сестра – Салтыкова Галина Яковлевна. Когда отца вновь забрали, мачеха наша, мама Мария, не отдала нас в детдом, хотя и пришли службы. Она встала на пороге и не пустила в дом, а свою старшую дочь отдала сестре в Канск, – боялась, что не прокормит всех детей, а вот вырастила всех нас. Вот где гимны-то слагать нашим женщинам!

Папу забрали, мне было двенадцать лет, а помню всё, а лучше бы забыть...так больно, так душа плачет. Ведь ему было чуть больше сорока лет. За что? Зачем теперь

эти бумажки о реабилитации? Сколько загубленных и безвинных душ за ними... Это – отдельная, страшная страница жизни нашей и нашего народа. Сколько пропало людей, здоровых и молодых, – кровь нашей Родины. Я уже с двенадцати лет помогала, как могла: печи мазала по людям, котлы в хлебопекарне чистила – посадят меня внутрь котла, и я скребу, скребу... Сибиряки знают, что такое русская печь.

Жить после ссылки мы стали в Косом Быку Кежемского района, а сначала привезли во Дворец. Когда построили леспромхоз в посёлке Болтурино, я уже взрослая была, и мы начали работать в трудармии (1942–1943 годы). Было трудно и голодно. К этому времени в посёлок Болтурино много ссыльных семей привезли разных национальностей, одни бабы с детьми: из Грузии, с Прибалтики, с Ленинграда, с Поволжья... Привезли и немецкие семьи. Так я и познакомилась со своим будущим мужем – Бич Александром, его семья была из Ленинграда переселена без возврата. Вот в таком трудном положении была у нас юность, дружба и любовь. Дружили мы с ним четыре года и в 1948 году поженились. Когда я замуж вышла, я, как лошадь, по жизни «попёрла», уже дети появились, много чего надо было.

Сколько добра и поддержки мы получали от нашей красавицы Ангары, хотя и суровая эта река, но, как мать, нас кормила круглый год, и мать-тайга. Сколько надо было нашей природе дать добра людям, чтобы теперь, спустя столько лет, я, когда говорю о тех местах, о тех годах, называю свои воспоминания одним словом – ДОМ! Это – мой единственный дом на всю мою жизнь, это – моя малая родина.

Начинала я свою семейную жизнь с мужем Александром в доме свекрови, и там у нас появились наши пятеро детей. Только тогда мы построили, наконец, свой дом, большой и светлый, до сих пор он мне снится, в нём родился мой шестой ребёнок... В 1970 году, когда мы уехали в Молдавию, потому что муж сильно болел, у нас наш дом купил сельсовет под почту. Разве в плохом сне, да и то навряд ли, приснилось бы мне, что всё это – и наш дом, и наш посёлок, и всё кругом – обрекут на затопление, лучше бы мне не знать этого. Спасибо родным и близким, что не дали затопить прах наших усопших родных. Теперь они покоятся на кладбище в городе Кюдинске. В этом городе живут мои родные племянницы – Салтыковы Наталья и Мария. Низкий поклон им за это. Моя дочь Рита смогла посетить недавно могилы нашей мамы и наших родных и близких.

В моём старом мозгу до сих пор не укладывается, что теперь над моей Родиной семидесятиметровая толщина воды. Это какое-то кощунство – уничтожить такую реку, её беречь надо было, она уникальная и единственная, такая богатая и такая обречённая на поругание, моя Ангара. Слава Богу, что я не видела того ужаса, который пришлось пережить моим родным и близким и моим землякам.

Теперь я уже доживаю свой век. У меня шестеро детей: Николай, Виктор, Рита, Александр, Нэлла, Пётр плюс их половинки – итого у меня двенадцать детей. Плюс пятнадцать внуков, они почти все женаты, значит, ещё четырнадцать их половинок, да плюс восемнадцать правнуков, и это ещё не предел. Вот такая я – много-много-многодетная мама. Бабушка моя, которая вырастила моего младшего брата, умерла в сто четыре года. Вот такая неумная тяга к жизни! Умерла, качая своего праправнука, приспала и не проснулась.

Дай Бог такого веку по жизни, только счастливой и хорошей, чтобы не терзали тяжкие воспоминания бессонными ночами, доброго всем будущего и счастливого и мирного настоящего! Вот и всё, что я хотела вам рассказать, дорогие мои земляки.

Январь 2016 г.

СЕМЕЙСТВО КУЗНЕЦОВЫХ (ТЕРЁХИНЫХ) ИЗ ПРОСПИХИНО

А.Н. Кузнецов

Из личных записей жителя посёлка Болтурино Кежемского района Красноярского края Кузнецова Александра Никифоровича, 1925 года рождения, уроженца деревни Проспихино Кежемского района Красноярского края. Умер в 1985 году. Перезахоронен в г. Козинске.

«Дед мой, Михаил Терентьевич Кузнецов, в деревне его прозвали «Терёхин» по отцу, прожил более девяноста лет. Занимался в основном сельским хозяйством, иногда охотой и рыбалкой, но эти занятия у него были не основные. Делать он мог всё: и плотничать, и даже столярничать, и другие работы. Но качества в рукоделии как-то не было. Или он сильно торопился, или, как говорят, такая рука. Был он остролиц, сутул, нос с горбинкой, выше среднего роста. Как я его запомнил, был он седым, волосы и борода с усами были белыми. Волоса вились из кольца в кольцо, и носил он их по старинке, под кружок. Дед был недоволен своими волосами. Когда ходит в баню и волосы промоет, они у него ещё больше вились, с трудом их расчесывал своим специальным роговым самодельным гребнем, беря его поперек всей пятернёй, усиливая устойчивость гребня в руке, и начинал рвать свои волосы, приговаривая, что достались же ему такие волосы на всю жизнь. Бороду с усами подстригал коротко, ножницами. Говорят, смолоду был очень аккуратен и красив, его красоту, по-видимому, украшали кудрявые волосы. В ходьбе был какой-то недостаток, хотя и ноги были целые, невредимые, или от старости, или от тяжёлых физических работ, припадал на левую ногу, но чувствовал себя нормально, делая большие переходы, не обижался на ноги. Да и вообще, дед редко болел.

Жил дед в деревне Проспихино со старшим сыном, моим дядей, Терентием Михайловичем Кузнецовым, чувствовал себя в доме основным хозяином, мог распоряжаться всем хозяйством и положением членов семьи в работе, в учёбе своих внуков, поведением всех своих родных. Не терпел никаких несправедливостей, был горяч, поэтому все родные его побаивались. Дед мог в любую минуту сделать без всякого стеснения любому человеку замечание, и ему никто не мог перечить, считая себя виновным не обязательно перед ним, а вообще перед любым, в неправом жизненном поступке.

Никогда я не слышал, чтобы он в разговоре шутил или много о чём-нибудь разговаривал, или о чём-нибудь философствовал. Был он неразговорчив, или с нами, родными, так он вёл себя, или так воспитала его нелёгкая продолжительная жизнь. Бабушки я не помню, умерла она, меня ещё не было. Дед остался средних лет. На могиле он поклялся перед своими детьми и перед всеми провожающими, что никогда ей не изменит, что остаток жизни будет жить только с детьми и другой супруги у него не будет. Так дед и жил продолжительный остаток жизни один в семье старшего сына.

Верил дед в Бога, но нам он никогда не внушал. Бывало, в отдельные дни приходил с работы и перед завтраком начинал, стоя перед маленькой иконкой, что стояла в углу

избы поверх зеркала, молиться, при этом что-то приговаривая, две-три минуты, а затем вставал на коленки и, ещё что-то наговаривая, кланялся несколько раз до пола, потом вставал, несколько раз крестился. Тогда шёл к столу, ни с кем не разговаривая, приступал к еде. Молился он редко и обязательно больше в религиозные праздники.

Взрослые и пожилые люди его уважали, с удовольствием с ним заводили беседы. Дед, по его особым секретам, хорошо угадывал погоду. Даже правление колхоза советовалось с ним, когда приступать к севу хлебов весной, ну и к другим сельскохозяйственным работам – к сенокосу и уборке. Дед хорошо ориентировался в погоде, по его особым наблюдениям, он знал каждый гектар земли в колхозе, какой структуры эта земля, что и где, когда на ней нужно делать, как её обрабатывать.

Любил я слушать старичков, когда в какой-нибудь праздник собирались к дедушке поразговаривать, посидеть, вспомнить прожитые годы. Разговоры были и на сельскохозяйственные темы, про охоту, про рыбалку, как ходили в ямщину в Канск, в Тайшет, как менялись лошадьми, кто в чём погорел, а кто в чём имел выгоду, кто сколько имел лошадей, коров, свиней в хозяйстве, у кого какие были семьи. Иногда разговоры переходили на мелкие политические темы, чувствовалось, что иногда некоторые старички хвастались своим прожитым, дескать, что сейчас за жизнь, нет ничего своего, всё отдали в колхоз, урожаи стали хуже. Работают так себе, через пень-колоду, утром собираются на работу в колхозе, а уже солнышко высоко и рано отступаются. Да и трактора портят землю, глубоко пахнут, навоза никто не вывозит на поля. Вот тут дедушка как-то себя показывал превосходным в этих вопросах, своим собеседникам как-то сразу доказывал в их неправильных понятиях. Вот, допустим, такая была его поговорка на такие разговоры: что, мол, мы видели до колхозов, да ничего, работали с темна до темна, конечно, земля отдавала своё за наш труд, но, кроме работы, мы ничего и не видали, вот, посмотрите, будем жить лучше, освоятся с тракторами, на них и навоз будут возить, и пахать лучше, и обработка почвы будет хорошей, и урожаи будут. Ездили в больницу в Богучаны, школа была в Кежме да в Богучанах, вот так мы все и остались неграмотными. А сейчас што: больница в нашей Проспихиной есть, школа есть, есть сельский совет да два магазина, бери чего только хошь. Клуб есть – ходи в кино и слушай лекции. Разговоры кончались мирно, как бы выводя для себя вывод в улучшении прошлого, и, довольные своей беседой, расходились старички по домам.

До последних своих дней дед сторожил разные колхозные фермы, так как на физические работы по старости не гожался, всё ещё помогал своим посильным трудом колхозу, всё говорил, а вот и заменят человека. Год рождения дедушки где-то 1861, а умер он в 1953 году, но остались о нём большие воспоминания у нас родных как о человеке большой чистой души.

Мне, его внуку, один раз пришлось послушать напутственный жизненный разговор, хотя он и был немногословен, но почему-то он посчитал поговорить со мной более откровенно. Может, это было вызвано сложными обстоятельствами: в ту пору я был школьником и разговору дедушки не придавал особого значения, а случилось это так.

В деревне Проспихино у нас был такой обычай. Гуляли, правда, редко, но в основные большие праздники собирались большим количеством людей и гуляли по несколько дней, так как все должны были угостить гостей, не обязательно приводить домой. Делали это в одной избе, и отгацивали несколько семей. И вот в Новый год у нас, «Герёхиных» – такое было наше деревенское прозвище – должно было состояться гуляние. С утра хозяйки,

которые группировались отгостить, начали готовиться. Я пришёл из школы, а по всему дому, посередке, стояли четыре стола – это было подготовкой. Мне, как малолетке, сказали, чтобы я на это время куда-нибудь ушёл к товарищам и даже мог там ночевать. Мои родители жили тогда в Рожковой. Отец мой, Никифор Михайлович Кузнецов, был вторым сыном Михаила Терентьевича, а я жил у дяди Терентия и у деда Михаила и учился в Проспихино.

Назавтра утром, когда я пришёл домой от товарища, мне показалось, дома никого нет, и изба не была заложена на замок. Я поглядел по койкам, может, кто пьяный спит и поэтому не заложили, оказалось, что дед лежит на своей койке. Столы, как были заставлены разными тарелками, мисками, чашками, так и стояли после гуляния, на столах и окурки, и пепел от папирос, что-то пролито на столах, и под столом в беспорядке валяются вилки, пустые бутылки, по-видимому, погуляли на славу, а гости перешли к другой группе отгашивающих. Дед проснулся и спросил, кто дома, я ответил. Он потребовал пить. Я, всё что-то разглядывая на столах и под столом, в избе стоял какой-то приторный винный запах, недоумевал над таким беспорядком, но тут дед уже вышел из терпения и от всего сердца крикнул, что нет воды и хочет пить. Я даже вздрогнул от его такого резкого требования. Видимо, у него созрела мысль со мной поговорить, так как у него испортилось настроение от моего такого медлительного исполнения. Я пошёл в кухню, где стояла большая деревянная кадья с водой, в которую вмещалось литров десять, зачерпнул железным ковшиком воды и понёс дедушке. Когда он брал ковшик с водой, я чувствовал себя виноватым. Мне сказал, растёте какими-то у меня дураками, не так, как у людей, у людей как люди, а у меня какие-то дураки, да и отцы-то ваши такие же были. Он попил воды и, отдавая ковшик, чтобы я поставил обратно на место, велел посмотреть на столе, нет ли там водки. Я поставил ковшик и пошёл к столам. На первом столе от двери стояла поллитра, и в ней что-то ещё было, я понюхал, понял, что это водка, и налил в стакан. Стакан наполнился полным, не знаю, или специально ему оставили на похмелье, или вообще осталась поллитра незамеченной. Я поднёс дедушке, ожидая, когда он выпьет, чтобы унести стакан обратно на место и улизнуть из дому от дедушки и от его навязчивости. Беря стакан, он мне сразу же приказал принести огурец, я пошёл опять к столам, взял вилку и поддел один ломтик огурца. Он взял огурец руками, откусил половину, затем залпом выпил стакан и положил вторую половину огурца, тряс своей кудрявой головой, кряхтел и глубоко дышал и успокоился. Некоторое время сидел молча, потом спросил:

– Шура, ты меня любишь?

– Я ответил, что нет, да и никто не любит, потому что ты сердитый.

– Кто тебе сказал, что я сердитый?

– По всей деревне говорят, что ты сердитый, купаться нам не даёшь, не только нам, своим, но и чужим ребятам, купаемся и оглядываемся, не идёт ли дедушка Михайла. А правление колхоза летом пустили славу, что ты караулишь колхозный горох, и никто там поэтому не ходил, но я говорил ребятам, что ты сторожишь на свинарнике, никто не поверил и по гороху ни разу не сходили. Я – внук, и гороха-то не знал, где растёт.

Усмехнулся дедушка и свободной рукой, лёжа на кровати, обнял меня и приблизил к себе, да я и так стоял от него недалеко, всё ещё ожидал взять в его руке стакан и отнести и смыться из дому, и он продолжил говорить:

– Учишься, однако, худо, всё бегашь и не готовишь уроки. Учиться вам надо грамоте и быть не такими, как мы. Ох, внук, не знаю, как вы будете дальше жить, вот умрём

мы, старики, и вы, однако, умрёте с голоду. Растёте, внуки, какие-то ленивые, учиться не хотите, только бы баловаться да по деревне бегать. Нас родители так не баловали, как мало-мальски начали гожаться на работу и работали с темна до темна наравне со взрослыми, ну, разумеется по своей силе, возможности: вначале бороноволокном год – два, а потом уж доверяли соху, ну, после сохи работали все работы. Твой отец, Никифор, рос, казалось, не так уж баловный, но и он показал свой нрав. Было это, Шура, давно, ещё далеко до колхозов. Жили мы единоличным хозяйством, пахали, сеяли, жали, молотили, всё делали своими силами для того, чтобы прожить целый год до нового урожая. Имели коров, свиней, собак, куриц, а основное в хозяйстве были лошади. На лошадях все полевые работы делали, ходили в ямщину, перевозили груза разные, этим зарабатывали деньги. Лошади у нас были хорошие, да и как им быть не хорошими, когда овёс из колод не выводился. Поились вовремя и восстанавливались вовремя, допускались к корму, и были у них тёплые конюшни. Летом, когда весенние работы закончатся, до обработки паров лошади отдыхали на зелени, на лугах, на приволье.

Я устал стоять и присел на краешек кровати, дед отодвинулся немного, прижал меня к себе плотнее и продолжал свой разговор:

– Особенно были хорошими лошадьми Мухорка и Чалуха, на которых можно хорошо было проехать и увезти любой воз. Мухорка был жеребцом в конюшне и дворе смирным, никогда головой от хозяина не отворачивался и спокойно возил человека наверхней. Но, как только запряжёшь в кошеву или в сани, да ещё обвозжаешь на вожжи, сразу как кто-то подменял Мухорку: глаза станут какие-то шаловливые, начинал топтаться на месте, так что приходилось двоим-троим его держать, пока ямщик сядет в сани иль в кошеву. И Мухорка бросался, не соблюдая ни рытвин, ни крутых поворотов и спусков, летел галопом. Но ещё хуже было, когда на нём приходилось подниматься с реки на угор, то тут уж он ничего не соблюдал, бросался со всех ног, выносил сани с грузом иль кошеву с ямщиком, иногда прибегал к воротам в одном хомуте.

Мухорка давал нам заботы: то сани иль кошеву изломал, то хомут разорвал, то ещё что-нибудь наделал, но мы его любили за его удаль, всё ему прощали, да и любить его было за что: он мог пробежать, не останавливаясь, полсотни километров, не сбавляя темпа в беге. Бывало, что съездишь в Климину, как раз километров тридцать, его не выпрягали, ну и погрешься немного и опять поедешь обратно, а Мухорка тем же бегом, не сбавляя хода, да и не чувствовалось, что он устал. Вот, назад едешь, а с реки на угор всё-таки он нрав свой покажет, но всё равно вынесет во весь дух. Летом иногда отпускался в табун на продолжительное время, так как деревне нужно было лошадиное потомство, там была у него одна кобылица, остальные паслись отдельно, даже в своём дворе своих лошадей и кобылиц не обижал. Были в деревне и другие жеребцы, но к Мухорке подступиться не могли. Он чувствовал себя превосходным, сильным, ходил с табуном, гордо поднимая голову, поглядывая по сторонам. Не помню, чтобы какой-нибудь жеребчик осмелился налететь на Мухорку.

Но, человек умнее животного, и мы всё-таки узнали слабые места Мухорки. Стали запрягать его в заде запряжённой лошади, он спокойно стоял, никуда не кидался, соблюдал переднюю лошадь. По каким-то своим лошадиным законам он не имел права обскочить переднюю лошадь и отстать от неё в езде, хотя на его санях иль кошеве не было ямщика, как говорят, ходил аккуратно в погоне, даже не привязывали за переднюю лошадь. Стали его использовать как погонную лошадь. Ходили в ямщину, делали домашние работы и без всяких фокусов от Мухорка.

И всё-таки наделал он, Шура, фокусов с Никишей. Так это было. Чалуха была средняя кобылица, на ногах была лёгкая и выносливая. Она с Мухоркой всегда ходила на пару на полевых работах и домашних зимних работах, была, как навроде, любимой подруги, какие прогоны у них были. Запрягали Мухорку с Чалухой, и если требовали одну лошадь, то прогоны увозили на одной Чалухе. Но Мухорку больше избегали, ездить на одном, так как он выделял свои фокусы. Прогоны тогда, в начале двадцатого века, возили деревней поочередно в разные концы: вверх по Ангаре до Сосновой, и вниз по Ангаре до Климиной, возили разных там станowych губернаторов, писарей разных и почту. Придёт твоя очередь, хочешь не хочешь, а прогон вези, тогда было строго. Всем этим ведал деревенский староста, который тоже назначался по очереди.

Меня заинтересовал дедушкин рассказ да ещё что-то о моём отце Никифоре, я больше и не мечтал убежать от бабушки, а он продолжал: – Прибегает однажды староста к нам и говорит, что ваша очередь вести прогон на двух лошадях. Делать было нечего, и мы стали готовить лошадей. Запрягли Чалуху в кошеву, а Мухорку в сани, – так нам сообщили, что грузу будет один человек и с ним багаж. Кто он, откуда и куда ехал, я этого не знал, но сначала его надо везти до Климиной. Кому ехать, думали мы с Терёшкой, и решили отправить Никишу, подростка, так как он меньше был нужен в работе дома. Терёшка помог Никише уехать на квартиру, где остановился пассажир. Все вещи уложили на сани Мухорка, увязали верёвкой, чтобы ничего не потерялось в дороге, так как Мухорка пойдёт взади в погоне за передней лошадью. Я наказал ему, как приедешь в Климину, погреться на квартире, не выпрягая лошадей, и ехать обратно. Так он и сделал. Как приехал в Климину, разгрузил пассажира на своей уже квартире и привязал лошадей, чтобы ему погреться в избе, поесть и ехать домой. Квартиры тогда были у нас в каждой деревне, где могли принять нас самих и лошадей накормить. Потом Никиша накормил лошадей. Мы не считали этот волок очень большим для лошадей – в пятьдесят километров в один конец – и надеялись на своих лошадей, да лошади обратно пойдут простые. Никиша отвязал от привязи Чалуху и отъехал несколько саженой, остановил её. Затем отвязал Мухорка, чтобы дать понять ему, что он в погоне взади возжевой лошади, спустился под гору на лёд Ангары, ну, там лошади, почуя простор, силу в себе, да и ещё идут домой, пошли крупной рысью. Понукать их не надо было, в беге они чувствовали себя превосходно. Подъезжая к Чадобцу, Никиша задержал Чалуху и отправил лошадей шагом, а Мухорка почему-то стучал своими копытами о кошеву. Чалуха несколько раз старалась перейти на рысь, но Никиша задерживал и давал этим хоть отдохнуть лошадям. Потом это всё надоело, холод был крепкий, и Никиша отпустил Чалуху. Лошади сразу пошли ускоренной рысью, как бы догоняя время, которое прошли шагом. Так спокойно доехали до сворота через реку, в деревню Сармолотово. Дорога там была накатанная в то время хорошо, ветров не было, по ней много ездили на лошадях, много проходило обозов разных, возили по дорогам сено, солому да разное для деревенских нужд. В то время у каждого хозяина были лошади, люди ездили много, по гостям, то за каким-нибудь случаем, в общем, без лошади никуда. Ближе к нашей стороне, к Сармолотовой, Никиша увидел, что что-то большое двигалось навстречу ему и довольно быстро. Сразу понял, что это повозка, запряжённая в тройку. В таких повозках в то время возили каких-нибудь работников волости или губернии, таких людей сопровождали специальные вооружённые люди, которых называли в народе охранниками. Такие повозки тоже возили по очереди: не хватало у хозяина лошадей, то группировали

лошадей от двух хозяев и везли такую повозку от деревни до деревни. Там опять перепрягали лошадей и везли дальше. Иногда такие люди останавливались на несколько дней в какой-нибудь деревне, отдыхали с дороги, пили и опять ехали дальше. Когда приблизилась эта тройка, видно, что в кореню был пегий конь, в пристяжках были обои серые лошади. Позже, когда Никиша рассказал об этих лошадях, я сразу понял, что лошади были сармолотовскими, Константина Петровича Колпакова, который жил крепко, в полном достатке, имел хороших лошадей. Он-то мне и дорассказал потом всё остальное. Никиша посмотрел на Мухорка, тот бежал за кошевой, и Никиша свернул в сторону с дороги. Чалуха бросилась в сторону и замедлила движение, так как снег был впопыхах дороги глубоким. Никиша рассчитывал, что Мухорка должен быть за кошевой, но не тут-то было. Мухорка не свернул с дороги и с мужественным видом подбежал к коренному коню повозки и, видя, что его хозяин удаляется на Чалухе, рванулся было вперёд, но зацепил своей оглоблей торец оглобли коренового коня повозки. Кони остановились с повозкой. Мухорка сразу же бросился на левую пристяжную серую лошадь, подмял её под ноги, но что-то его удерживало, это на нём была крепкая сбруя. Получился лошадиный крик, повозку начало опрокидывать. Все служаки выскочили из повозки. Мухорка, видя, что хозяин на лошади уходит ещё дальше, поднялся в дыбы, подымая на себе коренника и пристяжную, которая зацепилась за его упряжку. Служаки, видя такой хаос, повытаскивали своё оружие и стали стрелять по Никише, как по нарушителю, который удаляется с места. Как только хлопнул первый выстрел, Чалуха сразу же бросилась в полный галоп, когда пуля прошла близко, испугалась и понесла Никишу, сколько в ней было мочи. А Мухорка, как только хлопнул выстрел, ещё несколько раз поднялся на дыбы, коренной конь выпрягся, давая этим Мухорке ход вперёд. Повозка зацепилась, и Мухорка её на боку, полным галопом понёс по дороге, ещё и таща за повозкой двух пристяжных лошадей. Охранники стали стрелять в Мухорку, но повозка им мешала. Никиша оглянулся на Мухорку, тот был уже совсем близко от кошевы своего хозяина, глаза какие-то красные, весь вздрагивал, мышцы напряглись и выступили на корпусе рубцами. Берег был близко, а тут деревня Сармолотова. Чалуха как бежала галопом, так и залетела в деревню с нижнего конца. Мухорка больше не отставал ни на шаг, да и на нём ничего уже не было. Сбруя вся осталась у чужой повозки, вместе с санями. Страх немного отошёл, и Никиша, не заезжая ни к кому, спустился на верхнем краю деревни на реку и немного погонял Чалуху, чтобы уехать как можно быстрее и как можно дальше, да и жалел Мухорка, который шёл сзади кошевы, невредим, гордо поднимал голову, якобы, я их победил. Так Никиша приехал домой.

Когда мы увидели лошадей, сердце сжалось, чуя беду. Никиша кое-как обсказал свою беду, мы сразу увели лошадей в гумно, а Никишке приказали никуда не ходить, а на завтра его отправили тоже в гумно, в риге сушить снопы и не приходить домой, пока его не известят. Мы знали, что преступника будут искать, знали, что Константин Петрович Колпаков лошадей наших знал, как своих, и ожидали с часу на час к нам нежеланных гостей. Охранники приехали на завтра, сразу к старосте, стало понятно, что они пока ничего не знают, а Колпаков наших лошадей не признал. Старосту я предупредил об этом случае, ещё сразу после возвращения Никиши домой, рассказал, как было дело, посоветовались, решили спрятать Никишу и лошадей на несколько дней в гумно. Туда свозился семьёй хлеб в снопах, там его подсушивали в риге, потом молотили вручную или волоком лошадьми, была веенка, где обрабатывали зерно для семьи, а после

обмолота хлеба гумно служило семье складом грубых кормов, туда свозилось сено, там же смётывалась обмолоченная солома, иногда там держали молодняк: нетелей, жеребят и нерабочих лошадей. Гумно наше было недалеко от деревни, не на глазах всё же. Вот там и отсиживался сын Никиша со своими пиратами-лошаадьми. В деревне не все знали, что мы увозили прогон, да и кто знал, что была наша очередь, но в деревне чужим людям было трудно узнать что-то, а на деревенских мужиков мы надеялись. У старосты бумаг никаких не было, очередь знал по памяти, и он отпёрся от охранников, что деревня никакого прогона не возила в этот раз в ближайшие дни, кроме ихней повозки. Охранники всё же были у некоторых хозяев, которых староста указал, что они куда-то ездили, осматривали лошадей и подростков, но таких лошадей не нашли. Охранники уехали на завтра вверх по Ангаре до Дворца, проверяя в каждой деревне некоторых хозяев и их лошадей, так и вернулись обратно в Сармолотову ни с чем. Грозилась найти преступника и расстрелять в ближайшее время. Вторично охранники доезжали до Коды, якобы, кто-то там увозил прогон, и, якобы, лошади такие только в Коде, но до Проспихиной вторично они не доехали. В Коде ничего не нашли, вернулись в Сармолотову и поехали дальше, вниз по Ангаре, уже со своей повозкой, и по нижним деревням всё ещё надеялись найти преступника, кое-кого опрашивали, смотрели лошадей и подростков. Крепко они запомнили лошадей, какой они масти и подростка, который причинил им посмешище. Эта случайность могла стоить человеческой жизни. В то время я сам ходил, как неживой. Мне люди говорили, чтобы я не показывался незнакомым людям, так как вид у меня был неважный, да и семья переживала об этом случае. Я даже забывал, куда я иду, что мне нужно делать, и тут же опомнивался, шёл на гумно опровергать Никифора, лошадей и хозяйство. Глядя на сына, сразу в груди всё холодело, случиться могло многое, могли убить Никишу, совсем молодого, могли меня увести и строго судить. Да и людям, как Константину Петровичу, не было б возможности утаить, да и сами бы ни на кого не смотрели при такой трагедии, мы были бы на виду у всех жителей нескольких деревень. В то время законы были строгие, а беззаконие ещё строже самого закона для нас, простых деревенских хлеборобов. С нами могли сделать всё, расправиться, как с худой скотиной, сослать в любое место или беззаконно расстрелять. Преступление было на грош, преступлением даже так не назовёшь, просто случайность, при которой сломали чужую повозку, оглобли, порвали сбрую, не считаем наших саней и сбруи Мухорки. Всё это можно было починить, исправить, всё было в наличии, на месте. Перед ними можно было б извиниться, и всё восстановить подпорченное. Но этого делать было нам нельзя. Мы знали, что эти люди были звери, поэтому им не удалось найти преступника по деревням. Никиша меня расспрашивал, где и когда охранники проехали обратно, и просился домой, ему было скучно одному на гумне, ночью в риге ночевать было жутко для молодого человека. На ночь к нему ходили ночевать кто-нибудь из родственников, а иногда кто-нибудь из деревенских старичков, нам из семьи туда ходить нельзя было, так как могли привлечь внимание на себя, кто-нибудь в деревне мог проболтаться. Могли прийти с обыском, со следствием. Чалуха и Мухорка стояли в стойлах, а в семье работали другие лошади. Прошло недели две, Никиша уже ходил по деревне, работал в хозяйстве, лошадей перевели домой, помаленьку всё стало успокаиваться. Всё пошло своим чередом. Мухорка, как зайдёт в стойло, всё поглядывал ласково на хозяина, чтобы на нём проехали, так как несколько дней стоял без работы, да ещё спрятанный. В то время

я на Мухорку осердился, хотел его позже продать или на любую клячу поменять, но сердце отошло, и я стал на него делать новый хомут, так как с других лошадей хомуты на него были малы. Вскоре из Сармолотовой меня заказали, чтобы я приехал к Константину Петровичу Колпакову. День выдался не так холодным, с утра выпал небольшой снег, и я решил ехать в Сармолотову на Чалухе, а когда зашёл в конюшню, у меня созрело желание поехать на Мухорке, так он бросался своим могучим видом и красотой в глаза. Проехать на такой лошади, да ещё в другую деревню, для меня было большим удовольствием, хотя и побаивался его привычек. Запрягался он послушно, в сани на дно положил сена нетолстым слоем, чтобы для себя иметь надёжную опору. Надел я на себя собачий тулуп, уселся в сани и Терёшке велел открывать ворота. Вначале Мухорка как бы попробовал сани, надёжно ли за ним покатятся, и, как поравнялся с воротами, сразу взял в галоп. Дёргать было бесполезно, и вскоре оказались мы под горой на льду реки. Я кое-как Мухорку направлял вниз по реке, так как я сам почти ничего не видел, а он не знал, куда девать свою силу. Километра два мы летели стороной в целик снега, затем выправились на дорогу и поехали крупной рысью спокойнее и соблюдая дорогу. Подъезжая к взвозу Сармолотово, я попробовал его задержать и подняться более спокойно на угор, и натянул возжи порезче. Он сразу поднялся в дыбы, в сердцах я ударил его возжами по его бокам, Мухорка как-то присел на задние ноги, потом спокойно опёрся на передние ноги и пошёл шагом, подёргивая сани, сам приседая. Так мы в первый раз на Мухорке поднялись по взвозу в угор шагом, чувствовалась его стремительность и куражливое подчинение хозяину. По Сармолотовой до Константина Петровича проехали хорошей рысью. Когда подъехали к воротам, хозяин выбежал в одной рубашке, надел только шапку, открыл ворота, и я заехал, развернул Мухорку в ограде передом к воротам. Константин Петрович закрыл ворота, а я снял доху, и мы обнялись. Поздоровавшись, подавив друг друга, я начал распрягать Мухорку, а Константин Петрович разглядывал его и приговаривал: ну, орёл, ну, орёл, у тебя, Михаил Терентьевич, Мухорка, просто богатырь. Я стал привязывать Мухорку к столбу для выстойки, а Константин Петрович пошёл домой, так как был раздевши. Я пошёл тоже в дом и увидел за крыльцом свои сани, невредимые, только не было оглобель. На санях лежал разорванный хомут на две части, седёлка с разорванной подпругой, покрытые уже толстым слоем снега. Я зашёл в дом, перекрестился, всему дому поклонился, поздоровался со всеми членами семьи. Константин Петрович суетился, раздевая меня, развешивал мои вещи по гвоздям, что служили для вешалок вещей домашнего хозяйства. За это время хозяйка дома уже всё приготовила, и мы уселись с хозяином дома за стол. Константин Петрович мог угощать, да и было чем, выпили немного, на душе стало теплее за такое гостеприимство, за такие тёплые чувства со стороны всей семьи Колпаковых. Немного захмелели, и Константин Петрович стал рассказывать, как произошла эта история, что сразу узнал идущих навстречу лошадей Михаила Терентьевича Кузнецова. Чалуха, как шла крупной рысью, мол, свернула в сторону и пошла усюками, так снег мешал ей ровно бежать мимо дороги. В кошеве не узнал, кто едет, но понял, что кто-то из сыновей Кузнецовых. Мухорка замедлил бег, посмотрел вслед хозяину, за убегающей Чалухой, считая неправильным поведение хозяина, а себя самостоятельным в решении вопроса, он приближался к чужим лошадям, которые, видя такого богатыря, как-то смешались и потянули в разные стороны, намереваясь дать дорогу Мухорке. Но тот уже зацепил, смял лошадей, перевернул

повозку и понёс галопом, догоняя Чалуху. Охранники начали стрелять, прибавили ещё страху Мухорке и Чалухе. Как раз в это время Мухорка и отделился от повозки и летел к кошеве, да и Чалуха шла галопом, но её он в двух километрах догнал. Константин Петрович боялся, что парнишка задержится в деревне, и тут не миновать ему беды, но тот, должно быть, сообразил и уехал домой, в Проспихину. Константин Петрович и пассажиры остались у разбитого корыта. Пошли к повозке. Она лежала на боку. Пристяжные запутались в постромках. Пассажиры проклинали всё на свете, хвалясь и грозясь на ямщика, уехавшего от них безнаказанно, найти и расстрелять. Когда повозку развернули на полозья, вся боковина обшивки была изорвана в клочья, все дуги повозки, что служили для обшивки сукном, были изломаны. Константин Петрович распутал пристяжных и поехал домой верхом на своей пегашке, а охранники со своим хозяином пошли в деревню, там заставили старосту Сармолотово привезти повозку в деревню для ремонта. Ну, там и пошло-поехало: охранники надеялись, что нарушители-лошади с ямщиком сармолотовские, и своего ямщика особенно не спрашивали. Да и разговору сразу после трагедии на месте не произошло, якобы, они были уверены, что найдут нарушителя в деревне. А когда поняли, что ямщика не найдут, вызвали Колпакова к старосте и стали допрашивать. Один охранник даже ударил Константина Петровича по щеке, но, конечно, ничего не дождалось на допросе. Назавтра все поехали вверх по Ангаре, в Проспихину и далее, но, по-видимому, и там никого не нашли. Дня через три или четыре они приехали в Сармолотову снова, повозка была отремонтирована, и они уехали вниз по Ангаре, говорили, что они в ночь ездили в Коду, где тоже никого не нашли. После их отъезда Константин Петрович запряг лошадь и поехал за санями и сбруей и седёлком от Мухорки, которые всё это время валялись на дороге, и никто из проезжающих не дотрагивался до них. Отвернул изломанные оглобли, отбросил в сторону, склал пожитки на сани и повёз домой: всё это можно отремонтировать и в хозяйстве ещё пригодится, чем бросать такое добро, ведь оно стоит человеческого труда. Вот поедешь, Михаил Терентьевич, и вези домой своё хозяйство, что за крыльцом стоит. Там ремонту-то: ввернуть оглобли в сани, свяжешь верхнюю супонь хомута, заменишь подпругу у седёлка – и готовая упряжка. Долго мы беседовали с Константином Петровичем. Хорошо набрались хмельного и разлеглись спать, не помня себя. Когда я проснулся, хозяин уже сидел за столом, на котором было всё свежее, всё горячее, разные приготовления. Я пошёл опроведать Мухорку. Он был привязан у столба за нижнее кольцо, чувствовалось, что за лошадью ухаживала женщина, у Константина Петровича не было сына, а сам был смертельно пьяный и спал вместе со мной. Хозяйка боялась Мухорку, сено было подпёрнуто к его ногам пехлом, которое тут и стояло. Ящик с овсом был подпёрнут с другой стороны, а у самого столба стояло простое ведро, наверное, она поила его из-за столба. С Мухоркой было всё в порядке. Я вернулся в дом, Константин Петрович при жене спросил про Мухорку, я сказал про свою догадку, посмеялись. Позавтракав, я стал собираться в обратную дорогу домой. Константин Петрович помог мне собраться с моими пожитками, я запряг Мухорку, обнялся с хозяином, простился с его женой, открыл ворота и я выехал.

– А почему, дедушка, вы не заплатили своему товарищу за его заботу?

Дедушка на мой вопрос ответил так:

– Да, Шура, этот вопрос для меня тяжёлый. Я ехал к нему не с простыми руками. Но не позволила совесть, ведь он не из-за денег это делал, а по простой нашей дере-

венской, никем не защищенной, жизни в нашей далёкой глухой сибирской стороне. Я не имел права что-либо ему предлагать. Так, я приехал домой и привёз за кошевой привязанные сани и сбрую Мухорки. Ну, а тут и вы появились на свет божий. У Терёшки трое работников, а у Никишки ты один растёшь, «умница», и хоть одна девочка ещё растёт в потомстве «Терёхиных». Ничего на вас не можно напахать, всё на вас, как на огне горит, всё изорвали, всё износили, что с вами делать, не знаю. Если б меня, дедушки, не было, ходили бы босые да голые. Когда отделили Никишу, в надел ему отдали избу, крытый глухой двор с конюшнями и с хлевами, двухъярусный новый амбар, две коровы ему достались и его питомцы – Чалуха с Мухоркой, так как он больше с ними работал и они к нему привыкли. Для Терёши было решено строить новый дом, так, мне досталась передняя изба, а Никише – задняя, а для Терёши избы больше не было. Мы решили общими силами возить лес на постройку дома и срубить дом, так как передняя изба была очень старая. Так мы построили новый дом, где сейчас находимся.

Хотя я и был маленьким мальчиком в то время, а запомнил, как отстраивали этот дом. Дядя Терентий с кривым длинным топорщиком стёсывал внутри дома стены, больше в памяти моей ничего и не осталось. Дед Михаил стал рассказывать дальше:

– Вскоре после делёжки взбеленился Терентий. В то время у Терентия был сын Константин, и я гордился внуком. Он рос таким крепким, бойким, редко болел, никогда не хныкал, как у некоторых. Бывает, появится ребёнок и до году не даёт родителям ни днём, ни ночью покою, то какие-то дети бывают хворые. А Костя рос, как на опаре, никому не докучал, строил разные игрушки ножом, кое-что получалось. Для меня он появился, как радость, да и вы все мои внуки были не лишние, я всем вам радовался. Пока все были маленькими, всё шло хорошо, а как подросли, хоть собакам выбрасывай. Терентий, сам знаешь, из крупных мужчин, здоровье у него крепкое, и это сильно чувствовалось. Должно быть, таких мужиков и уважают сильно женщины. Вот он и увязался с Фушкой, с замужней женщиной. Фушка тоже была во всё беремья. В то время ходили слухи, что где-то в компании мужики завели Терентия, якобы, завладеть Фушкой, и он пообещал. И вот Терёшка ушел из дому. Оставил свою Марфу с сыном и меня тоже, а сам уехал с Фушкой в Байкит. Марфа некоторое время пожила со мной и поехала в Алёшкину, к своим родителям, в свою деревню, где мы её и сватали. А слухи ходили, что по спору должен Терентий прожить с Фушкой один год. Так оно и было. На следующий год Терёшка приехал со своей Фушкой домой, в Проспихино, и прогнал Фушку, но и Марфы-то не было. Сам он ездил за Марфой в Алёшкину, но Марфа вначале не поехала. Так мне пришлось ехать и привезти Марфу домой. После Терентий с Марфой жили без всяких фокусов.

Тут стали подрастать вы, «терешата», забот стало ещё больше. В деревне все ребятишки растут сами по себе, а все взрослые работают на полевых работах. В деревне на день оставались одни ребятишки да старики, которы не годились на работах. Ребятня была предоставлена сама себе, кое-что выдумывали да подражали взрослым. Так росли и вы, мои внуки, которым я радуюсь и хотел бы видеть вас грамотными и крепкими хозяевами на сибирской нашей земле».

В то время я был молодым и разговору не придавал никакого значения, но, прожив какое-то время и имея свой уже кое-какой жизненный опыт, мне всё чаще приходят в голову слова деда, и я всё подробнее и подробнее, всё до мелочи вспоминаю этот его разговор...

МИЛОЕ МОЕМУ СЕРДЦУ ПРИАНГАРЬЕ

З.А. Диких

Я, Диких (Кузнецова) Зинаида Александровна, 1951 года рождения, уроженка деревни Рожково Кежемского района, вспоминаю мою малую Родину, милое моему сердцу Приангарье, мой Кежемский район.

С моими родителями – Александром Никифоровичем и Александрой Константиновной, с моими сестрами – Верой, Анной и Надеждой – я жила в деревне Рожково, в деревне Заимка, в посёлке Болтурино. Работать я начала в селе Кежма в Кежемском отделении Госбанка. Уехала в 1972 году.

В памяти моей тот период жизни, как и эпоха ушедшего столетия, остаётся всегда с надеждой на счастливое и светлое будущее, ожиданием новой и торжественной какой-то жизни, как когда-то приносил мне эти ощущения приход нашей болтуринской весны. Для меня навсегда с тех пор весна осталась прекрасным временем года. С первыми лучами яркого весеннего солнышка снег подтаивал, образовывал оплавленный наст вперемешку с проталинками со старой жухлой травкой и рядом – новой, зелёнькой. Появлялись бело-молочные, с мохнатыми листочками, самые ранние цветы – подснежники, маня красотой своей неопишуемой. Мы, подростки болтуринские, срывали их охапками и несли в школу на парты и столы, украшали помещения к экзаменам. Нам, ребятам и девочкам, это казалось «высшим классом»! Как только появлялась возможность кое-как пробраться по лесу по проталинкам, я неслась добывать берёзовый сок, подвешивала стеклянные банки и бутылки за горлышко на верёвочки в первую половину дня, а к вечеру уже опорожняла тару и несла домой пить живительной силы напиток!

В конце мая и в начале июня я приносила домой букетик из веточек восточного рододендрона, по-местному, багульника, заросли которого расцветали розовым цветом у нас, в Болтурино, практически рядом с моим домом, в хвойном лесочке на россыпях каменной подошвы нашей лысенькой сопки. Какой душистый, нежный аромат был у багульника! А в июне в лесных низинках, ближе к реке, расцветали белым ковром лесные ландыши! Очень крупные, и как их было много!

Помню, как я «охотилась» за «венериным башмачком» – красивейшим цветком с бело-розовой, иногда желтоватой, с пятнышками, реже – очень большой, с нежно-лиловой, сиреневатой расцветкой в полоску, оттопыренной такой губой. Эта лесная, наша болтуринская орхидея пряталась в траву на влажных опушках хвойного лесочка у подножия сопки и скалки. Только там я находила «венерин башмачок», срывала букетик и не задумывалась, конечно, от незнания, что этот удивительный цветок начинает цвести только на пятнадцатом или семнадцатом году своей жизни.

Не забыть никогда и самый яркий цветок – розу нашего Приангарья – жарок! Яркий, оранжевый, с гордо поднятой головкой, своими кустиками он заполнял целые поляны! Увлекательнейшее было, солнечное зрелище! У нас, в Болтурино, в каждом доме стоял букетище жарков. Вспоминаю, что всегда копала саранки, не проходила мимо и откусывала чашечки медуницы с нектаром, ела пряные кислые хвойные иголки, срывала

калачики кислицы, объедалась пучками. Сейчас бы это назвали «подножным кормом», а в то моё далёкое детство мне казалось просто вкуснятиной.

Жить прошлым не надо – это точно. Говорят, что на прошлое не надо оглядываться. Я так не думаю. Там, в прошлом, остались моё детство, моя юность. Это там мне было подарено много любви и счастливых моментов моей жизни, подарено дорогими моему сердцу людьми. Это там у меня было много ошибок, разочарований, надежд, впечатлений, познания, радости. Разве можно всё это забыть?

Когда мы жили в деревне Заимка, в 1954 году нашей семье прибыло – родилась сестрёнка Анна. Я, малая, четырёх лет отроду, одна и без спросу пошла маму проводить в местную больницу, где меня накормили, приласкали и домой отправили с гостинцем для старшей сестрёнки Веры. Несу я гостинец – яйцо всмятку – босиком, после дождя грязи много, скользко, упала и растянулась, а кулачок крепко зажимаю с гостинцем. Яйцо возьми и тресни, всё в грязи. Ох, слёз было, до сих пор помню эти горькие переживания!

Крепко запечатлелось в памяти ещё одно приключение, уже с качелями, которые у нас в Заимке были большие, свисали с балки сеновала. Я с сестрой Верой раскачивали их очень высоко, а посередине сидела наша подружка – Заборцева Дуся. Балка не выдержала и треснула, крепонько так ударив Дусю по голове, – мы все упали в синяках и ушибах. Досталось от мамы по первое число!

С 1955 года наша семья поселилась в деревне Рожково. Папа был колхозным механизатором и часто работал на кузнице. Мы, местная ребятня, дома не сидели, носились по деревне босиком, бегали на угор Ангары, играли в стёклышки, в домики под крыльечками с куклами из пакли. Хвастались друг перед другом о добытом на свалках «имуществе», бегали на скотный двор и конюшню, на речушку за деревней. На колхозных полях, по обочинам, рвали маленькие стручки дикого горошка. У амбаров набивали полные карманы и майки семечками конопли и подсолнуха и щелкали бесконечно. На улице, в жаркий день, ловили стрижей на приманку – пушистое пёрышко с ниточкой и с грузилом, гладили и отпускали. Любили смотреть, как местный конюх, дядя Иван Гнатышин, гоняет колхозных лошадей на водопой. Я, сестра Вера, Нюра Гнатышина, Аля Быкова, Люся Рожкова, Катя Гаак – все малы росточком и возрастом – любили дразнить колхозного племенного и грозного быка, когда коровье стадо прогонял пастух по улице на скотный двор: «Быня, Быня, растобыня, на высоких каблуках!...». Бык останавливался, копытил огромными копытами землю, нагибал голову с налитыми кровью глазами и трубно ревел – умный, видимо, давал время одуматься. Но, когда эта вредная малышня ещё громче и обиднее дразнила, бык срывался в погоню. Мы убегали врассыпную. Однажды разбежаться не смогли и всей ватагой заскочили по пути на задний двор усадьбы Али Быковой, в страхе присели на заднем низеньком крыльечке – дверь-то оказалась на замке. Бык упёрся рогами в хлипкие жердины забора, копытами рвал землю, приготовился сей минут повалить преграду, да хорошо, что колхозный пастух услышал рёв быка и прогнал его кнутом.

Вспоминаю, как однажды зимним вьюжным вечером всё население нашей Рожково высыпало на улицу, по которой двигался длинный обоз из саней-розвальней. Рядом шли местные охотники с ружьями за плечами в морозных куржаках на лицах и шапках. На тех санях лежали убитые волки, а их морды и хвосты свисали с боков саней и подметали дорогу. Это была облава. В тот год волки у колхозников порезали много скота ...

Накануне моего дня записи в школу, в 1958 году, приехала новая учительница, очень красивая и молодая. Звали её Диана Григорьевна, в нашей деревне она вышла замуж за Степана Гнатышина. Она зашла и к нам домой записать первоклассницу, а увидев меня – кнопку, сказала, что девочка слишком маленькая росточком и пусть ещё с годик дома посидит. В первый класс я пошла в 1959 году в деревне Рожково, а в 1960 году моя семья переехала в посёлок Болтурино – лесопункт Кежемского леспромхоза, где папа работал слесарем-механиком, а мама – рабочей нижнего склада, а потом заправщицей. Так получилось, что вторую половину первого класса я заканчивала уже в другой школе, в посёлке Болтурино, с моей второй учительницей первого класса – Анной Васильевной Мелеховой, навсегда оставшейся в моей памяти с добрыми глазами и улыбкой, умением так вкусно откусывать кусочек мела при записи на школьной доске.

Лет с двенадцати-тринадцати мне приходилось частенько рыбачить с отцом. Тяжеловато мне было – братьев-то у меня не было. Стоим палаткой на Берёзовом острове, утром и вечером рыбачим, днём сети чиним да чистим – то ещё занятие, нудное, под ярким солнцем-то и мошкой, кукуны, засолка. Вспоминаю, как-то отец сеть выбирает, с багром наготове, я за вёслами, на фарватере моторку правлю поперёк и вверх по течению. Осётр такой большой попался в сеть, что с багром даже у отца силы не хватает вытащить. Черпаем бортом, и уже страшновато мне – сеть-то огромная. Опрокинулась бы моторка, и мы попали бы в сеть, не хуже рыбы, да посередине Ангары. Отец кричит: «Табань, табань!». Еле вытащили рыбищу, бьёт сильно хвостом. По тупой головёшке багром утихомирили. Не привелось больше увидеть такого размера рыбищи никогда. Есть, что вспомнить.

Однажды вечером проверяли сетушку на окуньков, с одним веслом да без ружья, бывало, в неё и ондатра попадалась. Берёзовый остров с одного края очень близок к Матёре, протока где-то метров сто будет. Только выбирать стали, как с сопки медведь на водопой спускается. Мы и замерли. А он попил, на нас долго глядел, повернулся и так же, не спеша, удалился. Сытый был, иначе за секунду бы расстояние преодолел и опрокинул. Костей бы не собрали. Так и стоит картина эта перед глазами. Вот наука – расслабляться в дикой природе нельзя!

Как-то ночевать поехали в домик бакенщика Ивана Платоновича Верхотурова. Сам он из Дворца. Много рыбаков со всей округи собралось на ночёвку. Ухой знатной меня попотчевали, я лежу на лавке и слушаю байки-рассказы, в том числе и дяди Ванины, какие уловы добывали и только что нарыбачили. Руками машут и показывают: во-о-о-т такой величины и ширины... Удивляюсь, слушаю. Но когда папа стал рассказывать об уловах, что добыл, да во-о-т такие рыбищи третьеводни, да вечер, да сегодня, а вся рыбалка-то у папы нынче со мной – все уловы знаю, тут я и поняла, какие наши рыбаки хвастунишки хорошие!

Зимой 1967 года меня и мою подругу Галину Сизых откомандировала наша школа в Кежму на спортивную районную школьную олимпиаду по лыжному спорту. С вечера подготовили лыжи, прошлись смазкой, а с утра, в день соревнований, ударила оттепель. Моя смазка совсем «не пошла». Ноги – гири. У Галины по жеребьёвке старт был намного позже, между нами много было лыжников с прекрасными результатами со всего района. Но она меня догнала и не стала обходить, создавая живую помеху этим прекрасным претендентам обогнать меня, ведь время забега важнее для результата, чем личное превосходство. Умница! И я тоже не подкачала – взяла третье место по району для БСШ! Так и запомнились те бега.

Сейчас, в наше время, никого из молодёжи, школьников ничем не удивишь. А мы радовались малому и испытывали искреннее удовольствие от общения друг с другом на всех болтуринских мероприятиях, в том числе и школьных. Вспоминаю 1968 год. Моему девятому классу выдалось дежурить на школьном новогоднем вечере. Украшали школьные коридоры и классы творчески: открытками, пропущенными через проектор на ватмане, с рукотворными гирляндами, с придуманными зимними комнатами-полянами отдыха, с конкурсом костюмов. Выдумали у входа пропускать желающих побывать на новогоднем вечере через «пароль». Два богатыря – Виктор Скуодас и Иван Рукавишников (Недокура), в шлемах, накидках, в руках – длинные шести с картонными топорами наперевес, стояли в дверном проёме коридора и требовали громко, дружно, басом, невзирая на лица: «Пословицу! Поговорку!». Смеху, шуток и толкотни было из-за этого в коридоре много! А мне, Люсе Рожковой, Гале Сизых, Наде Рукосуевой пришлось в тот вечер дежурить в школьном буфете, подменяя школьную буфетчицу тётю Фриду Андреас. Какими её вкусными пончиками с повидлом мы торговали! Пальчики оближешь. И какао было просто прелесть! От школьников-покупателей отбоя не было. Успели и на ёлку, и к друзьям. На другой день мы пришли с инвентарём и выручкой к тёте Фриде с отчётом о проделанной работе. Трижды считали. Излишки – и всё тут! Получили нагоняй от тёти Фриды, а наши излишки – в руки, и убежали покупать конфеты для себя, как нечаянный приз.

В моей школьной жизни был случай, который помнят все мои одноклассники до сих пор. Учёба давалась мне легко, я была одной из любимых учениц у нашей учительницы литературы и русского языка Анны Ивановны Брюхановой. Урок литературы. «Война и мир». Шёл опрос по домашнему заданию: выучить белым стихом «Дуб» – почти со страницу – наизусть. Вызов. Не знаю. Садись! Два! Вызов. Не знаю. Садись! Единица! Анна Ивановна уже по списку классного журнала. Вызов. Не знаю. Садись! Два! Класс не готов и притих. Анна Ивановна, вздохнув, торжественно называет мою фамилию, мол, знайте, как хорошие ученики уроки учат! А у меня оценок было в журнале, хоть соли: почти в каждой клеточке, и все – пятёрки. Даже в мыслях не было учить! Я бойко отрапортовала предложений пять, а дальше, запинаясь, тык да мык... Анна Ивановна подсказывает, я продолжаю. Так мы вдвоём и одолели стих до конца. Садись! Пять! Что тут началось! Даже через сорок лет на встрече нашего выпуска мне мои любимые одноклассники припомнили тот урок: «Ага, незаслуженная пятёрочка-то была, а нам – колы?».

Курьёзный случай произошёл со мной в 1970 году. На летние каникулы сразу приехали Люся Рожкова, Галя Сизых, Володя Онуфриенко, Жёня Попов – они все мои друзья – и я. Конечно, сразу на речку купаться. А там уже группа ребят, школьников и студентов, греются у костра на берегу – день выдался прохладный. Налажена прыгалка. До посинения накупались, греемся. Рассказы, шутки, смех, – хорошо! Решили попрыгать. И я собралась – «столбиком» прыг! Вынырнула высоко и резко, а лифа купальника на мне нету, чувствую, на коленках болтается, поймала его уже у самого дна, еле надела. Не успеи, где ж я его по течению бы ловила... Подруги всё же подметили, ох, и хохотали, веселились. А вечером были танцы в клубе нашем болтуринском! Общались мы с радостью со своими друзьями и со сверстниками, и этим были богаты.

В клубе нашем в шестидесятых принято было в июне проводить «Ситцевые балы». Какая была это красота! Все болтуринские девчата, что могли пойти в клуб, накануне шили себе разные платица, кофточка с юбочками из ситца. Я тоже всегда шила сама себе

платянице и бежала на танцы. Помнится, как Зина Матвиенко надела юбку «колоколом», моднющей тогда формы, и «рассекала» на танцах «ситцевой королевой». Наш лесопункт организовывал в клубе ёлку с конкурсами на лучшие новогодние костюмы. До сих пор в глазах стоят эти изумительные работы наших жителей, рабочих лесопункта, на головах которых были огромные шляпы с макетами нижнего склада и вальщиков леса, вывозки леса с тракторами и лесовозами. На масленицу лесопункт организовывал на улицах торговлю бесплатными блинами, а лошадки возили ребятню на санях по улицам посёлка. Ожидание праздника – и потом радости было немеряно!

Помнится, как мы в десятом классе самоутверждались... Сменили надоевшую форму: девчатам – на жилет с мужской рубашкой в клетку и белую, а ребятам – на тёмный пиджак с белой рубашкой и с галстуком. В кабинете химии, что числился за нашим десятым классом, Надя Карнаухова во всю стену нарисовала красивый парус мечты с девизом класса: «Пусть и штормы, и пламя, пусть дороги круты! Рей над нами, как знамя, алый парус мечты!». Красивые мечты и такие наивные! Это было с нами, в нашем посёлке Болтурино!

Без прошлого не могло быть и нашего будущего. Свою тяжёлую роль в судьбах моих родных и близких сыграла Великая Отечественная война. Её отголоски оставили свои отметины в душах и судьбах моего послевоенного поколения.

Моя мать, Кузнецова (в девичестве Быкова) Александра Константиновна, 1924 года рождения, уроженка деревни Сосновая Кежемского района, осенью 1942 года пошла добровольцем на фронт, но была направлена Ванаварским военным комиссариатом на Красноярский военный завод по производству для фронта снарядов, запчастей и деталей для ремонта самолётов. Заводское ФЗУ обучало рабочих токарному делу. Тяжёлым воспоминанием у мамы остались ежедневная капустаная баланда и изнуряющий труд на токарном станке. Всё для фронта! В городе поднимал голову бандитизм. В короткие минуты отдыха молодые рабочие, совсем ещё девчонки, продавали на рынках домашние вещицы, одежду и покупали хлеб, стоя в длинной очереди. Не раз случались на глазах моей мамы трагедии при кражах последних копеек из сумочек в этой очереди. Свидетельница такой кражи, молодая девушка, вскрикнула, чтобы держали вора, и была молниеносно ударена по глазам острой бритвой его сообщником, другим бандитом.

Почти каждый понедельник на плацу завода звучала переключка на первый – второй, первый – второй. Первая шеренга, два шага вперед! Сборы! Фронт! На фронт шли сибирские полки!

Весной и летом завод помогал местным колхозникам в ремонте сельхозтехники и направлял часть своих рабочих-токарей в местные районные военкоматы для работы в МТС. Так, моя мама отработала два сезона со своей напарницей в колхозе. За ударный тяжёлый безотказный труд двух заводских девчонок заведующий МТС оформил в военкомате их документы на демобилизацию и отправил по домам в начале августа 1944 года. Шла война, для гражданских транспорта не было. Очень велико было желание попасть домой, на Ангару. Полторы тысячи вёрст не испугали маму и её напарницу, и они решились добираться на попутках и пешком. От деревни к деревне шли они по разбитым дорогам и лежнёвкам. Кушали то, что подадут (картошку да капусту), ночевали как придётся: в деревнях – на повитях, в стогах – в полях и в лесу – при костерке. Страшно было в тайге, когда оставались одни, боялись зверья и лихих людей. Три месяца длился этот поход. Моя бабушка, Анна Николаевна, с сыном Колей переехала в деревню

Сосновая Кежемского района. Стояли уже заморозки, первый снег, на Ангаре – забереги. По холодной Ангаре, с попуткой, маме даже приходилось идти и бечевой. За всю жизнь мама так и не смогла восстановить своё тогда войной подорванное здоровье.

Удивительная судьба в годы войны была уготована моему отцу, Кузнецову Александру Никифоровичу, 1925 года рождения, уроженцу деревни Проспихино Кежемского района. В 1943 году он был мобилизован Кежемским военным комиссариатом в трудовую армию и направлен в действующую геодезическую экспедицию прекрасного профессионала и фаната своего дела, геодезиста-инженера и писателя Федосеева Григория Анисимовича. Всю войну мой папа отработал рабочим, помощником эвенка – проводника геодезической партии. Был ли это тот самый Улукиткан, друг Федосеева, я уже не помню. В экспедиционных мелких партиях было по проводнику. Папа рассказывал о проводнике как о своём учителе познания удивительного лесного, природного мира птиц, зверей и рыб, их повадок, науки промысла и выживания. Эвенк был кладезью житейской мудрости и знал неисчерпаемое количество историй. Большой, редкой удачей было для папы вместе с проводником увидеть гон – драку двух самцов сохатых (лосей). Всё вокруг дрожало от рёва и ударов рогов огромных, разъярённых зверей. Не дай Бог измениться было ветру от наблюдавших охотников в сторону сохатых, быть бы беде. Изумительное по красоте, познавательное и страшное, опасное это было зрелище! Знают и оценить такое могут только охотники.

Работа в геодезической партии была у отца физически трудная – в любую погоду, на выживание и крепость духа, а пропитание доставать приходилось самим в тайге и реках. Опасность была не только от дикого зверья, но и от разных случайностей и природных явлений. Однажды с напарником папа был на задании, с которого не смогли они вернуться по стечению обстоятельств, сильно оголодали и заблудились. Нашёл их и спас от неминуемой смерти папин земляк-проспихинец, который тоже трудился в партии рабочим, Кузнецов Иннокентий Михайлович, которого папа всегда вспоминал добрым словом и называл не иначе, как Окешка Лучёнковых. Папа знал и знаменитую собаку Загрю, о которой так много писал Федосеев в повести «На сопках Ямбуя». Жаль, что из отцовских рассказов я только это и запомнила.

Геодезические партии экспедиции Федосеева занимались нанесением и изучением малоисследованных районов Восточной Сибири, и папа мой тоже участвовал в этом благородном и трудном деле. Даже во время войны нашей Родине нужны были изыскания для будущей мирной нашей жизни!

Мой дед (по отцу) – Кузнецов Никифор Михайлович, 1903 года рождения, уроженец деревни Проспихино Кежемского района (езда), был мобилизован Кежемским военным комиссариатом в 1941 году сразу, как началась война.

Попал на Волховский фронт, который потом объединился с Ленинградским. Прошёл всю войну в стрелковой дивизии и окончил в Прибалтике сержантом с несколькими наградами: медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Вспоминая Прибалтику, дед рассказывал об отравленной местными жителями воде в колодцах и об испорченных продуктах для советских солдат. В его военной биографии был тяжёлый эпизод, из которого он вышел с достоинством и честью русского солдата. Его стрелковый 261-й полк участвовал в освобождении попавшей в окружение 2-й ударной армии Волховского фронта, держал бой за узкий коридор прорыва армии, который простреливался врагом насквозь, где смешались в жуткой тесноте техника и солдаты, кровь

и земля. Фронт откатился на несколько километров. Выживший в этой мясорубке уже малочисленный полк, в котором был и мой дед, был окружён, сгруппировался в лесочке при огромном поле, где были уже немцы. На срочном совещании мнения разделились – прорыв или плен. Часть полка пошла на смертельный бой, прорываться к своим, догнать фронт. Дед выжил в том бою и воевал дальше. Словно в награду судьба даровала деду счастливую военную судьбу – он имел ранения лёгкие и остался жив. Его портрет красуется у меня в руках навсегда в Бессмертном полку нашей Родины.

Другой мой дед (по матери) – Быков Константин Николаевич, 1898 года рождения, уроженец деревни Сосновая Кежемского района, был мобилизован Ванаварским военным комиссариатом в мае 1942 году на фронт. Судьба была ему уготована трагическая. При формировании Сибирского полка в Красноярске попал в госпиталь с острым приступом радикулита, из-за которого отстал от земляков и был направлен с эшелоном в Москву позже. Последний солдатский треугольник семья получила от него сразу по прибытии в Москву с сообщением, что их эшелон направляют на фронт. Эшелон был разбит полностью при бомбёжке во время пути следования, и мой дед до сих пор значится в списках как пропавший без вести... Сколько слёз было пролито, сколько горя и нищеты семья хлебнула без кормильца, не высказать. Документы о том, что дед пропал без вести, им выдали только в 1960 году. Бабушка моя, Анна Николаевна, прожила всего семь послевоенных лет, оставив на попечение дочери несовершеннолетнего сына – моего дядю Николая, 1939 года рождения. Имя моего деда Константина сейчас навсегда обозначено в Бессмертном полку нашей Родины, и его портрет шагает вместе со мной, торжествуя, 9 мая.

Моя малая родина лежит под толщей воды, а сердце плачет, подвергая сомнению цели затопления и переселения жителей Приангарья с насиженных мест на все четыре стороны, оплаченные очень дорогой ценой – разрушением судеб и надежд моих родных и земляков. И мне теперь не пройти прямой улицей чистенького и тихого Дворца, не услышать лушниковское: «Искристый, я Дикобраз...», не посетить детские местечки в Рожково, не увидеть родного Болтурино, не походить тропинками в лесочке за грибами, не забраться на Лысую горку, на её седловину, на место пионерского костра, не оглядеть наш посёлок с её высоты, не разглядеть с высоты отчий дом и дома друзей, не побывать в школе, не постоять на скалке и не увидеть панорамную красоту нашей Ангары, не посетить памятные места детства и юности, не показать их своим внукам.

Лучше не сказать, как точно поэт выразил в стихах своих пожелания, которые были в мыслях моих, и я с радостью и уважением адресую эти строки вам, дорогие мои земляки!

*Я желаю вам мира и счастья!
Пусть мечты и желанья сбываются!
Все обиды, болезни, ненастья
уходят и не возвращаются!
Я хочу пожелать вам достатка,
пусть растёт он и приумножается!
Пусть дела ваши будут в порядке,
и пусть жизнь вам всегда улыбается!*

Декабрь 2015 г.

У МИНИНОГО РУЧЬЯ

Н.В. Попов

*Светлой памяти моего любимого дедушки,
Попова Михаила Александровича.*

На выступе отвесной скалы величественно сидел орлан, осматривая бескрайние просторы своих владений. Ничто не могло ускользнуть от взгляда этой зоркой птицы. У ручейка рядом с зимовьём дымил таганок, там хлопотал, опираясь на бодожок, дед. Они с пониманием относились друг к другу, жили мирно, иногда перекликивались, как вольные лесные соседи-добытчики, вот уже добрых полвека.

Внизу – гладко выбритый ледоходом берег, выше – россыпь камней, что веками наслаиваются, отторгнутые скалой, этим природным шедевром. В своих глубоких расщелинах она, как мне казалось, хранила какую-то тайну.

Из Кежемской протоки выскочила лодка, в ней сидели двое. Это были я и отец. Оперевшись на спинку сиденья, отец покуривал «Беломор», обдавая меня табачным дымом. Мне не нравилось, но я терпел. Орлан расправил огромные крылья, оттолкнулся и стал набирать высоту, уходя в сторону Пашино, как бы встречая нас.

Деда спустился к ручейку. Собачка Дамка уже бегала по берегу, повизгивала, не находила себе места. Он устроился на большом, отшлифованном временем камне. Разложил рядом кисет с махрой и аккуратно нарезанные листики газетки. Закрутил сигарку и с наслаждением затянулся, бодожком вырисовывая что-то на песке. Плишка уселась рядом, раскачивая хвостиком, забавно бегала и клевала метлячков, не обращая на него внимания. Дед с ней разговаривал: «Эка, паря, места тебе мало, куда я, туды и ты. Слышишь, наши едут. Эвон, уж у нижней изголови, прытко бегут». Бывает, что и гадина жалюча вылезет, он её, не два дни, в бутылку загонит – и на солнышко. А осенью – для соболя, на приваду.

Я крепко держал румпель. В этом фарватере я знал каждый подводный камень, мели, ямы. Выйдя к Гремучинской каменной косе, я взял цель на сухой листвяк на краю скалы. Было не глубоко, на дне просматривались камни и, как змейки, по течению извивались водоросли. Лодку слегка водило, но я «держал марку». Вот поравнялись с ручейком, и я резко повернул влево, влетая в прогал травяного ковра. И пока мотор не наматает окончательно, заглушу и подниму, очистив этот клубок.

Деда, натосковавшись, начинает разговор, пока мы толкаемся шестом до берега: «Здорова-те!». «Здорово, тятя!» – ответит отец. Дед продолжает: «Ну, чаво там, Вихторев-то пьёт?». Отец: «Пьёт, тятя, пьёт». Дед не успокаивается: «Каждый день, ли ково ли?». Отец отвечает: «Каждый день, тятя». Дед с изумлением: «Вай, гадина, живучий-то какой!».

Пристали к берегу, подтащили лодку. Стали стаскиваться – продукты, соль, ловушки. Дедушка рассказывает про свою беду: «Да, паря, подековалось каво-то с моторкой, напорухалась, не заводится». Отец шутит и придумывает, что какой-то

«сохач» сломался (а это приезжающие в гости рыбаки просто закрыли краник на баке). Мотор Л-6 – у него бачок на доске, на борту, дед его сроду не закрывал. Отец открыл кран, топнул, и мотор завёлся. Дед, довольный и гордый за сына, скажет: «Эка, паря, мяханник – он и есть мяханник. Точно определил жич: сохач».

Отобедаем. Отец, как всегда, покемарит часок. Потом загрузим бочонок, а то и два, с рыбой, добытой дедом. И дед начинает меня уговаривать: «Останься, тоскливо, паря, одному-то, поживи».

К вечеру отец уедет домой, а мы отправимся смотреть ловушки. Возьмём с собой из корчажки насаченных мокчонов, заедем повыше скалы и, сплавляясь, поочерёдно проверим животники и сети. Дед в процессе рыбалки рассказывает, какой поплавень фартовый, какой – так себе: «Вечор, паря, приехал к зимовью, поднялся на угорто, присел на скамейку. Гляжу (очки одел), а от верхней изголови, как брёвна, две шшучишши прямо вот на этот поплавень идут. А он у меня – ужась ловкий, ну и трафились. Утре поехал, а они тут как тут. Как шли, так и попались».

Приехал к нам в гости дядя Ваня Качин. Он ему тоже рассказал. А тот спрашивает: «Михаил Александрович, очки-то у тебя плюс или минус?». Дед усмехнулся: «Кружашш, однако, парень. Они чаво, электрические, ли ково ли? Просто дальнобойны».

Однажды к лабазу пришёл медведь, оставил там следы своего пребывания. Я, не два дни думая, на следующий день нашёл на берегу пропащшу рыбину и – на лабаз её. Туда же поднял пустые вёдра, наживил. А собачка наша Дамка, соболятница, на зверя не шла. После ужины улеглись спать. На крючок деда дверь не закрывал и мне не велел. Духота ночью. Говорил, что не зверя надо бояться, а человека. «Зверь-то – он умный!». Кричала ночная птица. После баек сон брал своё. Дедушка уже похрапывал, как вдруг загремели вёдра. Он подскочил и, конечно же, всё понял: «Оно хто чаво, ты какова лешего там наделал?». Я рассказал. Деда говорит: «Но, паря, выдумшик!». Дамка тявкала где-то на берегу. Опять громко зазевал, бурча: «Подфартило ноне, добыли». И уснул, как будто ничего и не было.

А с утра – опять на рыбалку. Над нами кружили орлы и каменные стрижи. Под скалой у деда был кукан (верёвка, уходящая в реку). На него он «садил» осетра или тайменя, короче, большую рыбу, чтобы живой увезти домой. Однажды кто-то из вороватых рыбаков лучил рядом и украл рыбу. Деда очень переживал и приговаривал: «Обмельчал народишко-то, пакосливый стал. А вот орланы-то не трогают рыбу мою, упаси Бог. Лонись геолух шёл, голодный. Я его пожалел, накормил, рюмочку налил. Поехал на ловушки утре, а приехал – его след простыл. Продуктов много унёс, варнак. Хотел за Гремучий спуститься, я бы его там скрал. Да грех на душу брать неохота. А вот весной из баловства уроды чаечку тут, у рожковскх островов, убили. А её, парочка-то, сколь дён летала, плакала, искала. Я на ловушках, а она кружит, кричит. А я оправдываюсь, как будто она понимает, мол, лети, родна, не бери мне душу. Не я это зло сотворил».

«Однажды на отмели, у верхней изголови острова, орлан поймал тайменя. А рыбина ужась крупна оказалась. Ну и ташшит его в реку. Орлан кричит, крылами-то бьёт по воде. Тут другой подоспел на выручку. Вдвоём-то они управились». Я деду говорю: «Ты бы ружьё-то взял и отогнал их, и рыба – твоя!». Он аж взорвался: «Ты чё, родной, они ведь добыли. Я почаво у них отбирать буду?!».

Как-то меня ужалила в ногу змея. Но жалости я не услышал. Дед сказал: «Ты куда, паря, глядел? Сам обмишурился! Гадина-то не тронет, она убежать норовит. Наступил, однако, заворотный!».

Мне дедушка казался чудаковатым, где-то соврёт, а казалось, по правде. А какой рассказчик! Бывало, мужики в кузнице, где он работал, от смеха с верстака падали. Через годы я понял, как он был прав, как любил он эту реку, эту землю, и ценил, и переживал.

После запуска Усть-Илимской ГЭС пришла беда. Дно стало зарастать водорослями, понесло шелковник. У красной рыбы стало забивать шаглы (жабры), и она погибала. По Ангаре несло огромных осетров, корышей и стерлядок. Деда говорил: «Да будь она проклята, эта прогресса, сжабали реку-то. Там, в Расее, они каким местом думают? Мы всю жись прожили тут и, эка паря, браконьерами стали, а оне – Богу указ. Паравишна власть. Там, говорят, гумагу делают, а отраву в Ангару льют. Тут кака, паря, рыба выдюжит – мы сами скоро околем. Всё, паря, не так стало. Паравишна низовка потянет, сколь дён житья нет. Вся, какэсь, рыба-то в ловушках уснёт. Ране такова не было. ГЭСов понатыкали, хотят – воду дадут, захотят – не дадут. Икра в протоках на кустах весной, тышши тонн. Рай для ворон сделали. Ране-то гуся было мультёны – вся река гудела. Мы с твоим отцом по полной лодке набивали, ужась, полно было. Один раз чуть было льдиной не раздавило лодку. Я как хватил её – и на берег, чё-то хруснуло, видно, жилу мудову напорухал. Беречь себя нады, сщас сказыватца. Ране единолишно жили, малёно время, порядок был. Осенью, по голу ишо, подымались на Глуху шиверу, на бой. Так добыча красной рыбы называлась. На берегу, супротив рыбных ям, лодки направляли носом в реку, а кормой на берег. Ловушки наготове. Назначался день, выбирали старшего. Приезжали отовсюль – и кадинские, и проспихинские, пашински с рожковскими, сосновски. Полно лодок соберётся. Рыба на яме стояла, по течению, как по рангу. Сперва самы крупны осетры, корыши, стерлядки, потом – помене. Старший, как махнёт флажком, и все враз в реку. А там, кто вперёд успет, на хороша место. Якоря бросают, и рыба начинат ходить. Вот там-то мы её поворачали – по самы борта рыбы добывали. Из года в год так было, всем хватало. Порядок был. Вольно было, а слаще-то волюшки никаво нет...».

Я сяду в греби, деда рулит кормовым. Закурит, успокоится: «Кольша, слышь, ручей-то как поёт. Эвон-то взмырило, хрушкой сплавился. А гадина-то залезла, гляди-ка, на плиту, толстушша кака, греется. У орлана птенцы-то уж большушши, из рашшелины выглядывают. Сам-то – на охоте, она, эвон, сидит, караулит, баски. Это тебе не дятел. Тот, наверна, боле году-то не живёт. Эвон, как головой бьётся об деревину, тут каки мозги выдюжат. Планида у него така. А эта – горда птица. Говорят, оне триста лет живут, мудрая птица. Это она меня ишо челядёнком знала. Греби-ка пушше, чаво-то я заговорился, Кольша, унесёт на Гремучий, к лешаку».

Вот так он жил в гармонии с природой. Медведь приходил, но не пакостил, никого не трогал. Плишечка рядом посиживала на камушке, орланы радовали своей красотой. И прилетала чаечка поплакаться на худых людей.

Бесконечна нить времени, но вдруг неожиданно оказывается близка точка невозврата. И у кого-то, прочитав наши воспоминания, развеется туман беспамятства и в знак любви и покаяния захочет поставить свой крест над святыми местами нашей милой сердцу Родины.

ПАМЯТЬ СОХРАНИТ ТО, ЧТО БЫЛО ДОРОГО И ЛЮБО

Н.Г. Флейшман

Мой отец, Махмутов Григорий Савельевич, родился 1 января 1915 года. Поселился он на Ангаре после того, как его семью раскулачили в Тайшете и выслали.

В семье деда Савелия Захаровича и бабушки Ирины Осиповны Махмутовых было десять детей. Старшие жили уже своими семьями, а младших посадили на воз и отправили на поселение. Дочка Надя умерла, а Фомна, Александр, Лидия и Григорий оказались на Ангаре. Родители вскоре друг за другом умерли. Дети самостоятельно выросли.

Потом Александр ушёл на фронт, Фомна с мужем уехали, а у папы была бронь – он работал на лесозаготовках. Потом он женился на моей маме – Рукосуевой Александре Ивановне (Ванюшкины). Она родилась 13 июня 1915 года в деревне Яркино Богучанского района. В семье нас было трое детей: Михаил (родился 14 января 1937 года), я – Надежда (13 июня 1945 года в деревне Када), Альбина (8 января 1952 года).

Жили на Мысу, на плотбищах разных, в том числе и по Каде-речке, в тайге, на Листви́нничном. Жили то в бараках, то снимали жилплощадь у деревенских. У Храмовых снимали комнату. У них три сына и дочь (Василий, Вениамин, Владимир и Анна) растила мать.

Потом какое-то время жили у Копылова дяди Миши и тётки Моти. Дядя Миша, красавец-мужчина, на фронте был политруком. Вернулся слепым, но был весёлым человеком. Помогал деревенским составлять прошения разные, письма складные писать, советовал, как лучше оформлять документы.

Летом часто можно было видеть его на лавочке у дома. Он по шагам определял, кто идёт. Утром рано открывал окно и заводил патефон. На улицу неслись песни и музыка. Как раз в это время рыболовецкие бригады сортировали и чистили рыбу под навесом у колхозной конторы. Можно было купить на жарёху рыбу и даже икру. Солили рыбу в большие бочки.

Недалеко от конторы был магазин «Сельпо», там работал Чайкин Степан Кондратьевич, и жили они с тёткой Дусей за стенкой у магазина. Неподалёку жил его брат с семьёй, у них было два сына – Андрей и Виктор.

Почти у всех ангарцев были прозвища: Филатятчих, Мясищевы, Беловых, Храмовых, Санушкины, Филины, Микитины и т.д.

Вокруг деревни все поля засеивались и выкашивались, и даже на другой стороне Ангары были поля. В колхозе была уйма скота: табуны лошадей, стада коров, телят, овец было много. В общем, район и деревни прокармливали себя и ещё сдавали в закрома Родины что-то. Сеяли в колхозных огородах коноплю, трепали её, а потом вили из неё верёвки. Вдоль улицы тянули нити, свивали их из трёх-четырёх в одну крепкую верёвку. Мы, ребятня, выстраивались вдоль улицы, слушая, как гремят шестерёнки, крутятся, свивая верёвки.

Где-то в 1952 году отец построил свой домик в начале базы. Мы там поселились. Рядом – конный двор, конюхом был Евстифеев Иван (жена Ликанида, сын Вова и дочка

Катя). Кого помню, так это семью Аман. У них было шесть детей: Лида (умерла в детстве), Александр, Мария, Катя, Вова и Аля. Помню Окладниковых, Акуловых, Верховых, Пановых, И.В. Брюханова, Пеннер, Кузьменко, Гуржей, Головиных, Муравьёвых, Страшниковых, Емельяновых, Богоутдиновых, Попова Ивана Степановича, Калашниковых, Карнауховых... У Богоутдиновых было три сына – Николай, Алексей, Валентин, и Соня. Отец Гарафей и мать Насима. Гарафей сторожил на рейде, тогда ещё у нас под берегом грохотал агрегат, который вязал пучки для плота. В один прекрасный момент плот с головкой сорвало и понесло. Дед Гарафей бежал по улице и кричал: «Караул! Майданкам лопнул, вись бирик унесло!».

Почти каждую весну во время ледохода нас подтапливало. Со скарбом кой-каким убегали на горку, пережидали, когда спадёт вода. На базе жило много семей литовцев: Дергелас, Куршайтис, Купрелис, Мачус, Гожаускас, Прюкавускас.

Учились в школе, которая стояла на взгорке, в начале деревни. В классе по два: второй – с четвёртым, первый – с третьим. Учительница первая моя – Пеннер Галина Кирилловна, а вторая – Калашникова Елена Васильевна. После построили новую школу на базе, попросторней, на возвышенности.

Брат Михаил закончил семь классов, а дальше учиться надо было ехать в Кежму. Средств не хватало. Поехал он с другом, Поповым Владимиром Ивановичем (сын Ивана Степановича), в школу ФЗО учиться на трактористов. Трактора в то время работали на газочурочках, а морозы были большие. Мальчишки очирьяли все. Так работали до тех пор, пока в армию не взяли. После армии женился на Анне Ивановне Поповой (дочь Ивана Васильевича), в 1961 году родилась дочь Вера.

Когда в Проспихино сгорела школа, я училась в Болтурино, а сестра – в Чадобце. Закончила школу в 1963 году, а в 1966 году вышла замуж за одноклассника – Флейшмана Александра Мартыновича. Его предки тоже сосланные. Со стороны отца – с Ленинграда, а со стороны матери – с Волги. Отца уже нет в живых, а мать, Мария Васильевна, жива, ещё всюю вяжет носки со скоростью машины, читает, варит себе. Стала плохо слышать. 1 февраля ей исполнился 91 год, но смотришь на неё, она выглядит молодцом.

У нас с Сашей трое детей, только старший Сергей, 1967 года рождения, погиб в 1985 году, будучи студентом второго курса политеха. Второй Женя (1971 года рождения), у него две дочки: Алёна (1992 года рождения) и Лиля (1995 года рождения). У младшего Саши (1988 года рождения) дочь София (2015 года рождения).

Живём в Красноярске, бываем иногда на Ангаре, в Кодинске, Тагаре. А на родину свою уже никогда не попасть. Деревня стояла на крутом берегу, вокруг, с высоты, всё видно. Поля, цветущие по Каде, утопающие в белом от цвета черёмухи, ярко-оранжевые – от жарков, голубые поля – от незабудок. А какие ароматы – не выскажешь! Почва в деревне песчаная, после дождя сразу сухо. А там, где жили Устюжины, над оврагом, там у нас были аттракционы. С песчаной кручи прыгали и съезжали по песку вниз, в овраг. В новине росла земляника, собирали, а вечером мать варила вареники.

Между базой и деревней был зелёный луг. Во время ледохода вода заходила в него, а когда отступала, то в ложбинках оставалась на несколько дней, прогревалась. Нам это было кайф: дно – в зелёной траве, мягкое, вода прозрачная и парная, купаться успевали, пока стояла эта благодать.

Отец не рассказывал нам о своей нелёгкой жизни, видимо, было горько и больно. Так, кое-что, узнали от родственников. Был он тихим, спокойным, уравновешенным.

Никогда не повышал голоса. По тому, как он посмотрит, было понятно, что сделали что-то не так. Зато мама была «горячей». Кому-кому, а мне попадало: то убегу купаться на весь день, то сестру искать надо. Она у нас была беглянка, в любую дырку пролезала. Под горячую руку мать то веником отлупит, то мокрой тряпкой. Однажды получила пучком лучины. А на завтра спина была вся в занозах и воспалилась. Мать вытаскивала их и плакала, а я про себя думала: «Плачь, плачь, так тебе и надо». Но это так, эпизоды жизни. Хорошего у нас было гораздо больше, чем у наших родителей. Они не могли никуда уехать – тут рыбалка, охота, свои уголья. Короче, прикипели всем сердцем к этому месту. Вот так получилось с мужем моей младшей сестры Альбины. Новицкий Сергей Александрович в двадцать один год (в 1976 году) приехал в Тагару, заключил договор на определённый срок, да так и остался по сей день. Заворожила река, тайга и всё вокруг. И в Москву возвращаться не собирается. Родились уже две внучки у них с Альбиной от двух сыновей – Вовы и Саши.

Так что есть какая-то сила, что притягивает нас к родным местам и где нам невероятно удобно и тепло. Но так случилось, что потеряли мы, где были наши корни. Всё ушло безвозвратно, только память сохранит то, что нам было дорого и любо. Вспоминая о своей малой родине, испытываем щемящую тоску, какой-то горький осадок не отпускает, давит.

Август 2016 г.

КОДИНСКОЙ ЗАИМКЕ 85 ЛЕТ

Б.П. Верховых

Кодинская Заимка была образована в 1930 году, как посёлок для спецпереселенцев. Посёлок, по существу, не имел ни одного дома или другого приспособленного жилья, всё началось с землянок.

Взрослое трудоспособное население с первых месяцев жизни на обозначенной территории приступило к возведению жилья в виде небольших домов на две семьи каждый и бараков, вмещающих по несколько семей, перегороденных заборками. В 1931 году в районе был организован леспромхоз и до 1939 года базировался в Кодинской Заимке. Мужское население работало в леспромхозе на прилегающих к Кодинской Заимке, в пределах 20–30 км, плотбищах (так назывались временные лесозаготовительные участки). Наряду с развитием лесозаготовок в посёлке был организован колхоз «Новый путь». Свободной от леса земли для земледелия не было, пришлось её отвоевывать от леса и зарослей мелколесья. Эта очень трудная работа проводилась вручную. За 10 лет было подготовлено и пущено в сельхозоборот около 200 га пашни, столько же под сенокос и пастбища. Наряду с работой в леспромхозе и колхозном производстве, шло активное строительство жилья и соцкультбыта. К 1940 году в Кодинской Заимке было построено два корпуса начальной школы, нардом (клуб), больница, колхозная и леспромхозовская конторы, замечательный, с большими окнами и с просторными игровыми и спальными

комнатами, детский сад. Были запущены в работу два магазина – орсовский и сельпо. Наряду с выпечкой хлеба в семьях была построена пекарня, обеспечивающая хлебом рабочих ЛПК через магазин. В отличие от деревень, находящихся в районе, в Кодинской Заимке была построена и действовала прекрасная общественная баня (пятница – женский день, суббота – мужской день). Удивительно, но в посёлке было построено и действовало пожарное депо (пожарка) с наблюдательной вышкой, всё сделано чисто, всё построено ручным рубанком.

В стране в 30-е годы шла борьба с неграмотностью, не осталась в стороне и Кодинская Заимка. Население в основном было неграмотным или малограмотным. Молодые женщины в возрасте 19–30 лет, в том числе и моя мама, посещали курсы по ликвидации безграмотности. Курсы возглавляла 18-летняя Евдокия Васильевна Евстифеева, имевшая за плечами четыре класса церковно-приходской школы, и тем не менее женщины научились читать и писать. Служа в армии, я получал письма, написанные мамой, хоть с трудом, но я мог прочесть, что она написала.

Если говорить об образовании, то молодёжь Кодинской Заимки, несмотря на огромные трудности, стремится к учёбе. Средняя школа была только в Кежме, в 200 км от посёлка, семилетка была в Проспихино – в 18 км. Не было каких-либо общежитий и интернатов, проживали на квартирах у знакомых. Кстати, никто за проживание не взимал плату, ограничивались в оказании помощи в хозяйстве. Несмотря на все трудности, ребята из Кодинской Заимки, 20 человек, получили высшее образование, а в посёлке всего было 50 семей, от двух до шести детей. Так, из пяти братьев Верховых трое получили высшее образование, трое детей Мутовиных – они все получили высшее образование, а брат Мутовин Василий успешно окончил высшее техническое училище имени Баумана. Красноярский лесотехнический институт окончили Малышев Николай Николаевич, Юшин Василий Ефимович, Квиткевич Александр Тимофеевич, Иванов Николай Семенович, Баскаков Валерий Павлович, Пустоваров Евгений Александрович и Пустоваров Анатолий Викторович. Педагогический институт окончили Акулова Екатерина, Самаль Тамара и Валентина, Гладина Людмила, да всех и невозможно перечислить.

Кодинская Заимка в районе и в Красноярском крае славилась замечательными передовиками производства, стахановцами, награждёнными правительственными наградами. Первыми в районе были награждены орденом Ленина лесозаготовители Попов Иван Васильевич, Емельянов Платон Михайлович, орденом Трудового Красного Знамени Страшников Николай Васильевич – легенда лесной промышленности, и многие другие, получившие почётные грамоты краевого комитета партии за высокие показатели в труде во время войны и восстановления народного хозяйства. Все, кто получил высшее образование, были востребованы в народном хозяйстве. Так, Юшин Василий Ефимович многие годы был главным инженером Маклаковского лесокombината, Квиткевич Александр Тимофеевич возглавлял мачтопропиточный завод в Лесосибирске, Малышев Николай Николаевич и Мутовин Василий Иннокентиевич много лет проработали в п/я 1. Акулова – Белова Екатерина Николаевна работала директором Проспихинской и Кодинской школы № 2. Игнатъев Анатолий Михайлович, заслуженный врач России, кандидат медицинских наук, около 20 лет работал главным врачом районной больницы, он и сегодня – заместитель главы района. Пустоваров Павел, хирург, выходец из Кодинской Заимки. Простой паренёк, тракторист колхоза, Кулаков Сергей Игнатъевич окончил высшее лётное училище, летал на разных типах

самолётов, был выдвинут на должность заместителя министра гражданской авиации Молдавии.

Ваш покорный слуга, Верховых Борис Петрович, после окончания Высшей партийной школы при ЦК КПСС, 30 лет работал в партийных и советских органах. 37 лет избирался депутатом районного Совета, которым являюсь и в настоящее время. Последние 22 года – первый секретарь Кежемского РК КПРФ.

Евстифеев Владимир Иванович, заслуженный работник культуры, много лет работал главным режиссёром Енисейского драматического театра. О заслуженных людях Кодинской Заимки можно говорить очень много, они прожили, идя вперёд, работали, учились, воспитывали детей, внуков, правнуков, горячо любили свою малую родину под названием Кодинская Заимка. Несмотря на то, что в 50-е годы, когда уже не было леспромхоза, колхоза, прикипели сердцем и до конца дней своих не покинули родную Заимку участники Великой Отечественной войны: Кулаков Иван Иванович, Песоцкий Савелий Митрофанович, Самаль Михаил Николаевич и его супруга Валентина Георгиевна, Владимирова Любовь Ивановна.

Кодинская Заимка окончательно не прекратила своё существование, а оказалась стартовой площадкой строительства Богучанской ГЭС. В начале 70-х годов в Кодинскую Заимку пришла изыскательская экспедиция по определению створа будущей ГЭС, которую возглавлял специалист высокого класса Буров Игорь Сергеевич и его сплочённый коллектив.

В 1975 году высадился первый десант строителей Богучанской ГЭС, энтузиасты-комсомольцы, опытные строители Братской, Усть-Илимской, Красноярской ГЭС. 15 лет стройку возглавлял замечательный человек Михайлов Игорь Борисович, главный инженер Кованов Иван Александрович.

Кодинская Заимка ушла под воду, но те, кто жил, родился на этой земле, никогда не забудут этот небольшой посёлок, давший стране замечательных специалистов, достойных граждан своей страны.

Кодинская Заимка вписана в историю. Её имя сегодня носит молодой город гидростроителей Кодинск и торговый центр «Кодинская Заимка».

2015 г.

Школа в моей судьбе

ВОСПОМИНАНИЯ О КЕЖМЕ И КЕЖМАРЯХ

Ю.П. Федяев

Посчастливилось быть мне и моей семье кежмарями... Уроженец Архангельской области, помор, как я оказался на Ангаре, в Кежме? Там прожил с семьёй с 15 августа 1953 года по сентябрь 1966 года. В Кежме началась наша с женой трудовая жизнь. Женился тоже на девушке из города Котлас Архангельской области – Котовой Ие Клавдиевне, родили двух дочерей – кежмарок Светлану и Татьяну. И был ещё ранее рождённый сын Саша.

Учились мы вместе с Ией Клавдиевной и одновременно окончили Архангельский государственный пединститут. Учились на историко-филологическом факультете: Ия – на филологическом отделении, получила звание учителя русского языка и литературы, я, по окончании исторического отделения, стал учителем истории и Конституции СССР.

В те годы выпускников институтов направляли на целину или вообще в Сибирь. Ию Клавдиевну направили в распоряжение Красноярского крайоно. Меня распределили на должность директора средней школы г. Каргополя – старинного города Архангельской области. Но судьба распорядилась по-другому...

Студентку нашего отделения Галину Мельникову и еще трёх выпускниц направили в распоряжение Красноярского крайоно. У Гали мать после инсульта, на 50 % парализована. Я заменил её, а три мои друга, Толя Барков, Толя Бобров, Саша Храмцов, заменили тех 3-х выпускниц. Коль я жил в 100 км от Котласа, с Ией договорились ехать в Сибирь вместе. Прибыли в Красноярск в крайоно 10 августа. Там я познакомился с Филипповым Василием Филипповичем, он ехал работать заведующим Кежемского районо и уговорил меня и Ию поехать в село Кежма. Коли я родился и вырос в тайге, захотелось увидеть сибирскую тайгу и Ангару. Василий Филиппович еще набрал других учителей для школ Кежемского района: Зенько, Мельникову – учителей начальных классов, Дворецкую – математика, Карманову – биолога.

В самолете Ли-2 в Кежму летели 15 августа 1953 года Филиппов В.Ф. с женой (она умерла и похоронена в Кежме), 6 молодых специалистов и Коростелёв Николай Филиппович с женой Потехиной (учителем химии Кежемской средней школы) – они возвращались из отпуска. Прибыли рано утром и пошли посмотреть сибирское село Кежма.

По дороге от реки, между третьим корпусом школы и баней, поднималась группа женщин. Как оказалось, это доярки возвращались после утренней дойки с острова Сенной. Все в «парандже», и несколько женщин курили самокрутки. Весёлая, приветливая толпа. Позднее и мы ощутили пользу «паранджи» – накомарников, узнали, что дым самокруток отгонял комаров, мошку...

Приютили нас в семье Косолапова Семёна Васильевича (он тогда как раз уходил с должности заведующего районо) и его жены, Анны Фёдоровны, самого уважаемого учителя математики в те годы. У них в семье жили родители Анны Фёдоровны и 3 дочери – Валя, Оля и Нина. Очень дружная, сплочённая семья. Человечность, доброта, здоровое чувство юмора, задор шли прежде всего от бабушки Тони и её супруга.

Обстановка была в этой семье душевная. До сих пор мы дружим семьями; дочери мои общаются с Валей и Ниной, получая огромное удовольствие от общения с ними.

После Косолаповых я был определён в семью Коростелёва Николая Филипповича, а потом меня и Ию устроила к себе жить Васса Давыдовна, проживавшая по Школьному переулку, а когда мы поженились, то местные власти дали нам «дом» – это была когда-то деревенская баня. Ещё через год переселили нас в двухквартирный дом (бывшая школьная мастерская) – сначала в однокомнатную квартиру, по отъезду семьи Коростелёвых – в двухкомнатную этого же дома.

Ия работала учителем литературы и русского языка в Кежме по сентябрь 1966 года, до нашего отъезда в Дивногорск.

Я тоже работал учителем истории в Кежемской средней школе. По решению райкома КПСС назначен был инспектором школ, в апреле 1957 года, после окончания месячных курсов ЦИПКРона в Ленинграде, назначен заведующим Кежемского района. В январе 1961 года избран секретарём Кежемского РК КПСС и членом бюро райкома, недолгое время работал заместителем председателя райисполкома, потом был возвращён в райком на идеологическую работу.

В августе 1964 года по решению бюро крайкома КПСС направлен на учёбу в Новосибирскую ВПШ (двухгодичную). Семья жила в Кежме. По окончании ВПШ получил диплом с отличием и оказался на работе в г. Дивногорске.

В Кежме избирался членом бюро райкома ВЛКСМ, работал с Кузнецовым Степаном, замечательным вожаком молодежи. Затем я стал членом райкома партии (в партию вступил в институте), членом бюро райкома, депутатом райсовета.

В бытность заврайоно мне удалось построить и открыть Болтуринскую среднюю школу (директором которой долгие годы работал Коновалов Михаил Максимович), Фроловскую восьмилетнюю школу (при ответственном отношении директора школы Брюхановой Веры Ивановны).

Среди директоров школ не могу не отметить директора Проспихинской школы Фёдорова Дмитрия Фёдоровича, директоров Пановской семилетней школы – Кокориной Людмилы Александровны и Игнатова Николая Ивановича.

Особые слова признательности и уважения, благодарной памяти хочется сказать о работе Карнауховой Евдокии Филипповны, работавшей при мне директором Кежемской средней школы. Тёплые слова хотелось бы сказать и об учителе Морозовой Марии Васильевне. Хорошим директором Заимской семилетней школы был Заборцев Василий Иванович...

Впечатлений о Кежме, о кежмарях в целом, об Ангаре хватило бы на большой роман. Но вспомню хотя бы некоторые из всех, обогативших мой жизненный путь...

Кежмари – это не просто жители Кежмы, люди с великой реки Ангары. Я называю их «детьми природы». Кежмарь – невероятный труженик: лодки и баркасы, плашкоуты бечевой, заготовка сена на островах и притоках.

Технику надо доставить на остров на плашкоутах и обратно. Кежмарь любил и ценил природу, он не наносил ей вреда... С кежмарем непросто сойтись, он требует к себе уважения и правильной оценки. Но если он тебя стал уважать, то это огромное достижение и богатство в отношениях.

Однако кежмарь и с хитринкой, но хитринкой доброй, чтоб не навредить успеху на будущее:

- Ну как, Иван Николаевич, рыбалка в эту весну?
- Да, паря, неважно, вот в прошлую весну рыбалка была что надо...
- Погоди. В прошлую весну ты говорил, что рыбалка ни к черту...
Усмехнётся и переведёт разговор на другую тему...

В начале трудовой деятельности в командировки приходилось ездить на лошадях, а мороз – до 50 градусов и ниже. Потом настроили аэродромы во многих деревнях, и самолёт стал в жизни сельчан, как такси.

Интересный случай. Приехал в аэропорт, надо лететь в село Паново. Возле самолёта бабушка с козой. У меня было в глазах нескрываемое удивление: она с козой садится в самолёт?.. В самолёте у нее спрашиваю:

- Куда летим?
- Она отвечает:
- В Паново, к подруге.
- Надолго?
- Нет, – говорит, – попьёт подруга от козы молока, вечерним рейсом – обратно...
А сейчас? Возможно такое в наши дни? – Всё порушено!..

На моих глазах чистейшая Ангара стала превращаться в болото. С пуском Нижне-Илимской ГЭС обмелели протоки, курьи, зацвела вода, и понесло по реке водоросли. Они забивали сети, жабры рыб, – те гибли. Едешь по Ангаре на моторе, а поверху воды – стерлядка: не хватает ей кислорода. Вначале ловили её с верхонкой на руке, а потом перестали: мясо у рыбы чёрное, истощавшее.

Интересно и жутко заканчивали борьбу с плохими людьми, испортившими реку, ерши... Вдоль приплёска лентой колыхаются в воде они, а затем друг за другом выбрасываются на берег, дрыгнутся раз-другой – и недвижимы. А щука, когда толкаешься шестом на лодке возле островов, стоямя вниз головой, погибшие, стоят частоколом. Сети невозможно ставить – забивает водорослями, а это для ангарца – непоправимая беда... Нам, приедем, приходилось учить их правилам рыбалки удочкой на речках-притоках. Для них удочка – не сеть, а забава.

Богатств от природы – невероятное количество. Был в то время ещё только один выходной день. В субботу на лодку сажаешь семью и гребёшь на Большой остров. Жена Ия любила ловить ершей, я в это время ставил 2–3 сетки – и в камыши, на перелёт уток.

Возвращался на бивак: уха готова. Осмотришь и соберёшь сети. Утром, в зависимости от времени и от погоды, наберёшь ягод (брусника, голубика, смородина), подстрелишь 1-2 рябчиков, а то и глухаря. В корзине – грибы. К вечеру возвращаешься с богатыми дарами природы.

Позднее появились лодочные моторы (стационарные и подводные). И два выходных. Какое облегчение! Первый стационарный мотор приобрёл немец, по-моему, Гемп, а к отъезду нашему из Кежмы те и другие моторные лодки были почти у каждого...

Честность кежмара.

В зимовье охотник оставлял всё необходимое для пребывания в тайге. Это делали все, и никто не брал – до появления в селе тунейдцев. Мне в зимовье на реке Мозговая хозяин спас жизнь. Я уронил в речку рюкзак, но, придя в зимовье, нашёл спички, крупы, соль. По окончании охоты, возвращаясь домой, зашёл к хозяину и объяснился, хотя в зимовье оставил записку о взятом и оставил свою подпись. В избушку к осени завёз хозяину необходимое.

Первая поездка в командировку в верхнюю часть района. Как туда добрался? С матери перевезут на остров, по острову – пешком. С изголовья острова – на матеру, и так на всём пути. Прибыл в деревню Привалихино. К одному, другому дому подойду, окликну, – никого нет. Двери и окна открыты, люди – на сенокосе все...

За период работы в Кежме пришлось повстречать на трудовом пути много замечательных людей: руководителей райкома партии, райисполкома, с предприятий и колхозов. О некоторых память, как об учителях. Среди них – первый секретарь Убиенных Александр Григорьевич, председатель райисполкома Островский Иосиф Андреевич, Морозов Николай Петрович, Осипенко Алексей Васильевич, Филиппов Василий Филиппович, Денисов, Кревин – председатель колхоза в Аксёново.

Моим правилом всю жизнь было и остаётся учиться постоянно, особенно у простых людей. В командировках обычно останавливался у старичков, в беседах с ними получаешь кладёшь мудрости народной. И в жизни это часто пригождалось. Школа жизни в Кежме научила многому. Главное – оправдывать доверие и трудиться для народа, не покладая сил.

Всё, полученное в Кежме, пригодилось для всей последующей жизни...

В Дивногорске – секретарь парткома УОС Красноярскгэсстроя, секретарь парткома Красноярской ГЭС, 2-ой секретарь горкома партии, почти 13 лет председатель Дивногорского горисполкома. Неоднократно избирался депутатом крайсовета. Труд мой отмечен орденами и медалями, почётными грамотами. А главное – моё имя занесено на Памятную доску КГЭС и присвоено звание «Почётный гражданин города Дивногорска».

Очень дорога Почётная грамота в честь 300-летия села Кежма за подписью А.Г. Убиенных и А.И. Островского. Светлая память о Кежме, кежмарях, особенно об учителях – всегда в моём сердце, пока оно бьётся...

К величайшему сожалению, Ия Клавдиевна рано ушла из жизни, – погубил рак. Но благодарные ученики вспоминают своего учителя по-доброму. После её кончины лет 5–6 на могиле появлялись венки от учеников. Она любила детей и мужа, была заботливой матерью, той же любовью отвечали ей. Я и дети всегда помним её.

Сын наш Саша тоже учился в Кежемской средней школе. В настоящее время живёт в Петропавловске-Камчатском. На пенсии, пишет стихи и песни. Две дочери, три внучки и внук.

Дочь Света – в Дивногорске, на пенсии. Долгие годы руководила химлабораторией КГЭС. Сын, дочь и две внучки.

Младшая дочь Татьяна родилась в Кежме. Пошла по стопам матери, работает учителем русского языка и литературы в гимназии города Дивногорска. Имеет звание «Почётный работник общего образования РФ». На пенсии, но работает. Дочь, два сына, две внучки и два внука...

Жизнь прожита мною по заповедям: не один дом с Ией построил, посадил огромное количество деревьев, имеем трёх детей, 8 внуков и внучек, 10 правнуков и правнучек. И это – не предел. Главное, что все дети, внуки и правнуки дружны, живут по чести и совести, потому что прошли хорошую школу жизни. И не последнее место здесь занимает наша сибирская сага о кежемской биографии и её славном народе. Поклон до земли ему, всему поколению кежмарей! И пусть не стало Кежмы, но дух сибирский, воля и запал остались и живут в душах истинных кежмарей!

2015 г.

40 ЛЕТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТРУДА

М.И. Голубева

В августе текущего года исполняется сорок лет педагогической деятельности Виктора Васильевича Умрихина, награждённого орденом «Знак почёта» и знаком «Отличник народного просвещения».

В этом году, когда район отмечал свой юбилей, на страницах «Советского Приангарья», в передачах местного телевидения мы встречались со многими людьми, творившими его 70-летнюю историю. Не погрешу против истины, утверждая, что нельзя представить народное образование Кежемского района без В.В. Умрихина, проработавшего здесь тридцать четыре года и 40, причём всё время на руководящей работе.

В далёком августе 1964 года назначен был Виктор Васильевич директором Проспихинской, тогда ещё восьмилетней школы. А уже в 1967 году Проспихинская школа реорганизуется в среднюю, третью по счёту после Кежемской и Болтуринской. За три года учебно-материальная база школы стала удовлетворять статусу «средней», так как под руководством директора, силами общественности и привлечённых бюджетных средств были построены спортивный и актовый залы, сделана пристройка на шесть классных комнат, построена котельная, смонтировано водяное отопление (до этого почти все школы в районе обогревались с помощью печей). За эти и последующие годы получено от леспромхоза четырнадцать учительских квартир, что помогало директору успешно решать кадровые вопросы. В 1969 году Проспихинская средняя школа сделала свой первый выпуск.

По оборудованию учебно-воспитательного процесса школа была лучшей в районе. Она в числе первых в районе в 1974 году перешла на кабинетную, более прогрессивную, систему обучения, позволяющую оснастить рабочее место учителя и ученика всем необходимым. Уже тогда предметом зависти учителей других школ были мебельные стенки для размещения и хранения учебного оборудования, стационарные установки в каждом кабинете проигрывателя, магнитофона, кодоскопа, фильмоскопа или киноаппарата. Школа была радиофицирована, работала детская радиостудия.

Согласно требованиям программы обучения школьников, привития им практических навыков, строится теплица, разрабатывается учебно-опытный участок. В связи с введением НВП – начальной военной подготовки – строятся и оборудуются тир и школьный стадион.

В 1976 году развёртывающееся строительство Богучанской ГЭС внесло свои коррективы в жизнь школы. Проспихинская была единственной средней школой в этом удалённом от районного центра месте. В этом году здесь был построен интернат на сто шестьдесят мест для детей гидростроителей. Часть приезжающих школьников были неплохо подготовлены, но много было и таких, кто из-за частых переездов, неустроенности быта не усваивал «азы», потерял всякую ориентацию в школьных предметах.

Справиться с создавшейся ситуацией мог только высокопрофессиональный педагогический коллектив и грамотный, предприимчивый и волевой директор. Молодые

в то время Р.А. Софронова, Т.С. Умрихина, Э.А. Иванова, В.С. Локтионова, А.В. Евстифеева, Е.Н. Белова, В.А. Кузнецова стали впоследствии мастерами педагогического труда, руководителями школ. Уроки их отличались разумным применением технических средств, методической целесообразностью, здоровым микроклиматом и той непринуждённостью, которую даёт учителю высокий профессионализм.

Грамотная работа с коллективом – сильная сторона управленческой деятельности Виктора Васильевича. С первых дней он подбирает, как сейчас говорят, управленческую команду, и за короткое время, так было в Проспихино, в школе сформировался работоспособный коллектив через постоянную методическую учёбу. Главный разработчик основных тем – директор школы. Вопросы, которые выносились на обсуждение, не потеряли своей значимости и в наше время: работа по анализу и планированию; методика работы с октябрятами, пионерами и комсомольцами; научная организация труда учителя и школьника; работа в условиях предметного кабинета и другие.

Материалы всех тем оформлены и распечатаны для повседневного использования в виде разработок, памяток, пособий. Сейчас это называют педагогическими технологиями. Высокая культура делопроизводства – тоже одна из сильных сторон деятельности В.В. Умрихина.

Школа, первая в районе, создаёт совет общественности. Этот орган имел более широкие функции, чем попечительские советы, которые мы пытаемся сейчас создавать, так как, кроме спонсорства, он включал и общественное воспитание, и организацию взаимосодействия «школьный класс – трудовой коллектив», летний труд и отдых ребят и многое другое. Весь посёлок занимался школьными вопросами, а школа жила жизнью посёлка.

Доклад на пленуме крайкома профсоюза работников просвещения «Роль школы, семьи и общественности в воспитании и обучении школьников», где освещалось участие общественности в жизни школы, был рекомендован к представлению в Академию педагогических наук. Виктор Васильевич заочно, в течение двух лет, обучался в аспирантуре, и только удалённость школы и отсутствие научной литературы не позволили выйти на защиту диссертации. Проспихинская школа была школой передового педагогического опыта. На её базе проводились краевые и районные семинары, конференции, практические занятия с учителями и руководителями. Её так и называли – школа Умрихина.

В Кодинске подходило к завершению строительство будущей школы № 3, и в 1983 году В.В. Умрихин назначается директором школы № 1 в посёлке Временный и одновременно ему вменяются обязанности директора школы-новостройки. Не каждый может представить объём организационных мероприятий, предшествующих пуску крупной школы.

Спустя несколько лет, когда завершилось строительство школы № 4, её будущий директор был в штатах роно больше года как директор школы-новостройки. В.В. Умрихин вводил школу № 3, будучи директором школы № 1. Так уж пришлось.

Стройка в то время часто работала с колёс, так начала свою работу и школа № 3. 1 сентября 1984 года за парты сели пятьсот пятьдесят учащихся (к концу первой четверти их было шестьсот двадцать), и обучали их двадцать два педагога. Весь год прошёл как организационный. Главным из сотен возникающих вопросов был кадровый. Привлечь опытных педагогов было нечем. Это, как правило, уже семейные люди, а под открытие школы не было выделено никакого жилья, кроме койко-места в общежитии с очень туманной перспективой получения квартиры.

Большую часть учителей школы составляла молодёжь, в основном, вчерашние выпускники учебных заведений. Формирование учительского и ученического коллектива надо было начинать с нуля. Помогли проверенные временем методы руководства: организация режима работы всех звеньев, учёба на всех уровнях (от руководителей школы до родительской и ученической общественности), контроль за учебно-воспитательным процессом по всем направлениям и, главное, создание собственных школьных традиций.

Известную в то время Павлышскую среднюю школу В.А. Сухомлиного сегодня бы назвали авторской, и сильна она прежде всего своим укладом, своими традициями. Это – глубинное, выверенное, что присуще именно этой школе, что отличает её от другой, что помнят и чем гордятся ученики.

С первых дней работы закладывались традиции Кодинской третьей: воспитание через предметы эстетического цикла; сотрудничество учителей и учащихся; ежегодные педагогические чтения и смотры учебных кабинетов; КВН между учителями и учащимися; туристские слёты, кроссы, Дни здоровья и многое другое.

Кодинская СШ № 3 имеет своё «лицо», в формировании которого большая роль принадлежит её первому директору.

С 1990 по 1996 годы В.В. Умрихин – начальник районного управления народного просвещения. Время работы в управлении совпало с изменениями, связанными с демократизацией школы и началом кризисных потрясений, не обошедших и народное образование.

За эти годы удалось укрепить материально-техническую базу учреждений народного образования. Почти во всех школах и многих детских садах был сделан капитальный ремонт зданий и котельных, частично обновлена мебель. Переведены из Кежмы в Кодинск управление образования и Дом творчества.

Разработана концепция воспитательной работы школы в связи с отменой детских организаций. Введены в практику кустовые совещания, позволяющие оперативно решать учебные вопросы.

Главные научно-методические разработки, сделанные в это время В.В. Умрихиным, направлены на систематизацию оценочной деятельности учителей и школ и размножены для служебного пользования.

Кроме традиционных, разработаны и новые темы, выдвигаемые самой жизнью: переход на оплату труда по категориям, контрактная система трудовых отношений и материальное стимулирование работников школ; требования к оценке деятельности классного руководителя в условиях демократизации школы; развитие творческих способностей школьников, положение о конкурсе эрудитов; положение о творческом отчёте педагогических коллективов и многие другие.

Эти документы используются руководителями школ и в настоящее время.

Сегодня В.В. Умрихин – директор Центра непрерывного образования. Основной принцип деятельности Центра, как и его директора, – работа в интересах личности школьника. Это учреждение, одно из немногих в крае, помогает школьникам, планирующим и имеющим материальные возможности получения высшего образования, углубить знания под руководством опытных преподавателей по всем предметам школьного курса, в том числе по информатике и вычислительной технике. Здесь проводятся государственное тестирование и приём во многие вузы края. Результаты работы

Центра даны в содержательной статье в одном из последних номеров «Советского Приангарья».

Пишу по поручению руководителей многих школ, Ваших, Виктор Васильевич, учеников и коллег-единомышленников. Примите наши поздравления с замечательным юбилеем, пожелания здоровья и творческого долголетия.

Какие бы ветры не проносились над педагогикой в связи с политическими и экономическими потрясениями, Ваш неизменный принцип – работа в интересах личности школьника – бесспорный.

*«Советское Приангарье»,
30 августа 1998 года*

ПРОСПИХИНСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА

В.С. Локтионова

В начале августа 1968 года я с мужем, Локтионовым Семёном Тихоновичем, прилетела в с. Кежма по приглашению заведующего роно В.Ф. Филиппова и директора Проспихинской средней школы В.В. Умрихина. До этого, в 1966–1968 годы, мы работали в Кремяновской средней школе Корневского района Курской области.

Село Кремяново – красивое, дома добротные, школа большая, с прекрасным садом, несколькими гектарами пришкольного участка. Кроме местных детей, в школу приезжали ученики из семи прилегающих деревень. Родители и дети – доброжелательны, внимательны и трудолюбивы. Казалось, всё прекрасно, живи и работай. Но – не было реки. Я родилась недалеко от озера Байкала, в истоке реки Лены, вся жизнь была связана с рекой и её притоками. А в этом селе – пруд, в котором нельзя было выкупаться, так как дно было илистое, вода мутная от большого количества водоплавающей птицы: домашних гусей, уток.

Дети каким-то образом узнали о том, что в конце учебного года мы собираемся уезжать, и стали относиться ещё теплее, а в Курском облоно стали предлагать мне любую школу, в районе или ближе к Курску, в качестве завуча либо директора. Но моё желание было однозначным: вернуться в Сибирь, поближе к моей малой родине. Когда я показала мужу, где находится Кежма и Проспихино, он быстро согласился с выездом. Вот таким образом мы оказались в Кежемском районе.

Оформив все дела в роно, на другой день, вместе с заведующим В.Ф. Филипповым, полетели в Проспихино. В аэропорту нас встречал директор школы В.В. Умрихин. Поговорив между собой, оба извинились, что обещанной квартиры нет. Нас привели к одинокой бабушке, где нам предстояло прожить около двух недель. За это время в нежилом домишке сделали косметический ремонт, поставили железную печку, которую приходилось топить каждые два часа. Во дворе негде было сложить дрова, не было даже туалета. А воду таскали с Ангары. Этот домишко стоял во дворе старейшей учительницы

начальных классов Марии Ивановны Пустоваровой, царство небесное ей. Через год нас поселили в здание старого КБО.

Я приехала в Проспихино на шестом месяце беременности. В 1968 году умерла моя мама. Надо было выезжать на похороны в Иркутскую область. Денег нет. Все подъёмные были истрачены на обустройство жития, зарплаты ещё нет. Директор школы занял нам деньги, за что я была ему очень благодарна. Похоронив маму, приступили к работе. А в ноябре родился долгожданный сын. Во второй четверти, по просьбе учащихся, пришлось выходить на работу. Заведующий роно В.Ф. Филиппов, председатель профкома Киселёва часто приезжали в Проспихино, обязательно навевались к нам, интересовались нашей жизнью, работой, за что я им всегда благодарна.

В Проспихинской школе мы с мужем проработали по тридцать пять лет. Он преподавал физкультуру, а я – географию и биологию. Школа вначале была небольшая, а потом достроили вторую часть, спортивный и актовый залы, интернат. Учащихся было около четырёхсот, учительский коллектив – более пятидесяти человек. В интернате проживали сто детей, их привозили из Рожково, Пашино, Сыромолотово, Тагары, Чадобца, Кодинской Заимки. Первые воспитатели в интернате – Попова Софья Константиновна, Кравец Валентина Николаевна, Колпакова Анна Петровна. Поваром в интернате работала Попова Октябрина Николаевна, завхозом – Попова Александра Акимовна. Когда количество детей стало уменьшаться, во второй половине интерната поселили начальную школу. Таким образом, вся школа перешла на односменные занятия. Велась большая кружковая работа. Проводились спортивные мероприятия, тематические вечера. Старшие классы отвечали за подготовку вечеров, например, к Дню пионерии, комсомола, к годовщине Октября и т.д. Ежедневно проводились общешкольные линейки, на которых подводились итоги среди октябрятских групп, пионерских отрядов и комсомольских классов.

Школа оказывала огромную помощь Проспихинскому ЛПХ. Летом старшеклассники работали на сплаве леса, зимой огребали деревья. В совхозе «Проспихинский», в колхозе д. Рожково помогали убирать сено, урожай овощей, веяли, перелопачивали зерно, поднимали из-под снега полегшие хлеба, существенную помощь оказывали дояркам, свиаркам и телятницам. Таким образом, школа была центром всей жизни села. Агитбригады с концертами выезжали в соседние деревни. Совершали всей школой поход в Кодинскую Заимку для знакомства с геологоразведкой, с первыми строителями Богучанской ГЭС. В деревне в то время стояло всего три дома, где жили старожилы. Были лыжные походы до Рожково и Сыромолотово, где дети выступали с концертами. Жители деревень тепло приветствовали школьников.

Выпускники школы успешно поступали в высшие учебные заведения Москвы, Санкт-Петербурга, Риги, Новосибирска, Киева, Харькова, Иркутска, Красноярска, Владивостока, Хабаровска и т.д. Многие ребята поступали в высшие военные училища. Все ребята, которые служили в горячих точках Афганистана, Чечне, проходили военную службу в разных войсках, возвращались домой живыми и здоровыми. За свою хорошую физическую подготовку всегда благодарили физрука школы – Локтионова Семёна Тихоновича. Вспоминали: «Не зря гонял нас на уроках физкультуры!». Спортсмены участвовали во всех внутришкольных и районных соревнованиях по лыжным гонкам, гимнастике, лёгкой атлетике, волейболу, баскетболу. Всегда занимали призовые места. Постоянно проводилась военно-спортивная игра «Зарница». Детей возили в Красноярск, Шушенское, Москву, Адыгею, Туапсе, Новороссийск.

Выражаю свою безмерную благодарность всем выпускникам школы, начиная с первого года работы и до последнего, за их внимание, отзывчивость, пытливость, порядочность, уважительное отношение. Встречаясь со своими выпускниками, я испытываю радость и удовлетворение, а многими просто горжусь, потому что они стали хорошими людьми. В городе Козинске нет ни одной организации и учреждения, где бы ни работали выпускники Проспихинской средней школы. С теплотой и любовью вспоминаю коллег: С.К. Попову, В.М. Рожкову, Г.Е. Рукосуеву, Е.М. Калашникову, З.Г. Кулакову, Д.Г. Гнатышину.

ФРОЛОВО – РОМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД В МОЕЙ ЖИЗНИ

Ф.И. Славская

*Запечатлейте беглыми строками
Всё, что не в силах память удержать...
У. Шекспир. Из сонета 77*

На дворе стоял звенящий, цветущий, напоенный свежестью листвы май 1970 года. В Красноярском государственном педагогическом институте шёл процесс распределения без пяти минут специалистов историко-филологического факультета. На стене красовался список территорий с вакансиями. Все почему-то запомнили название села – «Скотопрогонное» какого-то района. Шутили по этому поводу незлобно.

Волнение отсутствовало по причине присутствия, как бы сейчас выразились, высокопатриотического месседжа: куда потребует Родина ехать, туда и направимся – отработать положенные три года.

«Предлагаем Кежемский район, Проспихинская средняя школа... Слышали о таком районе?». – «Смутно представляю, где это...». – «На Ангаре...». Это завораживающее слово «Ангара» было решающим для меня – вспомнились слова известной песни о «звёздах», летящих на корму.

В библиотеке взяла атлас посмотреть, где же эта Кежма? Ой-ой – железной дороги нет, автобус не ходит, только «самолётом можно долететь», если погода не подведёт... А можно по Енисею до Стрелки на «Заре» – пересадка – теплоход «Товарищ» до Богучан – пересадка – самолётом до Кежмы – пересадка – самолётом или попутным транспортом до Проспихино. Как это романтично... В бумаге с направлением была обозначена дата – явиться на работу 15 августа 1970 года.

Друзья по институту предложили в это лето поработать в пионерском лагере в Якутии, где река Нера впадает в Индигирку. Задержалась там до конца августа.

...В Кежму прилетела после окончания августовской учительской конференции, было это 30 августа. В тесном и пыльном роно неприветливая тётенька, сухо заполнив мою трудовую книжку, сказала, что направляюсь я во Фроловскую восьмилетнюю школу,

что часов будет много, работать и работать... «Мне как попасть в эту школу?». – «Пешком по берегу...». «Шутница», – думаю, выдержала паузу. – «Идите в гостиницу, а завтра самолётом. Что, первый раз в наших краях?».

НАД АНГАРОЙ. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ФРОЛОВО

В последний день августа села в маленький самолёт – «кукурузник», в салоне было двенадцать человек, на полу – мешки, коробки, металлические кинобанки, весом, оказывается, семнадцать килограммов каждая, с фильмами для посёлков. Стали подниматься, женщина закричала: «Ой, тошно мне... Поведи ты леший...». Это лопнула банка со сметаной, густая и вязкая жидкость оказалась в хвостовой части самолёта. Думаю, зачем ей сметана, если от вида оной женщину тошнит, наверное, беременная.

Глянула в иллюминатор. Дух захватило от красоты под крылом самолёта. О величавой Ангаре и её берегах ещё не все песни и стихи написаны, сколько раз человек будет взирать на это великолепие природы, столько будет подниматься в душе его не передаваемый словами восторг. Более чем романтично – просто божественно!!!

Пролетели минут десять, идём на снижение, посадка – это Аксёново (Аксёнова, по-местному). Кто-то вышел, но никто не занял пустующие места. Ещё летим минут семь-десять, снижаемся, садимся – Паново (ситуация, аналогичная первой). Я – к пилотам (благо, сижу недалеко от них): «А следующая – Фролово?». – Смеясь, отвечают: «Вот останетесь в салоне одна, тогда и сядем во Фролово». – «Хм...», – но промолчала. Думаю, настоящая романтика... Далее – Усольцево, потом Селенгино... Я сижу одна, на полу один мешок, тощенький – почта для Фролово. Разворот над Ангарой, садимся в чистом поле. Оно отгорожено жердями от деревни, чтобы скот не ходил по нему.

В поле одна-единственная фигурка женщины – это работница почты пришла принимать доставленный груз. С ней и пошли к деревне, по пути познакомились. Перелезли через забор из жердей, мои белые туфли на каблуке завязли в грязи. Навстречу бежали человек пять пацанов: «Учительница прилетела! А как Вас зовут? А какие предметы будете вести?». Мои ноги по щиколотку черны, я понимаю и неуместность своего ярко-красного костюмчика и короткой юбки.

А вот навстречу, очень спешно, в резиновых сапогах, с резиновыми сапогами меньшего размера в руках, идёт мужчина невысокого роста, весьма моложавый, ладно сложенный: «С прилётом! Заждались мы Вас. Я – директор школы, быстренько переобувайтесь! Вот чистые портяночки, опирайтесь на меня... Меня зовут Черных Николай Максимович. Сейчас я Вас устрою, у нас хорошо, коллектив молодой...».

В большом дворе, за капитальными двухстворчатými воротами, стояли два крепких дома. Один из них – интернат для ребят из соседнего села, в другом – жильё для молодых учителей. Дома стояли на высоком берегу Ангары. Через несколько домов – школа.

В доме из пяти комнат на два входа нас проживало пять, молодых и незамужних, учительниц. Немыслимое количество окон, отчего в доме солнце было весь день. Две печки, одна из них русская, топить надо дровами. Вода привозная. Несколько керосиновых ламп, так как электричество подавалось лишь на период перегонки молока на колхозной ферме. Очень романтично.

ШКОЛА

Школа – деревянное одноэтажное, очень добротное здание, рассчитанное, как минимум, человек на двести учеников. Школьное здание стояло в начале села. Весной вокруг школы расцветала белыми цветами черёмуха, во дворе красовались клумбы, стояли лавочки. Здание школы украшали плакаты с призывами к молодому поколению «Учиться, учиться и учиться» с профилем В.И. Ленина.

Учащихся было около сорока, причём половина из них – это дети из соседнего села Селенгино, проживающие в интернате. В школе – идеальная чистота, печки, хорошо истоплённые к началу занятий, создавали уют. Всё аккуратно покрашено, неплохая библиотека. Окна выходят на берег Ангары, за исключением учительской комнаты. Окна последней «смотрели» на лётное поле.

Ученики первого и третьего, второго и четвёртого классов обучались одновременно у одного педагога. Во втором классе обучался один ученик. Был какой-то контрольный срез, работа прислана была из роно, ученик с ней не справился, а нужно написать отчёт с указанием процентов выполнения заданий. А результат – сто процентов невыполнения. Как весь коллектив сопереживал учительнице!!! Но на подлог она не пошла, не подри-совала усреднённый балл.

Занятия начинались в девять часов утра. Была одна большая перемена, продолжалась один час, дети ходили домой обедать. Дисциплина хорошая, никто никогда не опаздывал.

УЧИТЕЛЯ

Конечно, школа – это не стены и клумбы, а люди, в них – душа общеобразовательного учреждения. Какие замечательные у меня оказались коллеги!

Директор школы – Черных Николай Максимович, учитель физики. Как я писала выше, он встретил меня почти у самолёта, с резиновыми сапогами. Ведь знал, что из себя может представлять обувь после вчерашнего дождя у «зелёного» педагога, спрыгнувшего со ступеньки «кукурузника». И он не сразу повёл меня в дом, где мне предстояло жить, а к себе домой. Познакомил с женой – учительницей русского языка. Пока я мыла руки-ноги, его шустренькая сестра (кажется, Юлия) накрывала на стол. Усадили, напоили, накормили и только после этого двинулись к месту назначения.

Он успевал всё – проверить, законопачены ли вовремя окна, есть ли веник для обметания обуви у порога школы, выпила ли малиновый сироп «сопотившая» вчера учительница, посещал уроки, как мог, разбирал, давал методические советы. Иногда покрикивал и сердился, но был отходчив. Радел за школу.

Учительница начальных классов – Верхотурова Галина Павловна. Галина Павловна – коренная ангарка-кежмарка, жила рядом со школой в доме-пятистенке. Этот чудесный и непередаваемый разговор, когда ученику требовалось объяснить что-то для него более доступно, то были такие слова: «Ты ково пишешь-то...», «Перестань бегать, как постегонка...»

Часто приносила на перемене шаньги, вынутые только что из печи, угощала нас, молодых. Естественно, в деревне не было общественной бани. Галина Павловна предложила

пользоваться своей, большой, удобной. Уговор был такой – одну неделю баню топит семья Верхотуровых, другую – мы. Как мне нравилась та суббота, когда нам нужно было приготовить баню, и на Ангару за водой несколько раз сбегаешь к проруби, веники надо распарить...после бани – чай с травами и вареньем.

Диденко Надежда Алексеевна – учительница начальных классов. Приехала с подружкой, Элиной Штайнметц, из Средней Азии (Чимкент), так и говорили: «за романтикой». Надежда училась заочно на филологическом факультете Красноярского пединститута. Была очень начитана, неплохо знала не только русскую классику. Много декламировала наизусть стихов. Речь – очень грамотная, её всегда было приятно слушать. От Надежды всегда исходили уверенность, как от человека, который знает, чего она хочет. Не было торопливости, суждения взвешены, мысль ясная. Мне очень импонировали её тонкое чувство юмора, оригинальность мышления. Именно Надежда была инициатором поэтических вечеров, которые мы проводили в сельском клубе, она писала сценарии к различным мероприятиям.

Часто, очень часто, бывало, растопив печки, мы усаживались кружком, не зажигая лампы, и пели песни: «Ты у меня одна, словно в ночи луна...», «Светит незнакомая звезда...», «Лётчик над тайгой точный путь найдёт...». Из неё получился весьма толковый завуч одной из средних школ в Кюдинске.

Штайнметц (в замужестве Шубина) Элина Викторовна вела уроки немецкого языка и была организатором внеклассной работы. Училась заочно в Иркутском институте иностранных языков. Элина – чистейший холерик, в её голове – «вихрь» идей, внутри – неутомимая энергия, увлекающая других в деятельность. Умела зажигать. Очень эмоциональная, открытая, неутомимая. Могла делать сразу несколько дел. Ей всегда не хватало часов в сутках, вечно в движении, вокруг неё и стар, и млад, – для каждого найдёт и время, и доброе слово. Чистюля, аккуратистка – типичное немецкое качество. Была однажды у неё в гостях в п. Таёжный Кежемского района – какая замечательная хозяйка!!! Ныне Элина живёт в Германии.

Лысова Вера Петровна (в замужестве Гетманова) – учитель математики. Писаная русская красавица, с волнистыми волосами, яркими пухлыми губами, статная. Смешливая, но немного скрытная. Очень хорошо пела. Уживалась со всеми, даже намёка на конфликтность не было. Умела хранить тайны. Одно время проживала в п. Таёжный Кежемского района, а где она сейчас – не знаю.

Козлова Валентина Ивановна (в замужестве Черных) вела уроки химии и биологии. Худенькая, стройненькая, светленькая. Да, не очень многословная, несколько сдержанная, но в споре весьма принципиальная. И к ученикам, и к нам, а, главное, к себе, была требовательной, порой, казалось, излишне. Пунктуальна. С такой только и ходить в разведку. После Фролово жила и работала в школе с. Паново.

Черных Фаина Александровна – учитель русского языка и литературы, жена директора. Как говорится, статус несколько влиял на её отношение с нами, молодыми. Конечно, мы не были так говорливы при ней, не все свои «секретики» выдавали. Но отношения были деловые, корректные, ей удалось сохранить баланс между мужем-директором и остальным коллективом. Сухощавая, с короткой стрижкой, с милой улыбкой, доброжелательная, внимательная. Иногда скажет: «Девчонки, посоветуйте что-нибудь прочитать современное», – хотя мы знаем: семья достаточно выписывала периодической печати,

и толстые журналы не были закрытыми для нас. В учительской часто вели разговоры с Фаиной Александровной про смысл жизни, она по-женски нам давала весьма дельные советы. Где сейчас Фаина Александровна, не знаю.

Карнаухова Полина Павловна – учитель математики. Местная, фроловская. Жила с мужем и свекровью. Обременена бытом. Строгая женщина, требовательная учительница. На посиделки с нами у неё не было времени, всегда торопилась домой, к хозяйству, к плите...

И я, Славская Фаина Ивановна. По специальности учитель истории и обществознания. Во Фролово дополнительно вела уроки географии, уроки немецкого языка в 5 классе, домоводство и физкультуру.

Итого, девять педагогов на менее чем сорок учащихся Фроловской восьмилетней школы.

Вот такая романтика.

ЗВЁЗДЫ СОШЛИСЬ ВО ФРОЛОВО

*От себя не убежишь, как ни пытайся,
От тюрьмы и от сумы не зарекайся.
Наши встречи и потери не случайны,
Жизнь останется для всех великой тайной.*

Валентина Басова

И хотя я прожила во Фролово всего один учебный год, слово «Фролово» звучит своеобразным камертоном в моей душе. Ничего не забывается и спустя почти полвека. Да, Фролово для меня какая-то тайна, мистика. Итак, в хронологическом порядке.

1. В 1970 году в августе меня очень настойчиво приглашали в школу п. Усть-Нера на Индигирке (Оймякон, Якутия). Показали квартиру, отдельную. Сказали, какую я буду получать зарплату с учётом немислимых северно-полярных коэффициентов, рассказали о сногшибательных льготах... Отказалась, ведь меня ждал Кежемский район. Я ещё не знала, что будет Фролово. Что это было? Тайна.

2. Меня зовут Фаина. Согласитесь – имя редкое. И ребёнком, и школьницей, и студенткой, и в археологических экспедициях, и в каких-либо компаниях, вплоть до сего дня, находясь уже в элегантном возрасте, с именем «Фаина» я всегда была единственной. Кстати, по отцовской линии мои корни польские, сандомирские, что на Львовщине (Западная Украина). А вообще, Славские – из Пшемисля (Краковское воеводство). Герб наш – ШЕЛИГА. И если в Центральной и Восточной Украине говорят: «х(г)арна дивчи(э)на», то на Западе Украины – «ф(а)эйна дивчина». Вот почему я Фаина. Дед настоятельно советовал моему отцу назвать меня таким именем.

Во Фролово, где население было около девяносто человек, нас было ТРИ Фаины. В школе: Фаина Александровна (ФАНСАННА) – жена директора, учитель русского языка; я – Фаина Ивановна (ФАНВАННА) и Фая – медичка (Фаина-фельдшер). Так сошлись звёзды.

3. Приказом краевого отдела народного образования меня распределили в Проспихинскую среднюю школу. Было дано разъяснение, что по закону, в случае непредоставления

полной нагрузки (18 недельных часов) по специальности, я имею право не ехать к месту и вернуться в Красноярск за другим предложением или устраиваться самостоятельно. Во Фроловской школе часов истории было ровно полставки, остальное – предметы, к которым я никаким образом отношения не имела. У меня было полное право из Кежмы улететь в Красноярск. И что меня утром понесло на «кукурузнике» во Фролово? Можно было бы улететь и в Красноярск. Судьба?

Замужество

4. В сентябре 1970 года, как я прилетела в деревню, из Заозёрного на помощь в копке картофеля своей старенькой маме прилетел парень, работавший на Ирша-Бородинском разрезе. Уроженец, естественно, села Фролово. Познакомились...улетел...перелетел жить и работать в Богучаны... В итоге, в 1971 году я перевелась на работу в Богучаны, и Парфёнов Владимир Иванович стал моим мужем. Родилась дочь. 20 сентября 1974 года в возрасте двадцати семи лет Владимир скоропостижно скончался в Богучанской больнице, пробыв в ней около одного часа. Нашей дочери не было трёх лет...

Через несколько лет я повторно вышла замуж. Верхотуров Валентин Афанасьевич был богучанец, преподавал автодело в школе и ПТУ, разведённый. Когда дело дошло до «Давай поженимся», я посмотрела его паспорт и несколько «дыханье перехватило»: место рождения – село Фролово Кежемского района. Правда, его семья выехала из Фролово, когда мальчику было три года. Но сам факт рождения моих мужей в одном селе, на острове...на границе с Иркутской областью... Валентин умер 4 февраля 2003 года в возрасте шестидесяти трёх лет в Богучанской больнице, не приходя в сознание.

Звёзды сошлись? Или звёзды разошлись?

КОЕ-ЧТО О ЖИТЕЛЯХ ФРОЛОВО

Деревенька находилась на острове, располагалась «мысочком» между Ангарой и протокой, разделявшей её от острова, где когда-то была деревня Савино.

Жители чрезвычайно чистоплотные. У домов – порядок, во дворах «даже иголку найдёшь, если потеряешь», стёкла окон чистые, занавески накрахмалены, в домах красивые половики, из «кути», как правило, отдельная дверь на хозяйственный двор.

Основная масса жителей не имели привычки запирать дом на замок, просто приткнув палочку к двери или воткнув её в накладку. Воровства не было.

Нас, молодых учительниц, опекали: предлагали молоко, сметану, творог, рыбу, мясо... за условную плату или просто так. Кино в клубе не начинали крутить, пока мы не придём. Так ещё и интересовались: «А такая-то что? Не придёт?». Мы, как могли, откликались: то поэтический вечер устроим, то вечер русского романса с пластинками и рассказами об исполнителях. Обязательно устроим своими силами небольшой концерт к красным датам календаря.

В деревне была всего одна машина – грузовичок, часто ломающийся, да пара тракторов. Свет от генератора лимитирован, на время перегонки молока на ферме. А если нам нужно отметить день рождения с музыкой (пластинки были), то ставили мотористу бутылочку и договаривались о дополнительном времени.

Ходили с учениками в поле приподнимать колоски после сильного дождя, чтобы их можно было убрать комбайном.

Однажды мальчишки позвали нас посмотреть на савинскую безлюдную деревню. Оттолкнулись шестом, переплыли через протоку и оказались на другом берегу. Многие дома довольно крепкие, стоят забитые, дворы заросли травой. Мальчишки частенько там играли в «войнушку». Однажды в подполье отвалилась часть сгнивших досок и выпал берестяной туесок. В холщовом мешочке, туго перевязанные, находились бумажные купюры. Там были и царские, и «керенские», достоинством даже в миллион, и деньги первых лет Советской власти. С интересом мы рассматривали, все, кто хотел, положил начало своим коллекциям. Сейчас многие купюры из «савинского клада» украшают экспозицию Богучанского краеведческого музея, куда я их передала. Кто был этот человек, который не истратил деньги на себя, на семью, на благотворительность? На что надеялся? Кто-то из мудрых говорил: «Не копи богатства на земле – всё истлеет. Копи богатства души».

А какими ловкими и смышлёнными были деревенские дети! Они и «мордочки» умели поставить. И с лодкой справиться, и рыбу вялить – солить – сушить, и с косой управляться, и дрова кололи... Нам подвезли дрова, мы только вышли их сложить, как набежали подростки, подтянулись мужчины, и вот она – красавица-поленница готова. Как только кто из нас выйдет расколоть чурку, тут же – помощники, мы только успеваем складывать под навесик поленья.

Весной, когда было много проталин на берегу Ангары, солнце начинало играть в лужах, весь остров «атаковывали» утки. Ни до, ни после я не видела такого количества уток... Мальчишки брали сетушки и ловили их. Повар интерната на ночь ставила в печь обработанные тушки, а в обед нас с чувством собственного достоинства приглашали интернатовские к столу, где была приготовлена утятина. Как это можно забыть?!

Самым важным и обязательным блюдом на столе по любому поводу, конечно, была рыба. Все ангарцы об этом знают.

ДИССИДЕНТ? БИЧ? ПРОСТО СЛАБЫЙ ЧЕЛОВЕК?

В крошечной деревне Фролово был дом, где жил один мужчина средних лет. Звали его Витя. Официально числился пастухом колхозного стада, но обязанности не исполнял. А что ходить за коровами – бычками, остров он и есть остров, куда бежать? Вернутся рано или поздно. Сослан был на «трудовое перевоспитание» из первопрестольного города Москвы за тунеядство как человек, позорящий облик столицы. Витя много читал в перерывах между запоями. Грязный, заросший... трясущийся, как-то под вечер забрёл к нам. Попросил занять рубль. У нас топилась печь, вскипел чай, угостили, он обмяк... Мы обратили внимание на грамотную речь: «конгломерат», «адаптация», «менталитет»... и т.п.

– Витя, расскажи о себе.

Слово за слово, и человек поведал, что выслан из Москвы в преддверии очередного съезда партии. В прошлом – капитан торгового флота, обошёл все моря и океаны, владеет двумя иностранными языками, была семья, но «зелёный змий» оказался сильнее его...

– Витя, расскажи про Ямайку.

– Нальёте рюмочку – я вам не только про Ямайку, но про Буркина-Фасо расскажу, а могу – про Индонезию и Филиппины.

Вот были и такие зимние вечера, когда при свете керосиновой лампы на глуховатом острове посредине Ангары мы расширяли свой кругозор не по официально опубликованным данным. Не было телевизора, связь с Кежмой только по рации, если нелётная погода, то и неделями «кукурузники» не летали... Витя давал собственные оценки, высказывал суждения, и мы понимали, что он настоящий диссидент.

Я из Фролово улетела летом 1971 года. Что стало с Витей, мне неизвестно. Горькая судьба этого человека время от времени всплывает в памяти. Особенно при чтении книг В. Аксёнова: «Ожог», «Одно сплошное Карузо», «Остров Крым».

Бывшие мои коллеги разъехались по разным местам. Сначала связь как-то поддерживали, но со временем «костёр без дровишек» стал угасать. Но в памяти всё-таки теплится уголёк и время от времени греет душу.

Никогда не жалеете о том, что случилось.

Иль о том, что случиться не может уже.

Лишь бы озеро вашей души не мутилось

Да надежды, как птицы, парили в душе.

Андрей Дементьев

г. Красноярск, декабрь 2015 г.

Кежемский ОАО

ВОСПОМИНАНИЯ КЕЖЕМСКИХ АВИАТОРОВ

В.Л. Сорокин

Начал работать в Кежемском ОАО с июля 1969 года вторым пилотом самолёта Ан-2. Первым командиром в экипаже был А.М. Врадий. Эскадрилью возглавлял Мельников Владимир Климентьевич, его заместителем был Максим Анатолий Александрович, командиром звена – Цыганков Николай Ермолаевич, командиром лётного отряда – Петриков Александр Иванович. Осенью вступил в должность новый командир ЛО В.Д. Агафонов.

В это время было много молодых командиров Ан-2: Ю.Ф. Постников, Л.И. Полушин, Д.А. Евплов, Ю. Карих, а также пришли молодые вторые пилоты Ан-2: В.В. Пичугин, Л.И. Кислухин, В.Н. Петренко, А.С. Кирилов, А. Силкин, А.В. Новокрещёнов. В октябре 1969 года КЛО В.Д. Агафонов и второй пилот А.В. Новокрещёнов не вернулись после выполнения задания – заблудились и сели на вынужденную. Искали их месяц, нашлись сами – вышли к охотникам.

Работы у экипажей зимой и летом было много. Приходили новые вторые пилоты, вводились в строй молодые командиры Ан-2: А.Г. Стеблецов, В. Байдан, Б. Исаков – с ними я работал в составе экипажа. Чуть позднее пришли вторые пилоты Ан-2: С.В. Масенко, В.И. Колпаков, В.М. Скурихин, С.М. Яковлев, А.М. Столбиков, П.А. Селиванов, Б.В. Чуйкин.

Осенью 1973 года мне доверили перевозку пассажиров на самолёте Ан-2 в качестве КВС, а вводил меня в строй командир звена Л.И. Полушин, который показал, на что способен Ан-2, вложил свой талант пилота-инструктора. С 1976 года работал командиром звена Ан-2, а с 1979 года – заместителем командира АЭ Ан-2, которую возглавлял А.Г. Стеблецов. Командиром ЛО в это время был М.М. Егоров, а затем В.И. Козлочков, Ю.А. Дорофеев, В.А. Извозчиков.

С 1981 года работал заместителем командира ЛО, когда командиром ОАО стал В.И. Лавренко. В новой должности мне пришлось осваивать Ми-8. Настоящие пилоты, пилоты-инструкторы передавали мне свой опыт: В.В. Накаряков, А.И. Петриков, Ю.А. Михайлов, Ю.Г. Карнаухов, Ю.А. Алесковский, В.Е. Кухарев. В 1990 году освоил самолёт Л-410. С 1993 года работал пилотом-инструктором на Ми-8, Л-410, Ан-2.

В 1994 году прекратил лётную работу. Был назначен начальником штаба ЛС, а затем – помощником командира ЛС. В 1999 году авиация «закончилась», и меня сократили подчистую!

Р.С. Самигулин

Мои воспоминания о Кежме, о работе в Кежемском объединённом авиаотряде (до этого он назывался 131-й ОАО)... Раньше гражданских лётных училищ не было. В 1952 году

начался выпуск пилотов из трёх лётных училищ: Сасовского, Бугурусланского и Краснокутского (Саратовская область). Было образовано ГУ ГВФ (Главное Управление Гражданского Воздушного Флота), а далее – Аэрофлот.

В Кежме до нас летали бывшие военные лётчики на самолётах По-2: Ковалёв, Серебряков, Печёнин, Попов, Карнаухов, Малыгин. В 1952 году в Кежму приехали пилоты: Туров Г.Ф., Цыганков Н.Е., Куркин Ю.С. В 1953 году: Петриков А.И., Рахимов Г., Орлов В., Бекбулатов А.Т., Иваньковский В. В 1954 году: Цедилин Л.Г., Карпов А., Самигулин Р.С.

Все мы жили в общежитии аэропорта, по три человека в комнате. Печное отопление, привозная вода, без ТВ и радио. Питались в столовой (1,2 километра от аэропорта), но в основном дома, всухомятку. Оклад был 690 рублей в месяц. Пока начали летать, прошло немало дней. Но вот и начались полёты!

В основном из училищ прибывали осенью. Скучота была преогромная, правда, не унывали, ходили гурьбой на танцы по субботам. На ботинки надевали «прощай, молодость» – это ещё одни войлочные ботинки с замком. Ходили также и в кино. Морозы достигали до минус 56 градусов.

Самолёты из Красноярска летали грузопассажирские, по три раза в неделю, билет стоил 370 рублей. Управление ГА в Красноярске находилось в двухэтажном деревянном доме по улице Вейнбаума, недалеко от речного вокзала.

Общаясь с коренным населением в Кежме, постепенно освоили местный диалект: «эвот, иди к лешаку, тошно мне, собачий» и т.д. Постепенно начали прибираться к рукам местных и приезжих невест. Многие уехали, испугавшись трудностей, только твёрдые пилоты – теперь уже «кежмари» – продолжали осваивать невест и территорию. Летали парами, по два-три, чтобы обеспечить безопасность полёта, на Ванавару, Стрелку, Муторай, Чемдальск. Самолёты были открытые, только с козырьком, позднее появились с выдвигаемыми колпаками. Связи не было.

Когда мы приехали, старшие пилоты в шутку давали нам клички. Александр Иванович меня назвал «Гришей», Карпова – «Карпо», Лёню Цедилина – «Умный» (хорошо играл в шахматы). Раньше пилотам каждый год полагалось быть на курорте. Вот я с Цедилиным в марте 1956 года слетали в Ялту через Москву, где у него «стиснули» кожаные перчатки.

Жили дружно, никакой «дедовщины» не было. Позднее все поженились: мы с Люсей, Петриковы, Цедилины, Туровы, Максины. Подружились и вместе, семьями, проводили праздники и дни рождения.

А.И. Петриков был заядлым рыбаком и охотником. У него была лодка и мотоцикл, три ружья: «тозка», одностволка и двустволка-«вертикалка» (самая первая из всех). Мы тоже рыбачили и охотились на досуге. Александр Иванович был командиром лётного отряда, в котором было две эскадрильи: самолётов Ан-2 и вертолёт Ми-1, Ми-4 и Ми-8. Он проводил большую работу среди пилотов по подготовке, обучению и воспитанию кадров. Отличался от других добротой, вежливостью, был требовательным, справедливым, отзывчивым учителем – «отцом русской авиации Кежемского авиаотряда», владел отличной техникой пилотирования, помогал комсоставу в различных вопросах: составление планов, подготовка к переучиванию, ввод в строй пилотов и бортмехаников, тренировки при снежном вихре, изучение особенностей полётов по сезону, организация полётов на оперативных точках в отрыве от базы, проверка бытовых условий пилотов, дисциплина,

облёт вертолётов после замены двигателя и агрегатов, отбивание лопастей на соконусность и т.д. Помню, как Александр Иванович твёрдо настоял на выделении мне улучшенной квартиры. Он был членом профсоюзного комитета и сказал, что пилотам – в первую очередь! Мы с огромной благодарностью вспоминаем его доброту и настойчивость.

Я летал на По-2, Як-12, Як-12А (скоростной). На вертолёте Ми-1 два сезона обслуживал метеоритную экспедицию на месте падения Тунгусского метеорита, севернее Ванавары (изба Кулика), и в Муторае (1962–1963 годы). Летал и на Ми-4, Ми-8. С 1965 по 1976 годы был заместителем командира АЭ. В период моей работы случались и ЧП.

В 1974 году купил трёхкомнатную кооперативную квартиру в Красноярске. В 1976 году переехал в Красноярск. Летал на самолёте Як-40 до 1989 года – до ухода на пенсию.

Мой общий налёт составляет 25 000 часов, стаж лётной работы – 35 лет, выслуга – 82 года.

Ноябрь 2015 г.

А.П. Гапоненко

1968 год. Я, молодой двадцатидвухлетний энергичный парень, после окончания курсов бортмехаников вертолёта Ми-4 был направлен в Кежемский ОАО. Первый свой полёт в качестве пассажира я совершил в 1964 году на самолёте Ту-104 из Ленинграда в Москву. Но тот полёт мне не так запомнился, как полёт до Кежмы. В феврале 1968 года я с моим коллегой В.П. Крюковым в 14.00 местного времени вылетели из Красноярска в Кежму на самолёте-«старичке» Ли-2. Я не знаю, какая была путевая скорость, но летели мы четыре часа. В полёте нас болтало, швыряло, то и дело проваливались в «воздушные ямы», а за окном – белая снежная пелена. Конечно, самочувствие было никчёмное.

Когда самолёт начал снижаться и заходить на посадку, мы увидели потрясающую картину: вдоль берега Ангары на несколько километров протянулось село, из печных труб почти каждого дома поднимались столбы дыма высотой десять-пятнадцать метров. После посадки нас встретил замполит, Куркин Анатолий Иванович, и когда он сказал, что температура минус 47 градусов, наше романтическое настроение пропало, появилось удивление, неуверенность: а что дальше, как же можно работать в таких условиях?!

Устроились в общежитие, там было чересчур жарко. «Проставились» коренным жильцам (хорошо, что были выходные дни) и с волнением стали ждать понедельника – первого рабочего дня на новом месте, в новом коллективе. Понедельник, как и ещё неделя, выдались морозными – за минус 50 градусов. Стоял морозный туман, полётов, конечно, не было. Лётный состав – пилоты вертолётов Ми-4 и Ми-1, самолётов Ан-2 и бортмеханики – занимался изучением документов, приказов и просто времяпровождением.

Когда морозы спали, мы сдали экзамен. С нами провели практическую лётную подготовку и допустили к самостоятельной работе бортмеханиками вертолёта Ми-4. Меня включили в состав экипажа КВС Ивана Ермолаева, второй пилот – С.М. Деев. Полёты до конца марта были эпизодическими: то – морозы, то – непогода, да и «заказчики» ещё не проснулись от зимней спячки.

И вот первая командировка на оперативную точку в Заледеево, работа на геодезическую экспедицию: развозили продукты, инструмент, вахты, керны от буровых установок. Площадки

располагались в тайге: Боровое, Огонь, Берямба, Пуня, и посадки на эти площадки требовали от экипажа мастерства. Тогда это были первопроходцы-изыскатели, занесённые снегами зимой и атакованные полчищами комаров, паутов и мошки летом.

Парк вертолётов был довольно скромным: пять вертолётов Ми-4, шесть-семь вертолётов Ми-1 и около десяти самолётов Ан-2. С наступлением тёплых дней все разлетались на оперативные точки: Ми-1 – в Эвенкию (Ванавара, Чемдальск, Байкит, Полигус, Оскоба), Ми-4 – на лесоохранные работы (также – в Эвенкию, по Кежемскому району и в Богучаны).

Работа была интересная и в то же время хлопотная. Работа на лесоохрану требовала от пилотов особого мастерства: облёты лесных пожаров, выполнение посадок и взлётов на лесные площадки, подобранные с воздуха, а также на скорую руку подготовленные парашютистами и десантниками-пожарными в глухой тайге, недалеко от очагов лесных пожаров, доставка и вывозка десантников и парашютистов, доставка продуктов и ёмкостей с водой. Экипажу необходимо было ещё до посадки всё взвесить и просчитать: сесть-то сядешь, но нужно ещё и взлететь. Мне с многими командирами вертолётов приходилось летать, и я с удовольствием и уважением вспоминаю таких пилотов, как Ермолаев И.Н., Киреев И.В., Соловьёв В.Н., Карнаухов Ю.Г.

А руководил лётным отрядом один из опытнейших пилотов, один из открывателей первых воздушных трасс ещё на самолётах По-2 и Як-12 А.И. Петриков. Командиром Кежемского ОАО был Г.Ф. Туров. Общий костяк опытных наставников составляли: А.И. Петриков, Р.С. Самигулин, Н.Е. Цыганков. Диспетчерскую службу возглавлял М.М. Столбиков.

Одной из проблем, которая мешала не только полётам Ан-2, но и авиасообщению с Красноярском, была весенняя и осенняя распутица: взлётно-посадочная полоса (ВПП) была грунтовая, и в эти периоды года из Кежмы и назад невозможно было вылететь из-за воды и грязи на ВПП. Чтобы как-то сократить и ускорить высыхание полосы, даже сушили её вертолётами, перемещаясь над ней на малой высоте, сметали воду метлами. Сейчас это кажется смешным («нарочно не придумаешь»), но в то время это было единственным, что мы могли сделать собственными силами. И мы не роптали, понимали, что надо!

Время шло быстро – я набирался опыта, и помогали мне в этом опытные бортмеханики: Дружинин Николай и Семёнов Вадим Васильевич. Произошло изменение и вертолётного парка: на смену вертолётам Ми-1 и Ми-4 поступили вертолёты первого класса – Ми-8 («Василиса Прекрасная» – так между собой называли этот вертолёт пилоты).

Первыми бортмеханиками на этом прекрасном вертолёте были Хлопов Геннадий Михайлович и Семёнов Вадим Васильевич, затем переучились и продолжили работу в Кежемском авиапредприятии я, Анохин Борис Григорьевич, Зотов Георгий Сергеевич, Ткач Виктор Тимофеевич, Крюков Владимир.

Командирами вертолётов Ми-8 стали самые опытные пилоты с вертолётов Ми-4 и Ми-1: Карнаухов Юрий Георгиевич, Петриков Александр Иванович, Евтушенко Михаил Михайлович, Алесковский Юрий Александрович, Уваров Александр, Михальчук Виктор, Ветлугин Анатолий, Тарасов Николай Владимирович, Кухарев Владимир Ефимович и др.

Хочется отметить работу на Сахалине, те чувства, которые ощущаешь, когда там работаешь: побережье Охотского моря, дальше – только наши Курилы, а там – уже Япония, а до Москвы.....

Кежемское авиапредприятие, входящее в состав Красноярского УГА, ритмично развивалось, требовались реконструкция ВПП и расширение типов ВС, выполняющих полёты в Кежму. Пассажиропоток постоянно увеличивался не только за счёт местного населения, но и за счёт новых организаций по подготовке ложа водохранилища будущей Богучанской ГЭС.

Была построена бетонная ВПП, пассажирские перевозки в Красноярск, Богучаны начали выполняться на самолётах Як-40 и Ан-24. Пассажиропоток стал таким, что из Красноярска выполнялось по четыре-пять рейсов ежедневно. Одним из запоминающихся событий был приём самолётов Ил-18 и Ил-76 в зимнее время, для чего ВПП удлинялась и укатывалась до самых границ деревни.

Но не только работой и выполнением производственных планов жил коллектив аэропорта: после трудовых дней собирались на стадионе «Авиатор», играли в волейбол «на вылет» по три-четыре команды, гоняли в футбол, играли в городки, а потом шли купаться на Ангару (пятьдесят-семьдесят метров от стадиона). Регулярно проводились спартакиады и соревнования между Кежмой и Богучанами, и всегда побеждали «кежмари»! Испытывали чувство глубокой радости, когда во время смотров художественной самодеятельности на сцену выходили тридцать молодых парней и женщин в наглаженных костюмах с блестящими пуговицами, в белых сорочках под галстуком! Все зрительные места были заполнены до предела – ведь выступал «Аэропорт»!

Среди местного населения и организаций работники авиапредприятия пользовались уважением. Во всех (как принято было тогда) социалистических соревнованиях аэропорт неизменно занимал первые места, а иначе и не могло быть, – так высоко мы котировались!

Шло время, старел и списывался самолётный парк Ан-2, требовалось его обновление. В то время этими вопросами занималось Красноярское УГА, и вот поступили первые самолёты Л-410. Они начали выполнять полёты в Красноярск, Богучаны, Кодинск, Усть-Илимск, Братск. Началась новая светлая полоса в деятельности предприятия. В это время быстрыми темпами идёт строительство Богучанской ГЭС и города Кодинска, что значительно увеличивало пассажиропоток.

Постепенно началось перебазирование авиационной техники и технической базы в Кодинск, одновременно происходит перевод финансового отдела и отдела кадров на новое место. Командиром авиапредприятия в это беспокойное время был Скурихин Владимир Михайлович. До перевода техники и аппарата управления в Кодинск большую работу по подготовке аэропорта [в Кодинске] к работе провёл Зайферт Владимир. Всё шло хорошо, все были довольны: и работники аэропорта (работой и жильём обеспечены, зарплата достойная), и жители Кодинска (бесперебойная и доступная связь с Красноярском и далее по России).

Но после взлёта началось падение, развал предприятия. Ан-2 старели и списывались, Л-410 выработали свой ресурс и требовали дорогостоящего ремонта, Ми-8 также вырабатывали ресурс и требовали ремонта на заводе. Своими силами такие расходы авиапредприятие выдержать не могло – начались распродажа и списание авиационной техники. И вот уже в аэропорту осталось три вертолёта Ми-8, несколько Ан-2. Полёты в Кодинск на Як-40 прекратились, и из бывшего процветающего Кежемского авиапредприятия осталось только название аэропорта – «Кодинск».

Прошли, пролетели годы, которые состарили тех «боевых парней», многие из которых ушли в мир иной. В 2015 году не стало старейшего лётчика А.И. Петрикова. Чуть раньше ушли из жизни Г.Ф. Туров, А.А. Максин. Вместе с ними ушла целая эпоха, связанная с некогда успешным, известным и процветающим Кежемским авиапредприятием.

Я проработал в Кежемском ОАО тридцать лет, из них двадцать лет – на лётной работе и десять лет – на руководящих должностях.

P.S. Горько сознать, что не только не стало Кежемского авиапредприятия, но и села, давшего название аэропорту и району, погребённого под водами Богучанского водохранилища. Судьба разбросала по городам и весям бывших работников авиапредприятия, остались отдельные «брызги», которые иногда встречаются, созваниваются по телефону и с восторгом вспоминают времена былые...

Красноярск, февраль 2015 г.

Н.П. Королёв

Родился в 1951 году в селе Зареченка Тухтетского района Красноярского края. После школы поступил в Бугурусланское ЛУ ГА (4-й отряд). В 1971 году, после окончания училища, был распределён в 131-й ЛО Кежемского ОАО. В Кежму приехал в августе и был принят на работу вторым пилотом самолёта Ан-2.

Командиром АЭ был Цыганков Николай Ермолаевич. Вместе со мной приехали вторые пилоты: Кардаш Н.И., Колпаков В.И., Скурихин В.М. и Яковлев С.М. Заместителем командира АЭ был Егоров Михаил Михайлович (сильно курил и ругался матом). Командиром ЛО был Фросенюк, командиром звена самолётов Ан-2 – Полушин Н.

Первым моим командиром был Галимов Александр Хайдарович, а также Байдан В.Ф., Евцлов Даль Антонович и Лагошин Владимир. Кардаш стал летать с Постниковым Юрием Фёдоровичем, Скурихин – с Корчугановым Алексеем, Яковлев С.М. – с Евцловым Д.А.

В 1972 году пришли молодые пилоты: Сизых Г.Н., Климов В.М., Брюханов Костя (второй раз потерялся с Агафоновым, позднее заболел и умер). Опытными КВС в то время были: Кудряшов Вячеслав, Стеблецов А.Г., Исаков Борис, Серебряков Юрий...

Во время работы в Кежме со мной вторыми пилотами летали: Столбиков А.М., Бессикерных В.И., Фролов Н.В., Репет Валерий, Данилов Николай, Ячменёв Анатолий. Вводил в строй командирами Ан-2: Даммер С.Е., Журавлёва Евгения, Тихонова А.П., Филиппова Ю.М., Шпака Александра.

Жил в общежитии три года. Потом женился на местной девушке и стал жить у тётчи, в районе ветлаборатории. Квартиру получил в 1978 году. В 1976 году родился первый сын, а в 1980 году – второй. В феврале 1981 года переехал в Богучаны. С 1983 года работал командиром звена самолётов Ан-2 в Богучанской ОАЭ. Закончил лётную работу 1 апреля 1995 года, налетав за двадцать четыре года 14 500 часов. В настоящее время работаю в Богучанском аэропорту.

С.М. Фигурин

Родился 31 декабря 1939 года в г. Горьком. Вклад в Великую Победу ограничился сбором колосков в деревне, куда был отправлен в связи с бомбёжками Горького. В 1945 году глубокой осенью переехали в Донбасс – отца направили на восстановление шахт как «врага народа». В 1949 году вновь вернулись в Горький.

В 1956 году закончил школу и, после неудачных попыток поступить в институт и речное училище, устроился на завод машиностроения, где прошёл путь от ученика слесаря-инструментальщика до слесаря 4-го разряда. За время работы на заводе побывал на целине – «стройке коммунизма». В 1958 году закончил аэроклуб и поступил в военное училище.

В 1960 году произошло грандиозное сокращение ВВС СССР (на 1 миллион 200 тысяч человек), в основном, за счёт лётного состава. В систему Аэрофлота на лётную работу не брали – для этого нужно было закончить училище или специальные курсы. В сентябре 1960 года начальник отдела кадров КрУГА Дубынин набирал лётный состав в Центральной части России, но пока только на наземную работу, с дальнейшим переводом на лётную в централизованном порядке.

Так я попал в Кежемский авиаотряд мотористом самолёта Як-12, а затем – механиком. Учителем моим был Солдатов Юра. В январе 1961 года был направлен на переучивание в Краснокутское ЛУ по курсу КВС самолёта Ан-2. Так я стал лётчиком ГА. За время работы в Кежме освоил самолёты Як-12, Ан-2 и вертолёт Ми-4, на котором отработал один лётный сезон.

В 1964 году переучился на самолёт Ли-2, но вновь вернулся в Кежму. Работу и жизнь в Кежме вспоминаю только с хорошей стороны: молодость, увлекательная и интересная работа, общественная и комсомольская работа, спортивная жизнь.

В 1968 году переехал в Красноярск. Освоил самолёты Ли-2, Ан-24, Ан-12 и Ил-76. На самолёте Ан-12 выполнял полёты по обслуживанию пяти высокоширотных экспедиций в район СП.

На Ил-76 летал в Ванавару, Туру, Чиринду, о. Средний, о. Большевик, Кабул и т.д. Общий налёт составляет 21 500 часов. Награждён орденом Почёта, отличник Аэрофлота, медалью «Ветеран труда» и медалью ветерана ВД. Закончил лётную работу 15 октября 2002 года.

В.К. Мельников

Мельников Владимир Климентьевич родился 16 августа 1937 года в селе Машково Новосибирской области. После окончания средней школы закончил Шахтинское ремесленное училище и стал слесарем. Затем поступил в Батайское высшее лётное училище, проходил комиссию в отряд космонавтов, но так как был курсантом, его не приняли – брали уже действующих пилотов.

После известного сокращения армии и военных училищ в 1959 году приехал в с. Бражное Канского района, где устроился в школу учителем. Владимир Климентьевич был хорошо подготовлен физически, занимался спортом, был теоретически грамотным. В школе он преподавал немецкий язык, математику и физическую культуру.

Поработав учителем, он обратился в Красноярское управление ГА с просьбой трудоустройства по специальности и получил положительный ответ, но с условием, что он должен будет отработать на земле, помогая в обслуживании и подготовке к вылетам самолётов.

И 8 марта 1961 года В.К. Мельников был зачислен в штат 131 лётного отряда на должность авиамеханика. 4 ноября 1961 года он с отличием окончил Кировоградскую школу

Высшей лётной подготовки по курсу КВС самолётов Ан-2, и 15 июня 1961 года назначен вторым пилотом в 131-й Кежемский лётный отряд.

8 ноября 1961 года женился на прекрасной женщине, спутнице всей его жизни – Мельниковой Любови Егоровне, с которой 29 декабря 1961 года приехал в Кежму.

В то прекрасное время, вспоминает Любовь Егоровна, жили с хорошим настроением, светлыми мечтами о будущей жизни, дружили с молодыми авиационными семьями: Петриковыми, Максинами, Туровыми и т.д. Вскоре в семье появился на свет сын Андрей.

Первым командиром у Мельникова был Карнаухов, Максин. Вторых пилотов было по два-три человека на одного КВС, но летали много. Владимир Климентьевич быстро был введён командиром самолёта Ан-2, а затем, в 1965 году, назначен командиром 1-й АЭ самолётов Ан-2.

В свободное от работы время Мельников В.К. принимал участие в художественной самодеятельности, был заядлым рыбаком и охотником.

Так продолжалась жизнь. В 1969 году В.К. Мельников переучился на самолёт Ил-14, и в 1970 году семья переехала в Красноярск. В 126-м ЛО Владимир Климентьевич летал на самолётах Ил-14, Як-40 и Ту-154. С 1981 года работал КВС-инструктором Ту-154 в Абакане. На лётной работе находился до 1989 года, затем был списан врачами на «землю» и до 2002 года работал дежурным штурманом в аэропорту Абакана. За время полётов на самолётах не сделал ни одной царапины на них, летал очень грамотно и безопасно. Награждён нагрудным знаком «За безаварийный налёт 15 000 часов» и медалью «Ветеран труда».

До последних дней своей жизни любил рыбачить и находиться на природе. Умер в 2015 году. Похоронен в Абакане.

Любовь Егоровна (2 декабря 1940 года рождения) проработала в ГА до пенсионного возраста и уступила своё рабочее место в 1-м отделе аэропорта Абакан своей дочери. За многолетний добросовестный труд она награждена медалью «Ветеран труда» и нагрудным знаком «Отличник Аэрофлота». В настоящее время проживает в Абакане с дочерью и внуками.

И.А. Левандовский

Я, Левандовский Иван Альфонсович, родился 4 января 1938 года в г. Канске в семье рабочих. Отец и мать работали на Канском лесозаводе: отец – слесарем, мать – пилорамщицей. В марте 1938 года отца арестовали, и в мае тройка приговорила его к расстрелу. 27 ноября приговор был приведен в исполнение. Впоследствии был реабилитирован.

Учился я в школах 1-й, 4-й, 21-й, где в 1955 году закончил 10 классов. Жили бедно, поэтому после 7-го класса летом работал на Канском гидролизном заводе – разгружал древесную щепу из железнодорожных вагонов. После 7-го класса был в рядах ВЛКСМ. После окончания школы поступил в Сасовское лётное училище Рязанской области (приёмная комиссия работала в г. Иркутске), поскольку там было бесплатное обмундирование и питание. Прибыл в Сасово с опозданием, так как мне забыли прислать

вызов. С 1955 по 1957 годы был курсантом лётного училища, старшиной лётной группы. Училище окончил на «отлично» на самолётах По-2 и Як-12. По распределению прибыл в Красноярское УГА, а далее – в Кежемский 131-й ЛО. В Кежме проработал до 1959 года, затем перевёлся вторым пилотом на самолёт Ан-2 в 188-й ЛО Красноярского ОАО в авиазвено, базирующееся в г. Канске, где жила моя мама. На Ан-2 переучился в 1958 в УТО-14 г. Красноярска. УТО-14 находилось тогда на проспекте Мира, 112, где сейчас размещается Управление ГА, на 4 этаже, а жили в подвале управления. В Канске ввёлся командиром самолёта Ан-2. В 1961 году стал пилотом-инструктором, занимался вводом в строй пилотов на Ан-2.

В 1961 году женился, год спустя у меня родилась дочь. В 1963 году был направлен для переучивания на самолёт Ил-14 в Кировоградскую школу высшей лётной подготовки, которую закончил с отличием. После окончания прибыл на работу в г. Красноярск в 126-й ЛО, перевёз семью из Канска. Жильё снимал в Покровке, в частном доме. Жили в маленькой комнате. На ночь убирали стол и на это место ставили кровать дочери. Зарплаты 120 рублей явно не хватало. Допуск к полётам на Ил-14 необоснованно затягивался. Были сплошные зачёты и занятия, но не полёты.

В октябре был приглашён в Управление, и мне было предложено поехать в Туру заместителем командира Туринской ОАЭ. Я согласился. Работа в Туре замом, а затем командиром, была очень хорошей школой. Сделано было в Туре много. Ввёл в строй немало КВС Ан-2, освоили полёты ночью (зимой день на Севере очень короткий), построили аэровокзал в Туре, ВПП для Ан-2 в Тутончанах, Чиринде, Кислокане, КДП в Байките и т.д. Большим событием было введение в строй 16-квартирного дома с централизованным отоплением. В Туре освоил полёты на Ан-2 (гидро), на поплавах. Поступил на заочное отделение Киевского института ГА, но так как у меня заболела дочь (пропал слух), то вынужден был принять предложение – перейти на заочное отделение ВАУГА в Ленинграде, чтобы иметь возможность для лечения дочери. ВАУГА закончил в 1970 году с отличием и был направлен в Красноярское УГА в 126-й ЛО на должность заместителя командира 126-го ЛО. Но, в связи с интригами в ОК УГА, я был зачислен в штаты 126-го ЛО рядовым командиром самолёта Ил-14. В 1971 году я был назначен заместителем командира 126-го ЛО, а затем командиром 126-го ЛО. В отряде освоил самолёты Ли-2 и Як-40. Отряд переходил на массовое освоение Як-40.

В 1971 году, после ликвидации Полярного Управления, мы приступили к освоению ледовой разведки в западном секторе Арктики и с 1972 года – к выполнению высокоширотных воздушных экспедиций (ВВЭ). Базировались самолёты Ил-14 на острове Диксон. Работали совместно со штабом морских операций. Начиная с 1973 года, все ВВЭ проводились под руководством работников Красноярского УГА. Описание работ в Арктике достойно изложения в хорошей книге. Было всё: и первичные посадки на дрейфующий лёд на самолётах Ан-2, затем на вертолётах Ми-8, и строительство ледовых ВПП. Теряли самолёты Ан-12 и Ан-2. Освоили полёты на дрейфующие ледовые ВПП на самолёте Ил-18. Даже на СП-22 построили ВПП для приёма самолёта Ил-76. Даже группой самолётов Ан-2 из 7 единиц спасли СП-19, когда там разломало ВПП и льдину станции. Много ярких страниц можно написать про Арктику...

В 1974 году я был назначен начальником ЛШО (лётно-штурманского отдела) Управления ГА. В этот период шло бурное освоение новой техники. Освоил полёты на вертолёт

Ми-8, занимался созданием Диксонской АЭ, освоением новых видов работ на вертолёте: осуществлял монтаж антенн, устанавливал трубы, вентиляторы, перевозку грузов на внешней подвеске в Норильске, Надежде, Красноярске и т.д. Впервые в СССР освоили посадки вертолётов Ми-8 на палубы ледоколов.

В 1976 году был назначен первым заместителем Красноярского УГА. В 1979 году заочно закончил Красноярский госуниверситет, получив диплом юриста. Данное образование очень помогло в дальнейшей работе.

Началось освоение новых аэропортов на Як-40. Мною выполнялись все технические рейсы: Идра, Краснотуранск, Заозёрка, Канск, Козинск, Богучаны, Ачинск, Кызыл и т.д. Практически в каждом районном центре были построены ВПП с искусственным покрытием под Як-40 и Л-410. В 1977 году переучился на Ту-154, и началось его освоение на воздушных трассах СССР и за рубежом. Выполнял технические рейсы: Благовещенск, Мирный, Енисейск, Абакан, Кызыл и т.д. Ввёл в строй десятки пилотов на Ту-154, освоил полёты без штурмана в составе экипажа по 2-й категории ИКАО, приступили к полётам в Мали (г. Бомако). Было очень много работы, намечались большие перспективы, организовывались новые лётные подразделения. В то время приходилось бывать в командировках иногда по 286 дней в году. Из-за нехватки лётного состава занимались первоначальной подготовкой пилотов, для этого была организована лётно-методическая АЭ при УТО-14.

С получением самолётов Ту-154 встал вопрос о переносе аэропорта из города. Было выбрано место и началось строительство аэропорта Емельяново. Развернулась большая работа по освоению нового типа самолёта – Ил-76. Впоследствии все самолёты Ан-12 были переданы в Норильское авиапредприятие, а Красноярск эксплуатировал самолёты Ил-76 (всего их стало 12 единиц).

Продолжалось строительство аэропорта Алыкель, происходило изменение парка ВС в КрУГА. В то время эксплуатировалось пятнадцать типов ВС, я выполнял полёты на десяти типах: По-2, Як-12, Ан-2, Ли-2, Ил-14, Як-40, Ту-154, Ил-62, Ил-76, вертолёт Ми-8. В связи с изменениями структуры Управления был назначен заместителем начальника КрУГА по организации лётной работы. Получал регулярно как и награды, так и взыскания. В 1978 году за безаварийную работу Управлению было вручено Переходящее Красное Знамя ЦК КПСС, СовМина и ВЦСПС.

Жизнь не стояла на месте. Приходилось много учиться, чтобы идти в ногу со временем – окончил институт международных отношений, ездил на практику в Японию, Америку, Германию.

В 1985 году, после катастрофы самолёта Ту-154, был снят с должности ЗНУ по ОЛР и назначен командиром УМАЭ УТО-14. В 1986 году был назначен командиром Красноярского ОАО – это время строительства аэродрома Емельяново. Продолжал выполнять полёты. Работа командиром ОАО была интенсивная.

В 1988 году мне было присвоено почётное звание «Заслуженный пилот СССР». Много летал, много строил, много готовил лётного состава. Строительство вокзала, ВПП, РСУ, котельной, грузового комплекса и т.д. – это лишь малая толика всей работы. В 1989 году был избран начальником КрУГА, в этой должности проработал до 1996 года.

Работа в Управлении совпала с перестроечным периодом, созданием концерна «Красноярские авиалинии», распадом единой системы управления авиапредприятиями. Много решений, событий, конфликтов, реорганизаций.

В личной жизни: защитил диссертацию на кандидата технических наук, принимал активное участие в создании института ГА при аэрокосмическом институте, преподавал в СибГАУ, являюсь профессором СибГАУ. В 1996 году по предложению директора Г.Н. Зайцева ушёл с занимаемой должности. Работал в авиакомпаниях «Сиб-Авиатранс» и «СКОЛ».

В настоящее время возглавляю методический отдел в авиакомпании «АэроГео». За время работы в авиации освоил 10 типов ВС, налетал более 23 000 часов, ввёл в строй на освоенных типах сотни КВС. Работа, кроме выговоров, отмечалась и поощрениями: награждён орденом «Знак Почёта» за проводку атомного ледокола «Арктика» к Северному полюсу, присвоено звание «Заслуженный пилот СССР», «Почётный полярник», медалью «Ветеран труда», «Отличник Аэрофлота», занесён в Книгу Почета Аэрофлота, награждён многими почётными грамотами и знаками.

С.А. Петриков

Родился я 15 января 1957 года в Кежемской ЦРБ. Мой отец, Петриков Александр Иванович, с 1953 года был пилотом 131 лётного отряда, а мама – фельдшером-акушером Кежемской ЦРБ. Жили мы сначала в районе больницы, а затем переехали в район аэропорта. С раннего детства меня окружала дружная компания пилотов и техников. Слушая их рассказы и разговоры, я, не задумываясь, определил для себя, кем я буду, когда стану взрослым.

Кроме этого, с пяти-семи лет мой отец привил мне любовь к рыбалке, охоте и технике. Я, как привязанный, был почти всегда рядом с ним. Он был прекрасным лётчиком, учителем и любимым отцом. В 1964 году я поступил в первый класс начальной школы, которая находилась приблизительно в центре села, в 2,5–3 километрах от «порта» (так назывался район Кежмы, где жили семьи лётчиков, техников и работников аэропорта). В этом же году у меня появился младший брат Александр.

Жили дружно, работали, учились, садили огороды, занимались рыбалкой, охотой, художественной самодеятельностью, ходили на демонстрации, активно занимались спортом на «портовском» и «школьном» стадионах. Проводились спортивные соревнования по футболу, волейболу, лёгкой атлетике, городкам, баскетболу и другим видам спорта. В зимнее время заливали каток на стадионе и чистили лёд на реке. Играли в хоккей и при низких температурах, когда не учились, а не учились 1–2 классы при температуре минус 40–41, а кто постарше – при более низких температурах. Учился на «хорошо» и «отлично». За хорошую успеваемость в шестом классе был премирован путёвкой в международный пионерский лагерь «Артек».

В школе был очень большой коллектив прекрасных и талантливых учителей, по всем предметам без исключения. Уровень подготовки учеников КСШ был высоким. Хочется отметить прекрасного учителя труда Померанцева Любомира Семёновича, который так профессионально и увлекательно поставил учебный процесс, что большинство ребят с нетерпением ждали его уроков и общения с ним. Он научил нас в раннем возрасте обращаться со столярными и слесарными инструментами, оставаясь после уроков, сидя у большой горячей печи, сделанной из обычной железной бочки, на которой стояли

банки – «бани» с деревянным клеем, издающие приятный запах, затаив дыхание, слушали его рассказы про войну и случаи из жизни. Любомир Семёнович научил нас изготавливать табуретки, лавки, столы, разделочные кухонные доски, вытачивать на токарных станках скалки и «толкушки», фигурные ножки для столиков и многое другое. Много воспоминаний и хороших слов хочется сказать о прекрасных учителях: Карнаукове Алексее Фёдоровиче, Усольцевой Клавдии Григорьевне, Новосёловой Надежде Васильевне, Карнаукове Константине Сергеевиче и многих-многих других, встречу с которыми мне подарила жизнь.

В 1972 году отец переучился на самолёт Ил-18, и наша семья в 1973 году переехала в Красноярск, где была построена кооперативная квартира на правом берегу, в районе станции «Енисей». Основным инициатором переезда в город была мама. В 1974 году я закончил 10-й класс школы № 62 с общим баллом 4,7 и поступил в Бугурусланское лётное училище ГА.

Учёба в училище и полёты давались мне без особого труда, учился с большим желанием – быстрее закончить обучение и приехать работать на родину, в Кежемский ОАО. В 1975 году отец, полетав на Ил-18 и поняв, что это для него не по душе, принял решение вернуться в Кежемский отряд, к родной малой авиации, к любимой Ангаре, к коллективу пилотов, с которыми работал долгие годы. 15 сентября 1976 года я закончил БЛУ ГА и был распределён в Красноярское УГА, а затем в Кежемский ОАО вторым пилотом самолёта Ан-2. 23 октября 1976 года я был допущен к производственным полётам вторым пилотом Ан-2 в составе экипажа КВС А.В. Загайнова и приступил к работе, о которой мечтал с раннего детства.

Рядом с отцом, который возглавлял вертолётную эскадрилью Ми-8 и Ми-4, работать было приятно и уверенно. Первое время я жил вместе с родителями. Много свободного времени уделял рыбалке и охоте. Осенью, в октябре–ноябре, уходя в отпуск, вместе с отцом и Нестеровым Макаром Мироновичем занимались промысловой охотой на белку и соболя на р. Юдакон, на выделенном и закреплённом за нами участке тайги между Кежмой и Ванаварой.

Вскоре после приезда из училища я пришёл в гости к своей бывшей однокласснице и увидел, что её младшая сестра, Цедилина Лена, стала совсем взрослой и красивой, короче, я влюбился. Мы начали дружить, она ещё училась в школе. После окончания школы Лена поступила в Красноярский кооперативный техникум, а 24 февраля 1979 года мы поженились.

В этом же году я переучился на вертолёт Ми-4, так как полёты и работа на вертолёте мне нравились больше. Программу переучивания проходил в Красноярске, при УТО-14, а отлёты в Богучанах с инструктором Нечайкиным Борисом Александровичем на посадочной площадке посёлка Красногорьевский.

Вертолёты и пилоты Ми-4 были переведены в Богучанскую ОАЭ. Перевели и меня, но семья осталась в Кежме. Жили мы с женой в квартире Лениной бабушки, Екатерины Ефимовны Карнауховой. Полетал я на Ми-4 недолго, так как их списали. Я и многие мои друзья были направлены в Кременчуг для переучивания на вертолёт Ми-8. После окончания курсов переподготовки я вновь вернулся в Кежму и продолжил работу вторым пилотом вертолёта Ми-8 в эскадрилье, которой руководил мой отец. Как и в раннем детстве, я по-прежнему был рядом с ним. В свободное от работы время мы вместе с ним продолжали заниматься рыбалкой и охотой. В ноябре 1980 года у меня родилась дочь Марина – жизнь продолжала радовать меня желанными событиями. Жили дружно,

обрастали хозяйством: построил баню, выкопал погреб, купил маленький мотоцикл, лодочный мотор «Ветерок», небольшой телевизор, а самое главное – получил трёхкомнатную квартиру около аэропорта.

Работа на вертолёт Ми-8 доставляла огромное удовольствие, моим первым командиром, а впоследствии и инструктором, был Тарасов Николай Владимирович – прекрасный учитель и хороший во всех отношениях человек. Бортмехаником был Ткач Виктор Тимофеевич.

Выполнение полётов давалось мне легко, всё получалось – сказывалась работа предыдущих учителей-инструкторов на Ан-2 и Ми-4: Загайнова А.В., Сизых Г.Н, Сорокина В.Л., Казанцева С.А., Верхотурова Н.Г. и многих других пилотов. Появилась, казалось, несбыточная мечта – стать командиром вертолёта! Но старшим лётным командиром – Ильинским Николаем Александровичем – по этому поводу было поставлено условие: командиром Ми-8, то есть техники 1-го класса, может быть пилот, являющийся членом КПСС и имеющий высшее специальное образование. Прислушавшись к словам командира, я подал заявление и был принят в ряды КПСС, а в 1981 году, сдав на «отлично» вступительные экзамены, поступил на заочное отделение ордена Ленина Академии ГА в г. Ленинграде. После этого я был допущен к прохождению программы ввода в строй командиром вертолёта Ми-8, инструктором был назначен Тарасов Н.В. После успешного прохождения программы ввода в строй в августе 1981 года я был утвержден командиром вертолёта Ми-8 в возрасте двадцати четырёх лет.

Конечно же, столь быстрому моему становлению способствовало то, что командиром эскадрильи Ми-8 был мой отец, но я всегда старался оправдать его доверие и не подводить его. Так началась моя самостоятельная и ответственная работа командиром вертолёта!

В 1982 году у меня родился сын Денис – я был безумно рад, что в нашей семье появился ещё один мужчина, возможно, будущий пилот.

В 1984 году я получил инструкторский допуск на вертолёт Ми-8 и самостоятельно начал тренировать и учить пилотов. В 1986 году в г. Ростове получил 1-й класс пилота ГА и позднее был назначен на должность командира звена вертолёт Ми-8. В этом же году врачи списали с лётной работы моего отца, он стал работать инженером-инспектором по БП. Жизнь продолжалась: росли мои дети, рядом со мной уверенно следовала по жизни моя жена Лена, разделяя со мной радости и неприятные моменты.

В 1987 году я был назначен командиром звена вертолёт Ми-8. Объёмы работ были большими, планировалось дальнейшее увеличение налёта часов на авиационных работах.

В 1988 году, будучи командиром звена Кежемского ОАО, принимал участие в поисках самолёта Л-410, потерпевшего авиационное происшествие – катастрофу в районе аэродрома Кюдинск. В сложных метеорологических условиях, ночью, самолёт был обнаружен – были спасены жизни оставшихся в живых пассажиров.

В 1989 году за выполнение благополучной вынужденной посадки в Проспихино из-за отказа в полёте двигателя на вертолёт Ми-8Т приказом Министра ГА награждён нагрудным знаком «Отличник Аэрофлота».

«Перестройка» и начало девяностых годов были отмечены резким падением объёмов авиационных работ. Прекращали работу экспедиции, законсервировались буровые вышки, а некоторые просто были брошены со всем оборудованием и техникой. Кежемский авиационный отряд и все службы постепенно перебазируются в Кюдинск.

Видя всё это, я принял предложение заместителя руководителя Красноярского Управления ГА Сергейкина Виктора Карповича о поступлении на работу в штат Управления ГА в Красноярске. В 1993 году был принят в отдел расследования авиационных происшествий и инцидентов Красноярского Управления ГА на должность главного пилота-инспектора. За период работы в Управлении я освоил новые типы авиационной техники: самолёты Ан-24 и Ту-154, прошёл подготовку и переучивание в США на вертолёт Bell – 407, получил специальную подготовку по расследованию авиационных происшествий и инцидентов.

В качестве председателя и заместителя председателя комиссий принимал участие в расследовании многих авиационных происшествий, за что был отмечен благодарностью начальника Управления Левандовского Ивана Альфонсовича, который сыграл главную роль в моём становлении как пилота-инспектора Красноярского УГА и всегда поддерживал меня во всех начинаниях.

С 1996 по 2008 год я как представитель Красноярского Управления принимал активное участие в подготовке, развёртывании и проведении девяти высокоширотных экспедиций на Северный Полюс, осуществляя Государственный контроль за безопасностью работ и полётов ВС. Под моим контролем не происходило авиационных событий и производственных происшествий. В 2006 году в составе экипажа вертолёт Ми-8МТВ-1 организовывал и принимал непосредственное участие в спасательных работах в районе мыса «Арктический» Северной Земли.

Полёт с целью эвакуации туриста, гражданина Швейцарии, выполнялся ночью, с подбором посадочной площадки на дрейфующем льду СЛЮ.

Ежегодно выполнял тренировки старшего лётного состава к полётам в Арктике с подбором посадочных площадок на дрейфующий и припайный лёд. В 1997 году в качестве КВС – инструктора на вертолёте Ми-8МТВ-1 в составе Российско-Британской экспедиции выполнял съёмочные полёты над «куполами» ледников архипелага Северной Земли и Земли Франца Иосифа. Имею допуск к полётам с посадками на борт морских судов.

Общий налёт в арктическом бассейне СЛЮ, Карского и Баренцева морей днём и ночью составляет 900 часов. Общий безаварийный налёт с начала трудовой деятельности составляет 14 500 часов. Прошёл специальную подготовку в Центре подготовки и повышения квалификации воздушного транспорта Академии ГА, где получил в октябре 1995 года сертификаты специалиста по обеспечению безопасности полётов и эксперта-аудитора по сертификации на воздушном транспорте. В 2006 году прошёл повышение квалификации в Московском Центре АСТСІКАО по программе «Screener Certification Programme Workshop» и в ФГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет ГА» по программе «Обеспечение безопасности полётов и инспектирование деятельности ГА». В 2006 году прошёл переподготовку на вертолёт Bell-407 в США, на котором выполнял полёты по перевозке пассажиров и больных по заявкам санитарной авиации.

В 2008 году перешёл на работу во вновь созданную А.Г. Мамаевым авиакомпанию «АэроГео» в должности заместителя ГД по организации лётной работы, затем – пилотом-инспектором ИБП.

Мой сын Денис в 2000 году поступил, а в 2005 году закончил Ульяновское ВЛУ и стал пилотом, продолжив дело, начатое прадедом, дедом (и дедом по линии матери) и отцом. В настоящее время он занимает командную должность в авиакомпании «ПОБЕДА»

в Москве, имеет три диплома о высшем образовании (с «красным» дипломом закончил РАКС Российскую Академию Государственной Службы). Воспитывает маленькую дочурку Зиночку.

В августе 2016 года указом Президента РФ В.В. Путина мне было присвоено почётное звание «Заслуженный пилот России». В настоящее время я продолжаю работать и выполнять полёты на вертолёт Ми-8 в авиакомпании «АэроГео».

Н.М. Сизых

...Жизнь моя, иль ты приснилась мне !..

С.А. Есенин

В Кежму я приехал в марте 1966 года, после окончания Выборгского авиационно-технического училища ГА, вместе с Кулиевым Вагифом под песню: «Всё ещё впереди, надейся и жди!..». До сих пор всё жду, только не могу понять, чего... – наверное, уважения государства к себе.

В Кежме вертолётный парк состоял из Ми-1 и Ми-4. Ми-1 обслуживали механики, переученные с самолётов Як-12 и Ан-2 через УТО. Все – местные, ангарцы, служившие в армии в авиации и окончившие ПМАС (школа младших авиаспециалистов): Николай Привалихин, Володя Привалихин, Володя Васильев, Валентин Карнаухов, Кеша Кокорин. Это были люди ангарского покроя: могли шить, клепать вёдра, воронки, охотиться и рыбачить.

Ми-1 считался техникой 3-го класса. Ми-4 – 2-го класса, для его обслуживания привлекались только дипломированные техники, окончившие училища. Создали группу техников-стажёров (переученных с Ан-2): Мазницин Саша, Анохин Борис, Проценко Паша, Кулиев Вагиф и я, Сизых Николай. Из вертолётов Ми-4 летал только один, все стояли без лопастей несущего винта: «деревянные» сбросили, а металлические не привезли с завода (1966 год).

На Ми-4 работали Мартынов Женья, Романычев Август, Дружинин Коля («Баламут») и мастер «на все руки» Анкудинов Василий – мой учитель, спасибо ему, он мне многое доверял в работе. Трудная работа – ставить «аппендикс» на Ми-4 (нижняя часть выхлопного коллектора двигателя) и «вечный» дефект. При его замене очень затруднён подход, и масло в лицо капает. Он мне: «Коля, „аппендикс” снимай». Я ему: «Да я уже три раза менял, знаю, как». – «Вот ты теперь быстро и качественно меняешь – вперёд!».

Руководил вертолётным участком Хлопов Геннадий Михайлович – человек редкостной души, «отец» вертолётного участка: и пожурит, и «погладит», стыдно было его в чём-то подвести, очень его уважали. Если у нас что-то не получалось, он сам лез в технику. Начинать он работал в Кежме ещё на самолётах По-2, потом окончил одногодичные курсы при Киевском институте ГА. Чувствовал технику, как себя. Считаю, он меня вывел в жизнь – низкий ему поклон за это.

Инженером ОТК был Брюханов Юрий Михайлович – знаток всех грибов, умел хорошо готовить, любил рыбалку. Постоянно находился в командировках – все вертолёты работали на точках, в отрыве от базы, а он имел допуск ко всем регулировкам Ми-1 и Ми-4. Технику знал на «пять»!

После прибытия из училищ молодые должны были обязательно зайти для беседы к замполиту отряда. Захожу, знакомимся – Куркин Анатолий Иванович. Он подходит к окну и говорит: «Ангара, острова... Ну, как вам у нас?». Я ему отвечаю: «Это Вам – у нас...». – «Вы, что, местный?». А я ему говорю: «Посмотрите фамилию!».

На него многие обижались, а зря – ведь такая у него была должность: про всех всё знать, во всё вникать. Меня от стычек с ним спасали командировки, и спасибо моим командирам, что обо мне неплохо отзывались. Таким был Беспечный Анатолий – мой первый командир на Пуне (посёлок геологов на р. Чадобец), весельчак и аккордеонист. А замполит – душа коллектива: сам пел, играл на гитаре и нас заставлял петь во время помощи колхозу в осеннее время. Мы ему подпевали: «Жила бы страна родная, и нету других забот!..» и ещё: «Раньше думай о Родине, а потом – о себе»...

Первая командировка техника-стажёра Н.М. Сизых. Борт Ми-4 № 19198. Техник – Дружинин Николай. Два экипажа: КВС Бекбулатов и КВС Апухтин, бортмехаников в экипаже не было – их не хватало. Утром у Дружинина заболел зуб, и он отправил меня выпустить вертолёт. Командиры, немного поспорив, кто первый будет работать, решили: Апухтин, второй пилот Якупов Эдуард (Бекбулатов вчера сюда летел). Вылет был запланирован по «нолям», то есть в 04.00 утра, по «прохладе». Апухтин мне говорит: «Полетишь с нами, идём с подбором площадки, будешь за бортмеханика». Прилетели, загрузились, а вертолёт не зависает. Апухтин – мне: «Всех сбрасывай, оставь два человека и груз». Остался начальник и рабочий. Взлетели, прилетели к месту назначения, Апухтин мне говорит: «Иди к двери и смотри, чтобы шасси при посадке не провалились в грунт». Потом было следующее: я стою у двери грузовой кабины, одна рука упирается в фюзеляж, другая – на ручке двери, нога – на флажке штыря фиксации двери в закрытом положении, смотрю в блистер, мысль: как же они будут зависать – земля так быстро приближается. И – как в кино: удар, поднимаю голову из болотной жижи, полон рот земли (той песни – «Земля в иллюминаторе» – ещё не было). Смотрю, полвертолёта рядом, отрублено лопастями, слева от меня – Апухтин висит на ремне. Я думал: «готов». Нет. От удара я ногой нажал флажок фиксатора двери, нажал ручку двери и вылетел из вертолёта. Зрительно помню: начальник с теодолитом в руках пролетел надо мной с грузовых створок вперёд, к блокам радиостанций, там «бич» сидел и его поймал. Нас нашёл Ми-1: сначала пролетел, не заметил – вертолёты были зелёными, их после «вояк» отдавали в ГВФ. Мы упали летом, в районе Кумонды, – трава зелёная, нас было плохо видно. Причина падения: КВС (командир воздушного судна) перетяжелил НВ (несущий винт). Перегоняли так – одна бригада разбирала вертолёт в Богучанах (балку, лопасти, редукторы везли на вертолёте к месту ЧП), где вторая бригада собирала. Перегонял вертолёт с болота дорогой моему сердцу Иван Нифантьевич Ермолаев. Приземлились в конце полосы, двигатель заглох – кончился бензин. На стоянку тащили на верёвках, там «водила» не было. Разве таких людей забудешь?!

В дальнейшем вертолёты с ремонта уже перегоняли без гондолы для стрелка, изменился и цвет вертолёта – на серо-голубой с красным верхом.

В сезон работы экспедиций были задействованы все вертолёты. В Кежме стояла только тренировочная «спарка» Ми-1, но и её инженеры использовали, когда «где-то» и «что-то»... Однажды Уваров Саша стравил воздух в Куюмбе. Все инженеры в командировках – отправили на «спарке» меня, с воздушным баллоном. А там два сиденья – впереди пилот, сзади – обучаемый. Сначала посадили меня, а потом зачихали

баллон по диагонали кабины и один его конец положили мне на плечо. Летим, пилот спрашивает: «Ты что там шепчешь?». А я ему: «Песню пою: „И зачем я на свет появился, и зачем меня мать родила?..“».

Ми-1 с базы улетали где-то в конце февраля и до конца лета. В Кислокане работало сразу пять вертолётов. Вылетали красиво, один за одним – «гуськом», весь коллектив авиапредприятия выходил провожать. Без происшествий не обходилось: где-то меняли лопасти НВ [несущий винт], хвостовой винт, двигатель, где-то вертолёт трясёт, где-то «ноги не хватает», где-то винт «тяжёлый».

Честно признаться, я – случайный человек в авиации, но мне страшно нравилась постоянная перемена места, новые люди, особенно рабочие экспедиции – бичи («бич – бывший интеллигентный человек») почти наполовину – все бывшие «зк». Вертолётчиков страшно уважали, их рассказы вечерами у общего костра из корневищ деревьев. Одним словом – романтика, все жизненные передрыги забывались...

Забежал вперёд...

Отработал я до ноября 1966 года. Хлопов вызывает меня и говорит: «Практику надо пройти во всём – полетишь в Красноярск сдавать вертолёт Ми-1 в ремонт. Машина – Кокорина Кеши, но он на охоте, в тайге». Сумку с формулярами на шею и – вперёд! Полетели. Командир вертолёта – Неезжалов Владимир, температура воздуха в Кежме – минус 30. 15 ноября 1966 года. В Богучанах произвели посадку на перрон. У Вовы унты примёрзли к педалям (честно!), я отдал ему свои вязаные носки. Дозаправились бензином и полетели. Отопление в кабине Ми-1 примитивное, но мы рождены, «чтобы сказку сделать былью». Летим дальше. Начались снежные заряды. Вова их обходит. И вот она – судьба-злодейка: отказывает радионавигационное оборудование. Приборы, радиостанция, приборы контроля матчасти работают. Остекление кабины всё обмёрзло. Вова открыл форточку впереди на остеклении (10x15). Вдруг слева вижу дымки, кричу: «Вова, Почет слева от нас!». И я вспомнил слова Николая Ивановича Привалихина, механика Ми-1, что от Почета просека прямо до Канска и сказал про это Володе. Летим дальше, опять заряды, обходим, просеку потеряли. У нас только компас КИ-13 – «бычий глаз»: картушка его вращается и скачет, где юг и где север – не поймёшь. И – о, счастье! Дорога прорезалась, машина едет, я кричу: «Обгоняй и высади меня!». (Нет, я не обиделся и не пошёл пешком на Канск). Машина остановилась, дожидаясь меня. Я – во всём меховом, снег на обочине – по пояс (учитывая мой рост). Я – шоферу: «В какой стороне Канск?». У него глаза – по полтиннику. Неезжалов «молотит» рядом. Над нами – линия электропередач, спрашиваю: «По ней долетим до Канска?». Ответ: «Да!». Полетели дальше. В кабине – холодище. Открываю заднюю стенку в кабине, подход к двигателю, думаю, хоть Вовку согреть. Летим дальше. Вовка кричит: «Закрывай, угорим!». В кабине дым и гарь. И дальше линия передач разделяется на две, Вова оборачивается и спрашивает: «Куда??». Я ответил резко. Потом успокоился и кричу: «Вечер, машины идут домой, то есть в город, давай за ними». Летим, машин всё меньше, асфальт кончается, дальше санная дорога привела к силосным башням и – тупик. Летим в «никуда», темнеет. Хорошо мне в голову ударила мысль: «Бензин!». Командир растерялся и не смотрит на топливомер, я не лучше – молодой, неопытный, просто сыграл инстинкт самосохранения, да и скоро будет темно. Впереди – огоньки какой-то деревни. Вова выбрал огород побольше и сел. Через три минуты вся деревня у вертолёта, разговаривают непонятно на каком языке – я немецкий изучал, хотя бы одно знакомое слово прозвучало – нет! Неезжалов мне: «Ну, попали в тыл врага!».

Подошёл мужчина, пригласил к себе переночевать. Бабке – хозяйке огорода – дали десять рублей за охрану, пошли на почту (была уже закрыта), дали РД в Богучаны и Канск, что нам нужен бензин и печка. Село оказалось Березовка, в двадцати пяти минутах лёта до Канска, народ – сосланные прибалты. На завтра – погода нелётная, но, оформив как тренировку в облаках на Ми-4, к нам прилетел Г.М. Хлопов с командиром АЭ Фоминым Валентином. Запустились и полетели в Канск следом за Ми-4, там нам заменили блоки. Летим в Красноярск. Погода – дрянь, кричу Вове: «На всякий случай, лети по железке, топлива под „завязку”». Летели низко, «вынырнули» к Красноярску где-то в районе труб 522-го завода, пролетели между труб. Народ головы задирает, руками машут. Посадка на острове Молокова, там был ремзаводик Ми-1. Позднее, оценив все эти злоключения, в голове крутились слова песни: «Эх, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы...». Потом с Неезжаловым вечером сидим в ресторане, ужинаем, я ему говорю: «Я-то за что страдаю? Я ведь не бредил голубым небом с детства, как ты, мне по иронии судьбы достались гайки и ключи». Пошёл к музыкантам и заказал песню «И родные не узнают, где могилка моя...». Оба всплакнули.

Прошло несколько лет, кто-то уехал, кто переучился на бортмеханика. С Иркутска нам «подбросили» инженеров. Помню, надо было отбить конус НВ на Ми-4. По документам эту работу должен выполнять инженер или авиатехник 1 класса 6 разряда. Сменным инженером был Корзун – отличный парень, работы не чурался. Мне говорит: «Давай приспособление, бью я». Он носил очки. На улице – минус 30. После заходим в техническую гретью, навстречу начальник АТБ Дёмин: «Ну что, отбили?». Корзун: «Отбили!». Протёр очки и со злостью: «Законцовки на лопастьях». Дёмин: «Николай Максимович, в чём дело?!». Корзун: «Это я бил». По этому случаю видно, какие парни были... Было уважение друг к другу.

Б.Г. Анохин

Анохин Борис Григорьевич родился 19 октября 1941 года в д. Вяусы Сасовского района Рязанской области в семье крестьянина. В 1958 году окончил среднюю школу, мечтал поступить в Сасовское лётное училище. Два года подряд предпринимал попытки поступления, и оба раза неудачно. Первый год не прошёл медицинскую комиссию, а на второй получил двойку по сочинению. Но мечту о небе и самолётах не оставил и в 1960 году поступил в Троицкое авиационно-техническое училище, которое окончил в 1964 году, получив диплом авиационного техника вертолёт Ми-4. По распределению был направлен в Красноярское Управление ГА, а уже там – в Туруханский авиационный отряд. Как вспоминает Борис Григорьевич: «Туруханск – суровый север, откуда в свое время из ссылки трижды бежал Сталин. Я прожил и проработал там один год и тоже «сбежал» в Кежму». В ноябре 1965 года Борис Григорьевич был переведён и приехал в Кежемский ОАО авиатехником вертолёт Ми-4, которые стали поступать в авиапредприятие, заменяя вертолёт Ми-1. Молодой техник, получивший стажировку и навыки по обслуживанию и ремонту данного типа вертолёт в Туруханске, был востребован на техническом участке и принят в коллектив. Мечта летать не отпускала молодого рязанского парня, проработав техником в Кежме четыре года,

был направлен на курсы переподготовки бортмехаником вертолёт Ми-4. В 1968 году у Бориса Григорьевича в кармане форменного пиджака появился долгожданный документ – свидетельство бортмеханика вертолёт Ми-4. Мечта детства сбылась – он стал членом лётного экипажа – он будет летать! Первым командиром, с которым начинал полёты, был Чишенко Александр Васильевич, Ермолаев Иван... В 1973 году в отряд стали поступать современные первоклассные вертолёт Ми-8, и Анохин одним из первых переучился на этот вертолёт. За долгие годы работы Борис Григорьевич показал себя грамотным, дисциплинированным специалистом, добросовестно исполняющим свои обязанности – помогая экипажу вертолёт на земле и в полёте (особенно при работе с внешней подвеской).

В должности бортмеханика безаварийно налетал в небе Приангарья 13 700 часов, ветеран труда, награждён нагрудным знаком «За безаварийный налёт». Жена, Анохина Эльвира Кондратьевна, работала фельдшером старта в медицинском пункте аэропорта, два сына, два внука, одна (пока) правнучка.

В быту показал себя хорошим огородником, строителем, хозяйственником. Занимался рыбалкой и охотой. В настоящее время – пенсионер, проживает в пос. Ирбейский, на берегу реки Кан.

С.А. Казанцев

Казанцев Сергей Александрович родился 7 июня 1952 года в рабочем посёлке Маслянино Новосибирской области. В 1953 году трагически ушёл из жизни отец, и мама одна занималась воспитанием сына. С детских и юношеских лет зародилась в голове мечта об авиации, смотрел фильмы, читал книги про отважных лётчиков и прекрасных самолётах и вертолётках. К восьмому классу желание стать лётчиком сформировалось окончательно. После 10-го класса с другом предприняли попытку поступления в военное лётное училище, но по стечению обстоятельств в 1969 году я не смог поступить. Работал на стройке, учился на курсах шофёров. В 1970 году вновь пытался поступить в военное училище, в конечном итоге поступил в Новосибирский учебный центр ДОСААФ. Днём работал, а вечером учился на пилота вертолёт Ми-1.

В 1971 году осенью закончил обучение, получив профессию пилота Ми-1 и воинское звание сержант (засчитывалось как служба в СА). После чего работал на заводе. В январе 1972 года был принят на работу авиамотористом на вертолётный участок Новосибирского ОАО. Впоследствии закончил курсы авиамехаников вертолёт Ми-1 и Ми-4 при Новосибирском УТО. В июле 1972 года находился на 3-месячных военных сборах в г. Бузулук Оренбургской области. Окончил Бузулукский учебный авиационный центр ДОСААФ по квалификации пилот вертолёт Ми-1 и воинское звание младший лейтенант. «Покупатели» были из Челябинского военного училища штурманов. Многие подали заявления, но я не подавал. Если бы на пилота, то ушёл бы туда. После этого попытался узнать о работе в Аэрофлоте. Варианты были в разные училища, но я выбрал экспериментальные курсы спецнабора при УТО-14 в Красноярске по профессии пилота вертолёт Ми-4. С 8 января 1973 года проходил обучение в УТО-14 в группе вторых пилотов Ми-4. Окончил курсы, получил свидетельство пилота вертолёт 4-го класса.

01.04.1974 года прибыл на работу в Кежемский ОАО в 3-ю вертолётную авиаэскадрилью. На каждого командира было по 2–3 вторых пилота. Командиром ОАО был Непочатов А.Е.; начальником штаба Столбиков В.М.; начальником АТБ Дёмин А.; замполит Куркин А.И.; КЛО Фрасынюк А.И.; заместитель КЛО Егоров М.М.; командиром 3 АЭ был недавно назначенный Козютинский Д.В.; заместителем у него Самигулин Р.С. В то время ещё были вертолёты Ми-1 и после окончания курсов переподготовки с пилотов брали обязательства о переучивании на этот тип ВС (а пока нам давали время, чтобы ознакомиться с особенностями работы в Аэрофлоте). Вскоре вертолёты Ми-1 стали списывать, и мы остались на Ми-4. Программу ввода в строй командиром Ми-4 проходил с КВС Ермолаевым И.Н. и Верхотуровым Н.Г. Когда утвердили командиром вертолёт, первыми в экипаже были второй пилот Чирин Н. и бортмеханик Костюченко В.Л, в дальнейшем летал со многими: Горбач В.А., Грязев Иван, Фефелов В., Деев С.М., Шабанов Василий, Петриков С.А., Герасимов Ю.Л. и другие. Летали нормально, особых инцидентов не было, всё решалось в экипаже. С первого знакомства с Петриковым А.И. – нашим командиром АЭ – мне всё в нём понравилось. Как человек, как пилот, как командир – честный и порядочный человек. Под его руководством можно было долго и успешно работать, но жизнь вносит свои коррективы, и не всегда в лучшую сторону. Я читаю, что ошибочно попал в Кежму командир АЭ Казютинский Д.В., он не объединял людей, а только разваливал коллектив. Вовремя вернулся Петриков А.И. и достойно возглавил 3-ю АЭ. В 1979 году я прошёл переподготовку на вертолёт Ми-8 по командирской программе в Кременчугском ЛУ. Около года летал вторым пилотом и стажёром и в 1980 году был введён командиром вертолёт Ми-8. Первый состав экипажа: второй пилот Хвостик Н.А.; бортмеханик Никулин А.С. Долго летали в этом составе.

Крайний полёт выполнил 14 февраля 1987 года, не смог пройти очередную ВЛЭК (сбои в работе сердца), считал, что вернусь, а оказалось – навсегда. Все годы, что летал, вспоминаю с радостью, это была любимая и желанная работа – настоящая жизнь. Стараюсь помнить хорошее. В Кежемском ОАО закончил работу в котельной, которую перевели в ЖКХ в 1993 году. В последующие годы работал пожарным, рабочим на пилорамах. В 2000 году с семьёй переехали в Кюдинск. Была попытка вернуться на работу в аэропорт, но мне ничего не предложили. Так что потом работал в охранных службах предприятий Богучанской ГЭС. В данный момент пока не работаю.

25 января 2017 года

МЕЧТА О НЕБЕ

О.И. Вавилова

Воспоминания о Николае Ермолаевиче Цыганкове

Этот рассказ о лётчике Кежемского авиаотряда, кавалере ордена Трудового Красного Знамени, лётчике от Бога, удостоенного звания ветерана Красноярского управления гражданской авиации за безопасность полётов, – Цыганкове Николае Ермолаевиче (14.09.1931–03.06.2003).

Именно пилотам его поколения выпала высочайшая честь первыми покорить воздушные дали над Кежемским районом. Тысячи километров осталось под плоскостями самолётов, которые водил Николай Ермолаевич и его товарищи над зелёным морем тайги. Стержнем его жизни стала «самая высокая мечта – высота».

С доброй улыбкой вспоминал он своё детство, юность, согретые мечтой о небе, об авиации... В холодном и голодном военном сорок четвёртом году из деревни Кондратьево в село Денисово Дзержинского района Красноярского края просёлочной дорогой бегут два пятиклассника – Коля Цыганков и Володя Богданов. Бегут они в школу и согревают себя мечтами о том, как будут они сражаться с фашистами в небе. Рассказывают друг другу о прочитанных в газетах подвигах фронтовых лётчиков – «сталинских соколов».

Трудное военное детство, послевоенная жизнь, наполненная трудом, закалили их характер. Эти мальчишки остались верны своей детской мечте, они верили своими чистыми сердцами, что Родина дала им крылья для полёта. Долгим и трудным был путь в авиацию. Через беды и невзгоды послевоенного быта, через трудности одновременной работы и учёбы в аэроклубе, через неудачи и разочарования – вперёд, к мечте!

Работал в Красноярске после окончания Иркутской школы авиамехаников и одновременно занимался в аэроклубе: ремонтировал самолёты и учился на них летать. После окончания Бугурусланского лётного училища молодой пилот Цыганков садится за штурвал своего самолёта По-2, того самого, знаменитого во время войны «ночного бомбардировщика», или, как называли его немцы, «рус фанер», который после войны стал тружеником северных просторов.

В 1951 году Николай Ермолаевич Цыганков был зачислен в авиаотряд Кежемского района в должности пилота. Был он небольшого роста, тоненький, худенький, – думали, не сможет летать, а он летал, и как летал! В 1962 году был назначен командиром звена, а в 1970 году – уже командир авиаэскадрильи.

Авиация в Приангарье развивалась семимильными шагами, и вместе с ней учились, приобретали неоценимый опыт пилоты Кежемского авиаотряда. В то далёкое время рейсы осуществлялись по всем деревням Приангарья (Алёшкино, Проспихино, Дворец, Фролово и др.), а также по северным посёлкам, таким как Ванавара, Байкит. Перевозили пассажиров, почту, грузы. Тридцать два года отработал Н.Е. Цыганков в нелёгких условиях Севера, летал и в туман, и в снег, осуществлял посадки самолёта при плохой видимости по приборам, по радио.

Из воспоминаний Арляповой Екатерины Ивановны, акушерки Кежемской районной больницы: «Срочно нужно было доставить в Кежму роженицу из Фролово. С санитарным заданием вылетает Цыганков Николай Ермолаевич. Зима, погода плохая, видимости нет. На обратном пути в Кежму самолёт попадает в пургу, его раскачивают сильные порывы ветра, роженица лежит на полу, стонет. Но я уверена: за штурвалом Цыганков, опытный, уверенный, спокойный, – всё будет хорошо. Благополучно приземлились. На лётном поле снег, сугробы намело, не пройти. Спокойно, улыбаясь, как будто и не было трудного полёта и сложной посадки, Николай Ермолаевич стал протаптывать тропу к вокзалу, а затем помог мне довести роженицу до машины скорой помощи».

Николай Ермолаевич вспоминал такой случай. Полетел с почтой в деревню Дворец. Получает с земли сообщение: «Приближается буран». Что делать? Принимает решение:

сбросить почту в условленном месте, в надежде, что почтальон обязательно примет её на земле. Но в метель почтальон не смог принять почту в условленном месте, а через день Николай Ермолаевич узнаёт, что сбросил мешок с большой суммой денег – зарплатой рабочих леспромхоза. Закончилось всё благополучно: деньги нашли, но пришлось поволноваться.

Для молодых пилотов Николай Ермолаевич являлся примером высокого долга, дисциплинированности и организованности, его рано стали называть «Ермолаевичем».

В восьмидесятых годах своё мастерство, опыт, знания передаёт Ермолаевич молодому поколению лётчиков, тренируя их на земле. Основной его принцип наставника – как можно больше требований к человеку, но вместе с тем и как можно больше уважения к нему. Тренировка лётчика на земле – необходимое условие поддержания на нужном уровне его навыков, отработка принятия быстрого и единственно правильного решения в критической ситуации. На тренажёре имитируется обстановка полёта, причём «полёт» проходит «без видимости» (по радио), имитируются отказы систем самолёта, двигателя. И лётчики, тренируясь у Ермолаевича, знали: его не обмануть, он сразу заметит нечёткость выполнения манёвра и заставит повторять до полного автоматизма. И никто на это не обижался, были уверены: случись что-то непредвиденное в полёте, тренировки на земле под руководством Н.Е. Цыганкова помогут найти правильное решение в небе. А сегодня в небо уже поднялись сыновья, внуки тех пилотов.

Николай Ермолаевич был высокопорядочным и честным человеком. С женой, Августой Георгиевной, они родили и воспитали троих прекрасных детей. Сын Николая Ермолаевича – Сергей, был лётчиком, дочь Наталья окончила Рижский институт гражданской авиации.

На вопрос: «Если бы была возможность прожить вторую жизнь, кем бы Вам хотелось быть?», он ответил: «Я выбрал бы вновь профессию лётчика».

Двадцать лет (с 1982 года) он прожил на Волге, в городе Волгограде. Без дела он сидеть не мог, работал на судостроительном заводе аппаратчиком. По привычке ходил в тренажёрный зал при заводе. Оставил после себя ряд рационализаторских предложений и хорошую память о себе.

– Что Вас, Николай Ермолаевич, отталкивает в людях?

– Не люблю жадных, – сам таковым не являлся, мог отдать последнее.

Прожив с ним более двадцати лет, Ольга Ивановна Вавилова вспоминает о нём, как о человеке большой души и открытого сердца. Удивительные отношения сложились у Николая Ермолаевича с его тётцей, Саватеевой Прасковьей Родионовной, коренной сибирячкой, уроженкой села Кежма, которая никак не могла смириться с мыслью, что её малая родина исчезнет на дне моря. В этой дружбе раскрылся особый талант Ермолаевича – помочь, поддержать, отдать частичку тепла своей души. Их объединяли чистота духа, простота сердца. Они часами беседовали, рассказывали друг другу о своей жизни, о той эпохе, которая безвозвратно ушла, но это была их юность, их жизнь. Прасковья Родионовна помнила, как через их деревню Соколово шёл Колчак, как погибли красноармейцы-партизаны, в числе которых был её отец, Родион Павлович, как выживала её мать с пятью малыми детьми.

У Николая Ермолаевича были особый дар и умение выслушать, поддержать, понять того, кто рядом. Он много читал, много знал, на каждый случай он обязательно, причём уместно, находил поговорку, афоризм. Внуки знали, на любой

вопрос дед может дать ответ. Внуков он поучал: «Учись доброму, так плохое на ум не пойдёт»; «Чужим умом в люди не выйдешь»; «Пока человек жив, он не должен терять надежду».

Николай Ермолаевич очень скучал по друзьям, по тем местам, где прошли его молодые годы, где познал он счастье полётов. Ему было что вспомнить о своих счастливых и достойно прожитых годах.

Похоронен Николай Ермолаевич Цыганков на Волге, в городе Волгограде.

12 августа 2016 года

КАК ТОСКУЮТ РУКИ ПО ШТУРВАЛУ

Е.Ю. Калинина

Много лет подряд российские лётчики отмечали 9 февраля День Гражданской Авиации в память о первом пассажирском рейсе, выполненном самолётом «Илья Муромец» по маршруту Москва – Горький 9 февраля 1929 года.

Наверняка герой сегодняшней публикации Анатолий Александрович Максин не забывал в этот день поднять тост за «весь гражданский флот».

Российская авиация переживает нынче не лучшие дни. Но было время, когда единственным доступным и очень удобным средством сообщения во многих регионах России был именно «Аэрофлот». Например, жители нашего района могли на день-два слетать в краевой центр по личным делам на довольно комфортабельном самолёте Як-40 или съездить в гости к родственникам в соседнее село на привычной для всех «Аннушке».

Авиация начала развиваться в нашем районе в начале 50-х годов. В 1955 году в Кежму, после окончания Краснокутского летного училища Саратовской области, был направлен молодой лётчик Анатолий Александрович Максин. Этой же осенью вместе с ним в Кежемское авиапредприятие прибыли ещё семь выпускников разных лётных училищ.

В авиаотряде тогда насчитывалось 17 самолётов марки По-2, выполнявших рейсы по району, а также до Богучан и в Ванавару. Управлялись эти самолёты одним лётчиком и могли перевозить только двух пассажиров и не более двухсот килограммов груза. Скорость их была небольшой, всего 40 километров в час, поэтому и получили они название «небесные тихоходы».

Если рейс выполнялся до Ванавары, то приходилось лететь целых два часа. Радиосвязи с аэропортом не было, поэтому приходилось лететь сразу двумя самолётами – один подстраховывал другого. Лётчики зимой надевали унты и шубы на несколько размеров больше, чтобы не замерзнуть, так как кабина прикрывалась лишь одним ветровым стеклом.

К концу 50-х годов в Кежемское авиапредприятие стали поступать новые машины – самолёты Як-12, Як-500, Ан-2 и вертолёты Ми-1, Ми-4. Молодые лётчики, в том числе и Максин,

быстро осваивали новую технику, переучивались на новые самолёты. Самостоятельно и под руководством более опытных лётчиков тренировались на месте, а затем подтверждали свои знания, умения и навыки в Краевом управлении Гражданской Авиации.

Анатолий Александрович вспоминает, какое впечатление произвели на них первые Ан-2: «Это была уже настоящая цивилизация: комфортабельные, оборудованные радиосвязью, с просторным пассажирским салоном...».

Экипаж Ан-2 состоял уже из двух человек – командира и второго пилота. Все лётчики начинали работу на этой машине в качестве вторых пилотов, и только налетав не менее тысячи часов, можно было сдавать экзамен на командира экипажа.

Одну из первых машин Ан-2 Анатолий Александрович лично перегонял в Кежму из Кызыла. Правда, самолёт был уже не совсем новым. А вот первый новый Ан-2 прибыл в наш район в начале 60-х годов из Львова. Анатолий Александрович помнит эти машины до мельчайших деталей, даже их бортовые номера.

В трудовой книжке Максина всего одна запись о приёме на работу в Кежемское авиапредприятие и множество записей о повышении квалификации и назначении на более высокие должности: командир экипажа, командир эскадрильи, зам. командира лётного отряда.

До начала 70-х годов Кежемский авиаотряд значился в крае как 131-й лётный, а затем был переименован в Кежемский объединённый отряд, в состав которого входили эскадрильи Кежмы, Богучан и Ванавары.

Расцвет авиации в нашем районе пришёлся на 70-е годы. В это время в одной только Кежме работали более ста лётчиков, столько же техников и большое количество работников наземных служб. Авиапредприятие построило прекрасный аэропорт (который сохранился до сегодняшнего дня), ввело в строй Дом культуры, детский сад, котельную, около десятка двухэтажных домов и огромное общежитие. Была запущена новая бетонная взлётно-посадочная полоса длиной 1160 метров.

Кежемские авиаторы сотрудничали с поисковыми экспедициями Эвенкии и лесохозяйственной, перевозили пассажиров по нашему и соседнему районам. В те годы насчитывалось 27 взлётно-посадочных площадок в населённых пунктах, которые обслуживали кежемские лётчики, выполнявшие по одному-два рейса в день по всем точкам.

Из Красноярска в Кежму в это время пассажиры летали самолётами Ли-2 и Ил-14. Одно время в Кежму выполнял рейс самолёт Ил-18, который мог приземлиться только на достаточно длинной взлётной полосе. Зимой такую полосу удавалось сделать с помощью бульдозеров и специальных катков. А вот в остальное время в краевой центр и обратно можно было улететь только с нашими экипажами, выполнявшими рейсы на маленьких, но надёжных Ан-2.

Анатолий Александрович Максин выполнял рейсы буквально по всем направлениям, куда летали кежемские «Аннушки».

В работе любого лётчика порой случаются моменты, когда жизнь его «висит на волоске» и от быстрых решительных действий зависит все. У А.А. Максина, уже достаточно опытного лётчика, такой случай тоже был.

Зимой 1969 года он вместе с командиром отряда А.Г. Стеблецовым выполнял грузовой рейс в Эвенкию. Пройдя участок Стрелка – Чуня, самолёт вдруг затих, перестал работать двигатель. Ан-2, который летел на высоте 1200 метров, начал стремительно падать, за короткое время потеряв 400 метров высоты.

Лётчики приготовились к планированию. А.Г. Стеблецов начал присматривать место для вынужденной посадки, а Анатолий Александрович пытался осмотреть и запустить двигатель. Вскоре мотор вновь заработал, и посадка на белый пятачок среди тайги не состоялась. Экипаж благополучно долетел до Ванавары.

На земле ещё раз тщательно осмотрели двигатель, но никаких серьёзных неисправностей не обнаружили. Назавтра на этом же самолёте возвратились обратно в Кежму.

При более тщательном осмотре техник авиапредприятия Г.Д. Брюханов всё же выявил причину временного отказа двигателя – обледенение фильтра тонкой очистки. Это ЧП не осталось незамеченным и даже рассматривалось на бюро партийной организации. Анатолию Александровичу грозило суровое наказание за то, что он сразу не вернулся на площадку в Стрелку и не стал на месте ждать экспертную комиссию. Но, к счастью, всё обошлось без выговоров и наказаний.

Работа лётчиков в нашем северном районе всегда была очень опасной: то сильный ветер, то неожиданный снегопад, то температура опустится ниже критической отметки. Однажды экипажу Максина пришлось целую неделю просидеть в Ванаваре, так как в Кежме столбик термометра опустился до -57 градусов, а в Ванаваре зашкаливало за -60 . Лететь в такую погоду невозможно. Пришлось ждать, когда морозы спадут хотя бы до 50 градусов.

В 1971 году Анатолий Александрович по состоянию здоровья вынужден был оставить лётную работу. Переживал так, что даже никого не хотел и не мог видеть и на целый месяц ушёл в отпуск в тайгу. Но, восстановив душевное равновесие, вновь приступил к работе в качестве инструктора: занимался подготовкой лётчиков, контролировал прохождение медосмотра, проводил учёбу по подготовке весенне-летней и осенне-зимней навигации. Затем стал работать в должности замкомандира отряда по движению самолётов.

В 1994 году, после перебазировки лётного отряда в Кюдинск, он по-прежнему не расставался с родным аэропортом. Временно поработал сторожем, а затем был назначен начальником Кежемской авиаплощадки, где и работает до сегодняшнего дня.

Трудовая биография и жизнь Анатолия Александровича неразрывно связаны с авиацией, со становлением и развитием её в нашем районе. Он стоял у самых её истоков. 29 октября 2003 года исполнилось 48 (!) лет, как А.А. Максин начал работать в Кежемском авиапредприятии.

Себя он считает счастливым человеком, посвятившим жизнь любимому делу. В его семье выросли три дочери. Две старших, Елена Анатольевна Ломаско и Лариса Анатольевна Черножукова, вместе с мужьями вот уже много лет тоже работают в нашем авиапредприятии.

Анатолий Александрович жалеет, что никто из внуков не пошёл по его стопам. Но, наверное, профессия лётчика в наше время стала не такой уж привлекательной и престижной.

Хочется верить, что наступят времена, когда наша «малая» авиация возродится вновь. И добрая память о первых лётчиках района ещё долго будет жить в сердцах кежмарей.

*Газета «Советское Приангарье»,
№ 21–24 от 08.02.2004 г.*

ХОЧУ СТАТЬ ЛЁТЧИКОМ

Ю.В. Салягин

Родился я 9 января 1955 года в селе Кежма. Когда мне было пять лет, сестре Вере – три года, родители поехали на заработки в Бодайбо, посёлок Артёмовский. В те времена многие так делали: Н. Сизых, Н. Лушников и другие. К моменту отъезда отец уже построил свой дом на берегу Ангары (по улице Советской, дом 10) с хозяйственными постройками: стайки, амбар, зимовьё, баня. На время отъезда в нашем доме жила семья Сайфутдиновых.

В 1964 году семья вернулась обратно в Кежму. Я уже пошёл в 3 класс. Моим классным руководителем была Верхотурова Матрёна Фёдоровна, мать Верхотурова Сергея Степановича. В Артёме я научился кататься на коньках. Приехав в Кежму, я продолжал играть в хоккей с шайбой, а летом гонять футбол, благо портовский стадион был рядом. На коньках зимой катались по заберегам, а когда Ангара вставала окончательно, расчищали каток на середине реки. Ребят было много: Слава Перфильев, братья Сергей и Игорь Куркины, А. Устинов, Сергей Петриков и многие другие. Мы даже сами устраивали соревнования между «микрорайонами»: портовские, центр и заречные.

В то время зимы были снежные, и высота бортиков на катке доходила до двух метров. Как-то, намучившись расчищать снег с катка (не помню, кто был инструктором), мы с ребятами пошли в аэропорт и попали на какого-то нерусского дядьку-лётчика (позже я узнал, что это был Р.С. Самигулин). Мы обратились к нему с просьбой расчистить каток вертолётom Ми-4. Каково же было наше удивление, когда на следующий день над катком завис вертолёт Ми-4, а я уже тогда разбирался в авиационной технике, знал модели (По-2, Як-18, Ил-14, Ми-4), и, немного повисев, ушёл на круг. И так, сделав несколько заходов на каток, раздул весь снег. Нам осталось немного поработать пёхлами вдоль края катка, выбрасывая снег за бортик.

Позже, работая в отряде, я узнал, что это кому-то давали тренировку на «снежный вихрь». Может, тогда и зародилась моя мечта стать вертолётчиком. В 9-м или 10-м классе мы писали сочинение на тему «Кем я хочу стать», и я, конечно, написал, что хочу стать лётчиком и летать на вертолётах. Видать, осталась в подсознании винтокрылая машина, которая чистила нам каток не одну зиму.

Время летит быстро. Вот уже и выпускной в школе. В 1972 году я получил аттестат и сразу на Ил-14 полетел в город Красноярск проходить медицинскую комиссию и дальше – поступать в Кременчугское лётное училище гражданской авиации (Кременчугское ЛУ ГА). Медицинскую комиссию прошёл быстро, видимо, сказалась спортивная подготовка, и сдал экзамены – сочинение и математику. Председатель приёмной комиссии П.П. Величко уговаривал меня переписать заявление на поступление в Бугурусланское ЛУ ГА или Кировоградское ЛУ ГА, но я отказался и сказал, что если не пройду по конкурсу, то отслужу в армии, а затем снова буду поступать только в Кременчугское ЛУ ГА. В то время поступали в три потока, и окончательный результат был известен только в августе. В приёмной комиссии сказали: «Езжай домой и жди результата».

Радости не было предела, когда в начале августа 1972 года пришло известие о зачислении меня курсантом в Кременчугское ЛУ ГА на курс «Ми-4» и о том, что к 21 августа

1972 года я должен прибыть в училище. В Кременчуг добирался: с. Кежма – г. Красноярск – г. Москва – г. Киев – г. Полтава – г. Кременчуг. Время в училище летело быстро. На 1-м курсе – с утра занятия, с обеда – самоподготовка, вечером – спортзал или футбольное поле. На 2-м курсе, в составе 117-й роты 3-го отряда, начались полёты в Глобино. В роте семьдесят процентов – это были «армейцы», а тридцать процентов – «школяры». Меня как-то уважали и те, и другие, видимо, потому что был шустрым (весил пятьдесят шесть килограммов) и играл в футбол за училище и отряд. В роте нас на 1-м курсе было сто семнадцать человек, а выпустилось всего сто (сказался естественный отбор). Во время учёбы в Глобино силами футбольной команды был построен тёплый туалет, и нас поощрили дополнительным пятнадцатидневным отпуском к основному училищному – тридцатидневному. Так что поехал в Кежму аж на сорок пять дней в октябре–ноябре 1973 года. Проходя обучение, один из первых начал самостоятельные вылеты. Успел немного порулить и на Ка-26, благодаря инструктору В. Попкову (он был инструктором на Ми-4 и Ка-26). В августе 1974 года сдал технику пилотирования на «5» и остальные государственные экзамены. Распределение получил в Красноярское УГА (в п. Хатанга).

Пока заканчивал обучение, ещё не знал, что дома случилась беда (родные, не желая расстраивать меня во время сдачи экзаменов, ничего не сообщили) – 6 августа 1974 года умер отец. Эту новость я узнал только в Красноярске от тёти Гали Салагиной. 21 августа 1974 года, закончив Кременчугское ЛУ ГА и прилетев в Красноярск, тут же вылетел в Кежму. В аэропорту меня встречали мама, сестра Вера, Миша Быков и семья Малыгиных. Сходили домой и сразу пошли на кладбище – помянуть отца. На следующий день, взяв все документы, пошёл на приём к командиру отряда А.Е. Непочатову. Объяснив сложившуюся ситуацию в семье – необходимость помогать матери, учить сестру, поступившую в Красноярский торгово-кооперативный техникум, – попросил перевода на работу в их отряд. Непочатов дал «добро», созвонившись с отделом кадров Управления, и предупредил, что на одного КВС (командир воздушного судна) приходится два вторых пилота, а я, слетав в Красноярск, переписал вызов: с посёлка Хатанга на село Кежма. До 1 октября отгулял свой ученический отпуск и сразу вышел на работу.

Командиром авиаэскадрильи был тогда Д.В. Казютинский, заместителем командира авиаэскадрильи был всё тот же, знакомый с детства, Равиль Самигулович Самигулин. Получив спецодежду, ходил на работу, помогал штурману М. Тысак в оформлении штурманской комнаты, но в полётах пока не был востребован. И, наконец, сдав лётную проверку (всё тому же Р.С. Самигулину), меня определили в экипаж к Н.Г. Верхотурову, где вторым пилотом был С. Казанцев, бортмехаником – В.Л. Костюченко. Первой оперативной точкой была Ванавара. Казанцев в процессе работы научил вести «бухгалтерию» – лётно-штабную документацию: задания на полёт, штурманский, заявки-отчёты о рейсе и т.д. Вылеты были через день. КВС Верхотуров начал практическое обучение с азов, то есть с карты, научил вести ориентировку, потом – технику пилотирования. Так, шаг за шагом, с бортмехаником Костюченко они научили меня ВСЕМУ!

Вскоре Сергея Казанцева забрали на ввод в строй КВС Ми-4, а весной 1975 года пришло в отряд пополнение: штурман Ю. Желудков, В.В. Капелус, А.П. Соколов, пилоты Хлыбов, Алексейцев, Чирин, Годовиков, Татарин, Чучков и другие. Когда я пришёл в отряд, было двадцать вертолётов: девять Ми-1, девять Ми-4, два Ми-8. В период моей работы сменилось несколько командиров Кежемского отряда: Непочатов, Ильинский,

Козлочков, Лавренко, Извозчиков, Скурихин; командиров лётного отряда – М.М. Егоров, Ю.Л. Дорофеев, В. Белоусов, В.Л. Сорокин; командиров авиаэскадрильи – Казютинский, Петриков, Кухарев. Помощником командира авиаэскадрильи по штабной работе был Н.Г. Рожков. Вертолётная авиаэскадрилья насчитывала приблизительно шестьдесят человек. КВС были такие «зубры», как Н.Г. Верхотуров, Н.И. Худяков, Алесковский, Михайлов, Евтушенко, И.Н. Ермолаев, С.Д. Рожков, Ветлугин, Якупов, Налбондян, Уваров, Ю.Г. Карнаухов; бортмеханики – Семёнов, Хлопов, Костюченко, Зотов, Анохин, Никулин, Погодаев, Герасимов, Гапоненко, В.Т. Ткач, В.Н. Сайфутдинов.

В 1977 году экипаж Н.Г. Верхотурова (второй пилот – В.А. Горбач, бортмеханик – В.Л. Костюченко) отправили работать на съёмку в Туруханск. Там, зацепив хвостовым винтом за снежный бруствер, они сломали вертолёт. Там же, месяца через полтора-два, его восстановили, а перегонять его в Кежму послали меня. У вертолёта не работала курсовая, ни АРК-5, была только связь. Председатель комиссии Красноярского УГА обратился к экипажу (КВС Верхотуров, второй пилот Салагин, бортмеханик Костюченко): «Ребята, надо как-то перегонять вертолёт». Надо так надо. Сделали полную заправку, в вертолёт загрузили ещё двухсотлитровую бочку АИ-95/130, с собой БПК (перекачивающий насос) и полетели. Тогда-то и пригодились навыки вести ориентировку в любую погоду и по любым картам. Между Подкаменной Тунгуской и Байкитом сели на реку, перекачали из бочки бензин и дальше – до Богучан, а затем в Кежму. В тот год в ноябре у КВС А.Ф. Логинова на п/базе р. Сида, северо-восточнее п. Чиринда, лопнула подредукторная рама, и меня в составе экипажа (КВС Ю.К. Шешегов, бортмеханик Ю.Л. Герасимов) отправили через Ванавару – Туру перегонять вертолёт на базу. Просидели мы в Туре ноябрьские праздники (не было погоды на Север), потом на вертолёте Ми-8 командир Туринской авиаэскадрильи А.И. Кузьмин с бочками бензина АИ-95 увёз нас на базу р. Сида. Ремонтная бригада уже заканчивала свою работу. Мороз стоял 40–45°, и вот как-то ночью в балке стало светло, как днём, – это было северное сияние, всё небо ходило ходуном в ярких всплесках! Несмотря на мороз, мы все выскочили из балков в нижнем белье, посмотреть на это чудо природы, которое длилось примерно пятнадцать минут. Так я впервые увидел северное сияние. Наконец, ремонт вертолёта был закончен, мы его облетали и перелетели в Чиринду, там заправились и до Туры, переночевали и дальше Ванавара – Кежма.

Немного хочется рассказать о техническом персонале. Невозможно сейчас представить, как им в полевых условиях приходилось менять агрегаты (двигатели, редукторы, лопасти и т.д.) и даже восстанавливать вертолёты, проявляя при этом профессиональное мастерство и смекалку. Это уже гораздо позже появились ангары, доки, где проводились ремонтные работы, а так всё в основном происходило под открытым небом, в тяжёлых климатических условиях. Профессионалами своего дела были: Стефанов, Шкрылёв, Погодаев, А. Усольцев, Шишкин, И.И. Привалихин, В.Н. Кузьмин, В.И. Брюханов, Н.М. Сизых, В. Звягин, А. Эргардт, Н.В. Копылов и другие. **ЗА ИХ САМОТВЕРЖЕННЫЙ ТРУД – БОЛЬШОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СПАСИБО!**

В августе 2013 года на ЦЭВЛКе меня списали. Общий стаж работы составил тридцать девять лет, налёт часов – 18 000. Награждён нагрудным знаком «Отличник Аэрофлота».

За время моей трудовой деятельности было много смешных и грустных случаев. Как-то экипаж Верхотурова отправляют в перегонку АРЗ г. Иркутска. Утром пришли на вылет, а Верхотуров стоит в унтах и переминается с ноги на ногу. Я у него спрашиваю:

«Что случилось?», – а он молчком мне пишет на бумаге: «Я после гриппа, потерял голос, в унтах – горчица, так что всю связь будешь вести ты». Деваться некуда, так и долетели до Иркутска: он пилотировал, я вёл связь и ориентировку. Ещё был случай, связанный с Иркутском. Я был уже КВС Ми-8 (их тоже гонял в АРЗ Иркутск). Рано утром вылетели из Кежмы через Кодинск (надо было израсходовать всё топливо на берегу аэропорта Кодинск), заправились, далее Братск – Иркутск. Сдали вертолёт и ночью вылетели в Красноярск, а утром Красноярск – Кежма. Заходим в авиаэскадрилью, а у командира А.И. Петрикова глаза округлились от удивления. Спрашивает: «А где вертолёт?». Ну, мы ему в ответ: «Как где? В Иркутске». Он аж опешил: «Ну, молодцы, ну, шустряки. Вчера утром улетели, а сегодня, к обеду, уже дома!», – и от всей души нас поблагодарил: меня, второго пилота В.В. Герасимова, бортмеханика Ю.М. Столбикова.

Вообще, про командира авиаэскадрильи А.И. Петрикова и его заместителя Ю.Г. Карнаухова – отдельный разговор. Про них можно писать отдельную книгу. Скольких лётчиков они воспитали, скольких спасли (в прямом смысле этого слова). Александр Иванович был очень тонкий психолог. Вот один из примеров его мудрого руководства. Летали в две смены, то есть с четырёх утра, и вот, когда обстановка была напряжённой, то к 20-му числу месяца практически у всех была выполнена саннорма по налёту часов, далее следовала «продлёнка». Тогда Александр Иванович объявлял в авиаэскадрильи два выходных дня. Вся авиаэскадрилья едет на лодках на Большой остров отдыхать, а так как нельзя уже совсем обезглавить аэропорт, устанавливается такой режим работы: экипаж Салагина летает в первую смену на ЛАР, а затем его меняет экипаж Алесковского и работает на буровых в районе Ванавары. Таким образом, устроив психологическую разгрузку, лётный состав с новыми силами, числа с 20–25-го, долётывает «продлёнки». А как он пилотировал Ми-8: спокойно, ласково, такому мастерству можно было только позавидовать. Кстати, после переучивания при УТО-14 в январе–феврале 1979 года меня, командира лётного отряда Ю.А. Дорофеева и второго пилота Г. Татарина вводил в работу именно Александр Иванович, и я как-то быстро освоил технику пилотирования Ми-8 под его чутким руководством. А было это так: тренировались в Бедобе (тридцать километров севернее Богучан), так, чтобы не мешать основным полётам в аэропорту Богучаны. Бортмехаником был В. Семёнов. И как-то на тренировке Александр Иванович говорит мне: «А ну-ка, зависни и повиси, чтобы от колёс до земли было пять сантиметров (высота спичечный коробок)». Я выполнил указание. Он говорит Семёнову: «С Салагина тренировок хватит, а его часы отдадим Дорофееву и Татарину». И больше они меня с собой на тренировку в Бедобу не брали. После переучивания я пятьдесят процентов налетал на Ми-4 и пятьдесят процентов – на Ми-8. Всего за год вышло 700 часов.

На Ми-8 летал в экипаже КВС Г.И. Романова и бортмеханика Г.С. Зотова, в 1980 году начали ввод в строй КВС Ми-8. Проверку техники пилотирования делали Александр Иванович и бортмеханик А.П. Гапоненко. Надо было сделать «зону» и примерно десять полётов по кругу. Александр Иванович говорит: «А ну-ка, зайди на крайнюю стоянку десять раз». Я сделал это влёгкую. Гапоненко мне показал большой палец: мол, всё «отлично». Потом 100-часовая программа с левого сиденья с пилот-инструктором. Отлётывал, с кем придётся: с Евтушенко, Михайловым, Карнауховым. К августу 1981 года получил все допуски. В том же году поехали в командировку двумя экипажами на остров Сахалин (второй экипаж В. Годовикова). Там немного полетали на «гравику» (съёмку), но в основном работали на нефтяников. Налетал 210 часов, из них 180 часов с внешней

подвеской. Один раз завёз продукты на маяк мыса Елизаветы – самая северная точка острова Сахалин, очень впечатляюще красивое место. А так в основном базировались в аэропорту Ноглики. Летал вглубь, до середины острова. По окончании командировки нас с Годовиковым вызвал командир Охинского авиаотряда и предложил перевестись к ним работать, на что мы пообещали подумать.

За время моей трудовой деятельности география полётов выглядела так: Красноярский край, Эвенкия, полуостров Таймыр, полуостров Ямал, остров Сахалин, Чукотка – Марково, Анадырь, Певек, Билибино. Два раза гонял вертолёт в АРЗ Энгельс (Саратов) туда и обратно, Западная Сибирь, Новосибирск, Омск. В 1985 году сдал на 1-й класс в Ростове-на-Дону. В 1986 году командир Богучанской объединённой авиаэскадрильи А.М. Сизых и командир Ю.Г. Карнаухов пригласили работать командиром звена Ми-8 в Богучаны. С 1 сентября 1986 года я был переведён туда.

Все прекрасно помнят время перестройки М.С. Горбачева и что натворила «выборность», когда предприятиями стали руководить вторые пилоты, штурманы, диспетчеры. Коснулась она и меня. «Выборность» не всегда шла на пользу. Это можно проанализировать на примере Богучанской авиаэскадрильи. Первоначально в ней было шесть вертолётов Ми-8, одиннадцать самолётов Ан-2, численность работающих составляла примерно 411 человек, а в процессе – всего ничего: работают другие авиакомпании, ни своих летчиков, ни своих авиатехников, ни диспетчерского состава, ни АМСГ.

В 1989 году создал своё ЧП «Вектор»: оказание транспортных услуг населению и организациям. Заключение договора аренды на вертолёт Ми-8 № 22294 с командиром ОАЭ В.М. Скурихиным. Налетали девять часов, и больше НАМ работать не дали, пришлось ЧП закрыть.

В 1992 году при УТО-14 я окончил пятимесячные курсы английского языка (планировал работать за границей). В 1993 году окончил ОЛА ГА. Я очень часто вспоминаю, какой дружной была вертолётная АЭ в Кежме: как встречали праздники, как провожали кого-то на пенсию либо того, кто уезжал работать переводом в другие предприятия. Мой комсомольско-молодёжный экипаж (второй пилот В.В. Герасимов, бортмеханик Ю.М. Столбиков) не раз добивался высоких показателей в труде и спортивной жизни отряда, неоднократно был поощрён командованием отряда и Красноярским УГА. Моя фотография висела на Доске Почёта отряда и Кежемского района. При формировании экипажей как-то командир А.И. Петриков стал часто менять (раз в три-четыре месяца) вторых пилотов и бортмехаников. Я на разборе в шутку заявил, что не Макаренко, чтоб воспитывать вторых пилотов и бортмехаников. На это он мне ответил: «Воспитывай, воспитывай и учи, раз это у тебя хорошо получается». Так, за свою бытность воспитал и научил летать немало людей. Некоторые даже «висеть» не умели, а сейчас работают КВС Ми-8 и даже летают за границей. Несколько лет подряд меня избирали председателем профкомитета 131-го лётного отряда.

На Ми-8 не обошлось и без курьёзных случаев. 7 апреля 1982 года, за двенадцать километров не долетая Ванавары, выключился правый двигатель (G=11500), на 100 метрах запустили двигатель и благополучно сели в аэропорту Ванавара (причина: КРН). В августе 1988 года при работе на о/т Куюмба (я в экипаже был проверяющим) при прохождении фронта п/базу закрыло облачностью, а нас (при попутном ветре до 90 км/час) унесло на восток, определили место, развернулись на 180° и за двадцать километров до п/базы при загорании табло «Остаток 300 л» сели на подобранную с воздуха площадку – экипаж и вертолёт целы.

6 октября 2006 года при посадке на площадку, подобранную с воздуха, и при перемещении назад и вправо зацепили несущим винтом отдельно стоящее дерево, повредив несущий винт.

И всё-таки хорошего в моей жизни было гораздо больше. В 2001–2002 годы довелось возить губернатора края А.И. Лебеда на Таймыре и в Красноярске, а также руководство Норникеля, а в Туре – представителей ЮКОСа.

С грустью вспоминаю ушедших из жизни коллег, учителей-наставников. ВЕЧНАЯ ИМ ПАМЯТЬ, ЗЕМЛЯ ИМ ПУХОМ!

А ЖИВЫМ – ЗДОРОВЬЯ, СЧАСТЬЯ и УДАЧИ!

Красноярский край, с. Богучаны, март 2018 г.

КАК Я РАБОТАЛ В КЕЖЕМСКОМ АЭРОПОРТУ. 1980–1983

Н.Ю. Воронцов

Историко-иронические хроники

Сорокаградусный мороз чувствительно пощипывал кончик носа и мочки ушей. На дворе стоял конец января 1980 года. Я, новоиспечённый выпускник Троицкого авиационно-технического училища ГА, вместе с прибывшими из Красноярска пассажирами внимательно рассматривал перрон Кежемского аэропорта – место своей будущей работы. В курсантской шинели и форменных ботинках на «рыбьем» меху ощущения были не из самых приятных. Хотелось в тепло.

Где-то далеко, на горизонте, в морозной дымке угадывались силуэты вертолётов. Ближе к зданию вокзала стояла парочка Ан-2.

– Не задерживаемся, быстренько проходим в здание аэровокзала! – это сопровождающая поторапливает зазевавшихся пассажиров.

– А Вы не подскажете, как мне найти отдел кадров аэропорта?

– Отдел кадров находится в левом торце здания, но для этого Вам нужно выйти на улицу.

– Спасибо!

Обеденный перерыв закончился полчаса назад, и поэтому отдел кадров был открыт. В то время там работали Сизых Любовь Петровна, начальник ОК, и Екатерина Столбикова, инспектор. Проверив мои документы и направление, они отправили меня к начальнику АТБ Сизых Алексею Михайловичу. Пройдя через КПП на территорию аэропорта, я нашёл его довольно легко.

– Вам нужны молодые неопытные специалисты?

– А зачем мне ещё и неопытные специалисты, если у меня полным-полно опытных?

– Понятно. Но если вдруг они Вам потребуются, то найти меня будет очень просто. Я живу в Тагаре. Вот мой домашний адрес.

В тот же день я улетел домой, в Тагару, где жили мои родители.

Через неделю я получил телеграмму, в которой говорилось, что я должен немедленно явиться в Кежемский объединённый авиаотряд Красноярского управления ГА, в который я направлялся по распределению.

Так начиналась моя авиационная стезя...

Желание стать авиатором возникло у меня ещё в школе. Меня очень привлекали пилоты, которые перевозили зимой нас, школьников, из Проспихино в Тагару на выходные дни. Они – в красивых унтах, в меховых «полярках», в шапках с винтокрыльями кокардами – казались мне самыми мужественными людьми на свете. Я всегда во время полёта просился к ним в кабину. Иногда они разрешали мне, школьнику, посидеть между креслами на бортовом журнале в алюминиевой обложке, лежащем на струбцине штурвальной колонки.

По прибытии в Кежму в отделе кадров ОАО мне выдали направление для устройства в общежитие. В то время там проживали пилоты, техники, инженеры, диспетчеры, работники метеослужбы, службы ГСМ.

Выпускники технических и лётных училищ и институтов ГА приходили в то время в отряд ежегодно. Устроившись в общежитии, я узнал, что только что, в сентябре 1979 года, после окончания Фрунзенского авиатехучилища в Кежемский отряд пришли Моисеев Николай, Комиссаров Игорь, Зиненко Сергей, трое тувинцев-авиатехников – Монгуш Анатолий, Бегзикей Анатолий и Чылбак-Оол Джалиль.

Вместе со мной в январе 1980 года пришли авиатехники-вертолётчики из Выборгского училища ГА – Слонов Юрий, Забабурин Владимир и Пунько Александр, из Троицкого училища ГА – Слободчиков Владимир, Горюшкин Анатолий, Пронько Иван и я, из Иркутского училища – братья-близнецы Сизых Иван и Пётр. Были выпускники и из других училищ, например, Куприянов Саша, пришедший, кажется, после Егорьевского училища ГА.

Жили в общежитии и молодые пилоты: Сафонов Сергей, Демидаш Виктор, Даммер Сергей, Семенков Борис, Скопин Александр, Шпак Александр. Чуть позже прибыл второй пилот Ан-2 Родькин Сергей. Пришли девчонки из Иркутского метеотехникума: Плотникова Наталья, Ловейко Ирина, Молчанова Надежда, Львова Нина. В службу ГСМ – Натейкина Ирина. В общежитии жили и молодые семьи (помню семью Виктора и Регины Горчаниных), но они, как правило, вскоре получали квартиры от аэропорта и уходили из общежития.

Жили все одной, большой авиационной семьёй. Дружно и весело. Вместе отмечали праздники, дни рождения. Летом уходили гулять в лес, на берег Ангары или уезжали на лодках на острова. Все доверяли друг другу, помогали, чем могли. Например, многие держали деньги в тумбочках, и, если вдруг у тебя они кончались, то можно было одолжить их до получки у друзей, причём, даже если они были в командировке. Можно было на вахте снять ключи от любой комнаты, взять из тумбочки необходимое количество денег, а вместо них положить записку: «Я, имярек такой-то, взял в долг до получки десять рублей. Обещаю сразу же вернуть». В общежитии не было ни воровства, ни разборок.

Девчонки, приготовив на кухне что-нибудь вкусненькое, угощали всех. Жареная на сале картошка с луком вкуснее всех получалась у Лены Денис. Она приехала в Кежму с Украины, из Закарпатья. Работала мойщицей самолётов. За её открытость и простоту, которая, как известно, у нас хуже воровства, звали её «Леонора Недавинчинная».

Без всякой злобы и обиды, по старой ангарской привычке давать людям прозвища, дабы ярче выразить сущность человека.

Это было прекрасное время для развития авиаотряда.

В АТБ был участок трудоёмкого регламента и участок оперативного обслуживания. Оперативка работала посменно, а УТР – по пятидневке. Первая смена начинала работу в 6.30 утра и занималась подготовкой самолётов и вертолётот в рейс, вторая смена заступала на работу в 13.00 и занималась обслуживанием по оперативным (транзитным) формам и работами по обеспечению стоянки ВС. Ночью самолёты не летали. Более трудоёмкие формы регламента выполнялись в ангаре – «тепляке». Туда помещался только двигатель самолёта Ан-2. Фюзеляж оставался на улице. Позднее был построен и вертолётный ангар, куда закатывали вертолёт целиком, предварительно демонтировав несущий винт.

Начальником ОТК на участке трудоёмкого регламента был Виктор Викторович Улаев, техником-бригадиром – Быков Василий Степанович. Оба они были заядлыми любителями-мотоциклистами. У Виктора Викторовича был «Урал», а у Степаныча – «Минск». На вопрос Улаеву: «А на каком бензине, Викторович, у тебя лучше мотоцикл-то работает: на А-72 или на Б-91/115 (авиационный бензин)?», тот отвечал: «А я на 72-м-то ещё и не пробовал». Хотя мотоцикл был у него уже не один год.

Начальником производства АТБ был Анкудинов Виктор Николаевич, участок трудоёмкого регламента возглавлял Брюханов Геннадий Демидович, а оперативный участок – Бондарь Анатолий Иванович. Была в АТБ и группа подготовки производства, возглавлял её Валентин Иннокентьевич Карнаухов, в подчинении которого были комплектовщики Василий Ефимович Анкудинов, Владимир Китьянович Васильев и Юрий Михайлович Брюханов (все бывшие авиатехники, обслуживавшие в своё время ещё По-2 и Ш-5 (самолёт-амфибия конструкции В.Б. Шаврова)). Именно у них мы в начале смены получали инструменты для работы, расходные материалы и запчасти. У них же учились и перенимали их богатый опыт.

Свою трудовую деятельность в авиаотряде я начинал в оперативной смене. Вместе со мной работали авиатехники по Сид: Брюханов Геннадий, Карнаухов Валерий, Хоменко Володя, Моисеев Николай, Кузьмин Михаил, Малков Олег («кВасильевич»). Начальником смены был Фомин Николай Михайлович, а техником-бригадиром – Николаев Валерий. Позже его сменил Логинов Андрей. В другой смене (начальник смены А.И. Мазницын), где бригадиром был Михаил Панов, работали братья-близнецы Сизых Иван и Пётр, Эргардт Александр, Бондаренко Виктор, Дресвянских Михаил, Привалихин Михаил, Сизых Николай и многие другие.

Малков Олег был большим любителем рассказывать охотничье-рыбачьи байки. Вот одна из них:

«Как-то по осени поехали мы с Татьяной (супруга Олега) пострелять уток. Встали пораньше, пока на Ангаре стоял ещё густой туман. Стелился он по-над водой, низенько-низенько. Столкнули лодку, я – за мотор. Завожу, поехали...Подъезжаем к островам... Я в лодке-то привстану над туманом, осмотрюсь и снова пригибаюсь, чтобы подкрадываться к уткам незаметно. Увидел на горизонте стаю сидящих уток, газ – на «малый» и потихоньку всё ближе и ближе к ним. Подкрался почти вплотную, метров тридцать осталось... Заглушил мотор, вскочил в лодке над туманом, вскинул ружьё да с обоих стволов как жажнул!!!! Эх!!! Метров сто дробь не долетела...

Но всё равно мы настреляли в тот день с Танюхой уток полный куль. Поехали домой. И вот, уже на самом подъезде к Кежме, смотрю – чирок плавает в одиночестве. Я – за ружьё. Ба-бах!!!! Есть! Ну, думаю: слава Богу, не пустой...».

Кабинет начальника АТБ находился в одном здании с техническим классом, и Алексей Михайлович часто присутствовал на сменных разборах...

Как-то Олег уснул на разборе и даже всхрапнул. Алексей Михайлович разбудил его окриком и спрашивает:

– О чём это я сейчас, Олег Васильевич, рассказывал и кому?

А тот невозмутимо отвечает:

– Алексей Михайлович, где-то в Папуа-Новая Гвинея «Боинг-777» упал, а Малков виноват?

Начальник АТБ:

– Эх, и завидую я вам, молодым... Вот вчера вечером смотрю – Николай по стадиону такие кренделя выписывает, ни один осциллограф не нарисует. А сегодня с утра вижу – прыгает по стремянкам, как воробей, и ничего у него не болит! Ведь так, Николай, ничего не болит?

– Нет, Алексей Михайлович, ничего не болит.

– Вот потому я и завидую вам, молодым...

Кроме авиатехников по планеру и двигателю, были в сменах и участки АиРЭО. На этих участках работали инженеры и авиатехники-специалисты: радисты, прибористы, электрики. Возглавлял участок Секурцев Валентин Иванович. В нашей смене работали: Иван Георгиевич Шестернёв, Владимир Дидохо, Александр Рожков, Геннадий Чалый, Михаил Шестернёв, Николай Косюк, Владимир Петров и другие.

На участке трудоёмких регламентов работали авиатехники: Медведев Михаил, Брюханов Вениамин, Зиненко Сергей, Слободчиков Владимир, Горюшкин Анатолий.

На вертолётном участке работали: Погодаев Александр (бригадир), Шкрылёв Виктор, Шишкин Валерий, Усольцев Александр, Перфильев Вячеслав, Столбиков Юрий, Слонов Юрий, Забабурин Владимир, Малько Сергей. Начальником ОТК на участке был Сергей Чихман.

Работы, особенно в летний период, было очень много. Самолёты почти целый день находились в рейсах, а вечером слетались на базу. Это было для нас самое ответственное время. Надо было всех их обслужить, дозаправить, выполнить работы по обеспечению стоянки. А утром всё начиналось сначала: гонка двигателей на всех режимах, оформление документации, сдача самолёта экипажу.

Запомнился опытный командир Ан-2 Егоров Михаил Михайлович. На послеполётном брифинге на вопрос о работе матчасти в рейсе он постоянно отвечал: «Работает, как трактор, так что, ребята, не мешайте авиационной технике...».

Был в расписании полётов и рейс, называемый «весёлым»: Кежма – Аксёново – Паново – Усольцево – Фролово – Кежма. Назывался он так потому, что, не успев набрать высоту эшелона, нужно было снижаться для посадки на следующую посадочную площадку. На этот рейс всегда можно было заказать с экипажем свежее молоко, сметану и творог...

Кроме базовых самолётов, приходилось обслуживать и самолёты, прилетающие из Красноярска, Братска: Ил-18, Як-40, Л-410, Ан-24, Ан-26...

Общественная работа всячески поощрялась. Я был членом районного «Комсомольского прожектора», группу от авиапредприятия возглавлял инженер лётного отряда Александр

Рякин. Почти ежемесячно мы проводили рейды по магазинам на предмет сокрытия дефицита. С улыбкой вспоминаю реакцию продавцов на убийственную для них фразу: «Контрольная закупка» и одновременную демонстрацию красных корочек. Продавцы узнавали нас уже в лицо, поэтому было совсем несложно разжиться дефицитной подарочной коробкой шоколадных конфет или бутылочкой шампанского либо какого-нибудь редкого сухого вина.

А летом я и братья-близнецы Сизых (они болтуринцы) решили поступать в Актюбинское высшее лётное училище ГА. Так как мы закончили среднетехнические училища с «красными» дипломами, то нам можно было не отрабатывать положенные три года, а поступать в год выпуска. Все характеристики писались в то время практически по шаблону. Помню, что комсомольская характеристика заканчивалась словами: «Политику партии и правительства понимает правильно. Делу Ленина предан».

Поскольку руководству АТБ писать характеристику было практически некогда, то написал я её сам на себя, взяв за образец характеристику братьев Сизых. Но она должна была быть напечатана на пишущей машинке. Понёс я свою характеристику печатать к секретарше АТБ, но по дороге мне встретилась секретарша начальника наземных служб. Поинтересовавшись, что за свёрток у меня в руке, она предложила напечатать характеристику, поскольку у неё есть свободное время. Я согласился, так как криминала в этом не увидел.

Через два дня меня вызвали к командиру объединённого авиационного отряда. Там, в кабинете, на столе лежала моя характеристика, уже отпечатанная и с подписями (!). Но в глаза бросалась резолюция, написанная красным карандашом: «Начальнику АТБ. Разобраться с проходимцем!!!». Оказалось, подпись начальника штаба была поддельной, а сам он был в командировке. Кто расписался за Григорьева, я до сих пор не знаю. Так, на моём поступлении в тот год был поставлен крест. Правда, и братья Сизых вернулись назад в АТБ. Кто-то из них не сдал математику на вступительных экзаменах. Вернулись оба, так как были «не разлей вода».

Жизнь в аэропорту кипела, и, казалось, что конца этому не будет... Но, увы...

В общем-то, авиаотряд дал путёвку в большую авиацию очень многим. Сизых Пётр и Иван летают командирами «Боинга-767», Сергей Родькин (вечная память) дошёл до командира объединённого авиаотряда в Абакане. Многие пилоты, начинавшие в Кежме, ушли работать на современные лайнеры. Я и сам до сих пор работаю авиатехником в АК «Трансаэр» – обслуживаю «Боинги-767/747»...

P.S. Прошу прощения у тех, кого я, возможно, не упомянул или перепутал по слабости памяти...

С-Петербург, март 2016 г.

Слово о Родине

ПРИАНГАРЬЕ РОДНОЕ...

О.Г. Шадерова

*«Где же мы? – ты спрашиваешь, – где ж мы?».
И мотора рокот заглуша,
Отвечаю: «Мы в районе Кежмы,
Ангара здесь чудо – хороша».*

И. Рождественский

Опять я, как в детстве, бегу по песку,
Забыла я город, гоню я тоску.
Я в детство вернулась через 30-то лет!
И знала я: мест тех красивее нет!

Живу беспокойно, не гладко, не так,
Как виделось в детстве на синих водах,
Мечталось у сосен на Лысой горе,
Мечталось и верилось только себе.

Тебя покидая, отеческий край,
Просила я тщетно: меня не предай!
И родина тихо в ответ промолчала,
А лет через 30 мне всё рассказала.

Она рассказала пожаром лесов,
Что бор наш черничный от гари засох,
Что нет той полянки у синей воды,
Что в хвое не прячутся больше грибы.

Ангарской водицы испить не придётся:
В ней много металла теперь там найдётся,
Завален деревьями «сочинский пляж»,
Разъехались жители, деревни впотьмах...

Стою на высоком крутом берегу...
Я с детством расстаться никак не могу.
Мой дом, покосившийся, греет теплом,
Далёким и чистым жёлтым окном.

Окно по ночам мне приходит во сне,
Чтоб вновь рассказать о суровой судьбе,
О том, что деревня под воду уйдёт,
Как будет страдать приангарский народ.

Забудут потомки Дворец, и Косой,
И скалку, и Ёрму с хрустальной водой,
И шум шиверы, что Медвежкой звали,
Забудут про баржи, ангарские дали.

Я в сердце тебя сохраняю навечно,
Река Ангара. Приангарье родное!
Ты снись по ночам, оттого мне теплее,
И родина ближе ко мне и милее.

2004 г.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДЕРЕВНЕ КАДЕ

Л.Н. Рукосуева

На высоком на пригорке
Размещалась Када.
Небольшая деревенька,
Но весёлою была.

С высоты далёко видно –
Так смотрелся кругозор:
Все леса, поля и реки,
Острова, пара озёр.

Таки богатые леса по Каде-речке
От начала, и много разных экспедиций
Река таёжная встречала.

А забытая Богом деревня
Не имела ни креста Христа,
А ещё сельсовета и клуба.
Беднота лишь быльём поросла.

Тут самолёты не садились,
И «Зорям» не было причала,
Одни моторные лодчонки
Вода ангарская качала.

Две лодочки те небольшие,
Дома стояли строго в ряд,
Да ещё рытвина огромна.
Всего домов-то пятьдесят.

А до войны здесь жили справно,
И мужики были крепки,
На плотбищах жили зимами,
И дети здоровыми росли.

Но в 41-м, роковом,
Всех мужиков война забрала.
Остались вдовы, старики,
Детей судьба пораскидала.

Как тяжко робили в колхозе,
Жили летом в шалашах,
Денег не давали,
Платили трудоднями.

Все кадинские селяне,
Хлебосольны и просты,
Друзей, родных же
Угощали, ходили часто за версты.

Было припасу полно,
Всё кругом везде росло, заготовливай
И ешь, не ленись – то обробеешь.
Рыбы полная река удивляла рыбака.

Но одна беда была – гармонистов не бывало,
Только Феня же слепая
Гармошкой завывала.

Да ещё была Матрёна,
Балалайкой брякала,
Сразу все пускались в пляс.
Пели же частушки, что горели ушки.

Всё разом рухнуло, упало,
Всех судьба нас раскидала.
Редко же общаемся,
Почти и не встречаемся.

Затопили – стало море,
Была деревня – нет её.
Но, а память-то живёт,
Нам покоя не даёт.

Молодость прожита тут,
Жили и трудились, дети тут родились,
Бегали, резвились.
Мала родина была –
Теперь кругом только вода.

ПРОЩАНИЕ С АНГАРОЙ

Н.В. Попов

Идёт наш катер над родной деревней.
Я сердцем чувствую тебя и что-то узнаю:
Над нашим кладбищем макушки от деревьев.
Всем миром провожали здесь в последний путь.

Там была школа, вот мой угор, примерно.
Как режут волны память пополам.
Для кого всё это? На душе так скверно.
Ты стала дном, и всё хорошее осталось там.

У Мининого ручья мои орлы не кружат,
А каменных стрижей было тогда не счесть.
Я нагишом купался где-то здесь в прилуке,
Мне дед грозил, чтоб на скалу не вздумал лезть.

Но я не слушал, шёл прямо, без страховки.
Летели камни, рассыпаясь, в Ангару.
И гордый я стоял у самой кромки,
Смотрю, мне, кажется, я там сейчас стою.

Уходим вверх, где ещё живые берега.
Средь умирающих деревьев, обгорелых брёвен.
Туда, где ты ещё похожа на себя.
И где мы улыбнуться наконец-то сможем.

Вот шивера Игренькова поёт, ещё шумит.
На Каменном пристанем, стол накроем.
И свои песни буду до утра моей реке дарить.
Хочу увидеть, как целует тебя солнце на восходе.

К нам небо благосклонно – дарит солнечные дни.
Предстали взору белокаменные стены храма.
То ль облако, то ль ангел над тобой парит.
В душе открылась незаживающая рана.

Под уцелевшим сводом гуляет ветер.
Здесь ласточки нашли свой дом.
Кричат истошно и взывают в небо,
Как будто души наших ушедших земляков.

Мы вновь идём туда, где нас уже не ждут,
На пристани не встретят, как бывало.
Мне кажется, здесь птицы плачут, не поют,
И взвоз исчез, и тополей не стало.

С безлюдного угора я смотрю на Ангару.
Там чайки шумно над островом летают.
Уходит тихо благодать, тебе, христовая, пою.
Всё возродится, я молю, я так желаю.

2012 г.

ГИМН АНГАРЦЕВ

Л.И. Костина

На речное дно ушёл, сгорая,
Кежемский богатый район.
На прощанье люди, уезжая,
Отдавали прошлому поклон.

Испытало наше поколение
Всё ценою раненых сердец.
Под водою наши поселенья:
Покова, Болтурино, Дворец.

Было старикам совсем несладко
Покидать сторонушку родну.
Утерев слезу свою украдкой,
Стали думать думушку одну.

Как же примет нас к себе чужбина?
Мы с родной землёй уже срослись.
Знать, такая горькая судьбина.
Видно, даже Боги отrekliсь.

Молодым полегче в этом плане,
Все почти разъехались давно,
Набираясь опыта и знаний,
Новой жизнью править суждено.

Но живо лесное Приангарье,
Только нет посёлочков родных.
Душу греют всё воспоминанья.
Вот они живее всех живых.

АНГАРА МОЯ

А.Н. Атаева

Великая, родная Ангара!
Не раз тебя поэты воспевали.
Была ты и сурова, и добра.
Характер люди сами выбирали.

Ты чистотою удивляла всех.
От жажды и нужды спасала.
Служила людям, но не для утех!
Свои богатства щедро отдавала.

Красивейшую дочь Байкала
Могучий Енисей смог покорить.
С ним, по легенде, от отца сбежала,
Чтоб плыть к нему навстречу и любить.

Ну, а Байкал, предчувствуя преграды,
Не отпускал любимицу свою.
Он обещал любому дать награды,
Кто б смог вернуть красу ангарскую.

И вот с тех пор она у Енисея.
Закована в бетон, как в кандалы.
Водича всё мутнее и грязнее,
В ней гибнет рыба и гниют стволы!

Людей, живущих на земле ангарской,
Пораскидало в разные края.
Сбежав когда-то от обиды царской,
Облюбовали предки ведь не зря.

Надеялись – богатство приумножат
Потомки и природу сохранят.
Всё полегло на дно, и их погосты тоже!
Умом всё это точно не понять!

Но жизнь идёт и в памяти стирает
И боль разлук, страданий и потерь.
Ведь каждый свою тропку выбирает.
И от судьбы не скроешься, поверь!

Поэтому нам хочется встречаться,
Услышать вновь ангарский говорок.
У берегов родных не можем собираться,
А Красноярск всем стал, как островок.

И каждый год весеннею порою
Приходят люди с разных деревень,
Как будто снова мы пред Ангарою.
Готовить эти встречи нам не лень.

Чтоб знали, что мы живы, в силе,
Мы, кежмари, общину создадим.
Любовь к родной земле мы сохранили,
Культуру старожилов возродим!

Декабрь 2014 г.

Хроники Кежемского
землячества. 2014-2019

Кежемский район относится к старожильческим и связан с историей освоения Сибири русскими. Социум потомственных русских старожиллов Сибири, обладающих особенностями хозяйственного уклада, социальных отношений, культурных традиций, сложился в течение одного-полутора столетий (к 1760-м гг.). К русским старожиллам Сибири относятся и ангарцы – так называли себя коренные жители селений, расположенных на Ангаре. Строительство Богучанской ГЭС привело к массовому оттоку населения, начиная с 1970-х, и завершилось переселением ангарцев из зоны затопления в марте 2011 года. Сегодня ангарцы разбросаны не только по всей России, но и за её пределами. Основой для создания Кежемского землячества стало земляческое движение. Сегодня в Красноярске действуют 5 земляческих групп бывших жителей Кежемского района.

СОЗДАНИЕ КРОО СКРСС «КЕЖЕМСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО»

Красноярская региональная общественная организация по сохранению культуры русских старожиллов Сибири «Кежемское землячество» зарегистрирована 7 мая 2014 года. Учредители КРОО СКРСС «Кежемское землячество»: А.Н. Атаева, А.В. Быков, Н.И. Дроздов, Л.Л. Карнаухова, Т.Н. Кособокова, М.А. Лящев, Н.В. Попов, В.И. Привалихин.

Из Устава КРОО СКРСС «Кежемское землячество»: «Организация создаётся с целью консолидации и сохранения культурной самоидентификации русских старожиллов Сибири – бывших жителей Кежемского района Красноярского края, сменивших место постоянного жительства в связи со строительством Богучанской ГЭС и проживающих на территории Красноярского края, в других регионах РФ».

Особенностью Кежемского землячества является то, что в него входят не только русские старожилы Сибири (ангарцы) – потомки тех, кто осваивал Северное (Нижнее) Приангарье, но и представители других народов, для которых Кежемский район стал второй родиной (украинцы, немцы и др.).

Деятельность КРОО СКРСС «Кежемское землячество» осуществляется при поддержке Управления общественных связей Губернатора Красноярского края и КГАУ «Дом дружбы народов Красноярского края». В рамках государственной программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Красноярского края» КРОО СКРСС «Кежемское землячество» осуществляет мероприятия по сохранению культуры русских старожиллов Сибири, развитию русских традиций и сибирской самобытности.

Одно из важных направлений в деятельности Кежемского землячества – содействие изучению и сохранению ангарского диалекта русского языка, фольклора, культурных и духовных традиций старожильческого населения Нижнего Приангарья. Главный наш

партнёр – Институт филологии и языковой коммуникации СФУ, с которым Кежемское землячество сотрудничает с 2012 года. Студенты ИФиЯК СФУ под руководством Ольги Викторовны Фельде, доктора филологических наук, профессора, руководителя Лаборатории междисциплинарных исследований коммуникативного пространства и лингвокультур Енисейской Сибири, члена-корреспондента Сибирской академии наук Высшей школы (САН ВШ), научного руководителя проекта «Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья», занимаются изучением русского старожильского (ангарского) говора: диалектологические экспедиции в Нижнем Приангарье (в том числе и в Кежемском районе), записи воспоминаний ангарцев (в Красноярске, Сосновоборске, Саяногорске); конференции; участие в мероприятиях Кежемского землячества и др. Основные формы сотрудничества с ИФиЯК СФУ: «Ангарские встречи в СФУ» (с 2012); круглые столы, посвящённые вопросам изучения культуры русских старожилов Сибири (2015, 2017, 2018, 2019); Международная научно-практическая конференция «Русский язык и русская литература как фактор культурной интеграции Русского мира»: Презентация Ангарского проекта (научный руководитель О.В. Фельде) (ИФиЯК СФУ, 2016); Дни славянской письменности (ИФиЯК СФУ, 2017); презентация междисциплинарного проекта «Енисейская Сибирь в зеркале языка» (СФУ, 2017); этно-уроки (с 2019).

Наиболее значимые мероприятия Кежемского землячества до создания НКО: ежегодные земляческие встречи (с 1997), издание первого посмертного сборника стихов А.Ф. Карнаухова «Село твоё уйдёт на дно морское» к Прощанию с Кежмой (2009); участие в проектах: «Ангара – река живая» (КРОЭО «ПЛОТИНА», 2010), «АНГАРСКИЙ СЛОВАРЬ» (кино-видеостудия «АРХИПЕЛАГ», 2012–2013); в съёмках документальных фильмов о родине; публикации в СМИ.

ХРОНИКИ КЕЖЕМСКОГО ЗЕМЛЯЧЕСТВА. 2014-2019

2014 год

27 мая, Дом искусств. ПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИСКА Н. ПОПОВА «ПРОСТИ, АНГАРА!»

Информация о создании Кежемского землячества. Презентация диска Н. Попова «Прости, Ангара!», автора песен о родине. Выпущено 2 диска, проведено несколько творческих встреч (Красноярск, Кодинск, Сосновоборск, кадетское училище и др.).

30 октября, Дом искусств. ВЕЧЕР ПАМЯТИ А. ПРИВАЛИХИНА

Александр Владимирович Привалихин (1959–2014), уроженец с. Проспихино, внёс личный вклад в сохранение Памяти о родине, и сделал это по-ангарски немногословно,

без громких слов. Благодаря ему состоялись последние поездки по Ангаре (2008–2012) – так появились фильмы Е. Родченковой, А. Гришакова, отмеченные призами на различных конкурсах.

7 ноября, Литературный музей. ПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Участие Кежемского землячества в презентации новой экспозиции Литературного музея «Сны о Сибири». Один из её разделов посвящён теме «Река» и связан с темой освоения гидроресурсов в Красноярском крае. Именно здесь ангарцы исполнили свои старинные песни. В разделе «Гимназия» студенты СФУ (научный руководитель О.В. Фельде) представили проект по изучению ангарского диалекта. На церемонии открытия новой экспозиции присутствовали губернатор Красноярского края В.А. Толконский, депутаты Законодательного собрания Красноярского края и др.

12 ноября, Литературный музей. ВСТРЕЧА С Г.В. АФАНАСЬЕВОЙ-МЕДВЕДЕВОЙ

Галина Витальевна Афанасьева-Медведева, доктор филологических наук, автор многочисленных книг и статей, очерков, посвященных народной культуре Сибири. Автор уникального труда – «Словарь говоров русских старожил Байкальской Сибири» (20 томов). Встреча произвела огромное впечатление на всех присутствующих – это был живой диалог, с ангарскими песнями и байками, песнями Н. Попова. Воспоминаниями о наставнике старинцев – Е.Я. Брюхановой (1915–2011) – поделился руководитель ф/а «Живая стАрина» И. Горев. Старинные песни, которым она их обучала, удивляли фольклористов из Новосибирска, Иркутска, Москвы. Запомнилась старинцам её присказка: «За вас – пленных, и за нас – военных!». На встрече присутствовали консультант Управления общественных связей губернатора края Е.В. Нельзина, специалист по нематериальному наследию С.В. Калинина (ГЦНТ), журналисты, филологи (СФУ, КГПУ им. В.П. Астафьева), телевидение СФУ, студенты.

2015 год

28–30 мая. I ФЕСТИВАЛЬ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ НАРОДОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Первый Фестиваль старожильческих народов Красноярского края в Красноярске открылся молебном «На начало доброго дела» (Дом кино), затем – просмотр и обсуждение документальных фильмов о русских старожилых Сибири, встреча с авторами фильмов – Э. Астраханцевой, В. Вараксиной, А. Гришаковым. Второй день был посвящён круглому столу «Культура русских старожилых Сибири: опыт, проблемы, перспективы», впервые объединившему красноярских учёных, музейщиков, документалистов, журналистов, представителей общественных организаций,

ангарцев, студентов; подготовлена книжная выставка «Живая старина Приангарья» (из фондов научной библиотеки Красноярского краевого краеведческого музея). Круглый стол прошёл в музее-усадьбе Г.В. Юдина и завершился чаепитием и дегустацией ангарских блюд. Третий день фестиваля (Камерный зал Красноярской краевой филармонии): концертная программа, награждение активистов и партнёров Кежемского землячества, фотовыставка «Кежмари», мастер-класс по освоению вечерочных, проходочных и хороводно-игровых песен старожилов Сибири, дегустация ангарских блюд.

Важным итогом первого фестиваля стало позиционирование темы русских старожилов Сибири (ангарцев) в этнокультурном пространстве Красноярского края. Фестиваль стал первым публичным мероприятием Кежемского землячества.

Июль. Создание Молодёжного объединения Кежемского землячества (председатель Е. Смирнов).

31 октября, МВДЦ «СИБИРЬ». ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПЛОЩАДКИ «НИЖНЕЕ ПРИАНГАРЬЕ: ПУТЕШЕСТВИЕ В СИБИРСКУЮ АТЛАНТИДУ»

Площадка «Нижнее Приангарье: путешествие в Сибирскую Атлантиду» (организаторы: ИФиЯК СФУ, КРОО СКРСС «Кежемское землячество») в рамках IX КРЯКК стала своеобразным виртуальным путешествием, позволившим попасть в исчезающую традиционную культуру, увидеть неповторимую красоту Нижнего Приангарья, услышать уникальный ангарский говор и проникновенные сибирские песни, оценить мудрость и жизнелюбие коренных жителей Приангарья.

20 ноября, Литературный музей. ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «ЖИВЁТ ОБЛИК РОДИНЫ С НАМИ»

В первую книгу ангарцев о малой родине вошли статьи красноярских учёных по истории и культуре русских старожилов Сибири, воспоминания ангарцев, а также материалы из фондов Красноярского краевого краеведческого музея, Кежемского историко-этнографического музея имени Ю.С. Кулаковой, газеты «Советское Приангарье». В личных историях ангарцев отразилась история малой родины в контексте истории страны (1930-е годы и по настоящее время). Ценным даром для ангарцев стал рассказ М.А. Тарковского «К сожжению готов» (глава из будущей книги), продолжающий тему распутинской Матёры.

2016 год

3 марта. Вышел дополнительный тираж книги Н.А. Новосёловой «Песни старой Кежмы» на собранные ангарцами средства.

17–18 марта. ВЫЕЗДНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ В КОДИНСКЕ

16–19 марта по инициативе Кежемского землячества и при поддержке главы Кежемского района А.И. Шишкина состоялась поездка в г. Козьмодемьянск. 17 марта наша группа встретилась в Кежемском историко-этнографическом музее имени Ю.С. Кулаковой с бывшими жителями с Паново, затем – с главой Администрации Кежемского района А.И. Шишкиным; для старшеклассников СОШ №4 – лекция Е. Смирнова о нематериальном наследии Нижнего Приангарья. В ДК «Рассвет» состоялись два показа и обсуждение фильмов «Парады Панова» А. Гришакова и «Последняя рыбалка Тамарь» Э. Астраханцевой (для старшеклассников кодинских школ и ангарцев). 18 марта: поездка в д. Чадобец и микрорайон «Лукоморье» г. Козьмодемьянска с представителями администрации Кежемского района, обсуждение вопроса о Музее под открытым небом; посещение Заледеевской школы; встреча с юными журналистами в Центре дополнительного образования детей и др. Участники поездки: члены Кежемского землячества (3 чел.), студия кино А. Гришакова «САГА» (3 чел.), кино-видеостудия «АРХИПЕЛАГ» (1 чел.), СФУ (3 чел.).

24 мая–4 июня, Красноярск–Козьмодемьянск–Чадобец. II ФЕСТИВАЛЬ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ НАРОДОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Первый день прошёл в Центре культурных инициатив (г. Красноярск): концерт, мастер-класс, дегустация ангарских блюд, фотовыставка. В концерте участвовали: ф/а «Живая стАрина» (рук. И. Горев), «Сибирская вечора» (рук. В. Дудинский), детская студия «Верб» (рук. И. Черноусова), студия «Баколье» (рук. Е. Горева), коллектив Красноярского педагогического колледжа имени А.М. Горького «Шкатулочка» (рук. Л. Харченко), Н. Попов. Вторая часть фестиваля впервые проходила в Кежемском районе, при поддержке Кежемской администрации. В Центре дополнительного образования детей (г. Козьмодемьянск) прошли мастер-класс по ангарскому костюму (З.В. Ендржеевская, Красноярский колледж искусств имени Иванова-Радкевича) и лекция Е.С. Смирнова (ИФиЯК СФУ) о деятельности Молодёжного объединения Кежемского землячества. Затем участники фестиваля совершили поездку в старинное село Чадобец. Вечерняя программа фестиваля продолжилась в ДК «Рассвет» (г. Козьмодемьянск): лекция А.А. Пясецкого (КГПУ имени В.П. Астафьева) об истории археологических раскопок в Кежемском районе; просмотр фильма «Гидрограф, я Стекольный» Е. Родченковой (с. Богучаны); концерт с участием ф/а «Живая стАрина», хора «Русская песня» (с. Богучаны), Н. Попова и др.; награждение школьников и учителей г. Козьмодемьянска за исследовательскую работу по истории Кежемского района; фотовыставка. В мероприятиях фестиваля приняли участие специалист Управления общественных связей губернатора Красноярского края Е.В. Нельзина, глава Администрации Кежемского района А.И. Шишкин.

1–14 октября, Дом искусств. ПРОГРАММА «СИБИРСКАЯ АТЛАНТИДА»

В рамках I Красноярского международного кинофестиваля (организатор кино-видеостудия «АРХИПЕЛАГ») Кежемское землячество организовало работу площадки «Сибирская Атлантида»: показ и обсуждение фильмов Е. Стыценко (Москва) «В круге четвёртом» (2015) и Ю. Бывшевой (Иркутск) «Уходящие голоса» (2015).

29–30 октября, Красноярск–Дивногорск. ДЕНЬ БЛАГОДАРЕНИЯ МАЛОЙ РОДИНЫ

Праздник продолжает традицию празднования Дня благодарения Сибири (Дня Сибири), отмечавшегося сибиряками с 1881 до 1920-х годов в память о «Ермаковом пришествии» и своих предках. 29 октября в Центре культурных инициатив (г. Красноярск) прошли концерт с участием ф/а «Живая старина», Красноярского государственного ансамбля песни «КрасА» и др., выставка, мастер-классы, дегустация, чествование земляков. Участников мероприятия приветствовали Р.Г. Рафиков, заместитель начальника Управления общественных связей губернатора Красноярского края, и Н.И. Дроздов, доктор исторических наук, профессор, директор Красноярского филиала университета Российской академии образования. День благодарения малой родины кежмари посвятили 90-летию со дня рождения А.Ф. Карнаухова – ангарца, участника Великой Отечественной войны, учителя, народного поэта. В частности, был издан дополненный «Краткий словарь Кежемского говора (Кежемского Приангарья)» А.Ф. Карнаухова (2003). Второй день прошёл в г. Дивногорске: молебен о малой родине в Свято-Знаменском храме, экскурсия по приходу, чай-пауза и др.

2017 год

17–19 февраля, МВДЦ «СИБИРЬ». РОССИЙСКИЙ ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

Участие Кежемского землячества в I Российском патриотическом фестивале (выставка).

12–15 мая. III ФЕСТИВАЛЬ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ НАРОДОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Фестиваль проводился совместно с КРОО РРТСС «Живая старина». Основные мероприятия: дефиле костюмов, выставка «Традиционная одежда русского населения Сибири», «Праздничный поезд», весенне-летние хороводы и др. Кежемским землячеством организован и проведён круглый стол «Роль и функции традиционной культуры в формировании идентичности в современном социокультурном пространстве». Важным итогом фестиваля стал обмен опытом по сохранению и распространению традиций русской старожильческой культуры в рамках СФО (Сибирского федерального округа).

21–22 октября, Красноярск–Дивногорск. ДЕНЬ БЛАГОДАРЕНИЯ МАЛОЙ РОДИНЫ

Темы второго Дня благодарения малой родины: 90-летие Кежемского района, 20-летие земляческих встреч, 3-летие Кежемского землячества. В концертной программе участвовали: ансамбль танца «Енисейские зори» имени Г.М. Петухова, ф/а «Живая старина», студенческий ф/а «Берегиня» Красноярского колледжа искусств имени П.И. Иванова-Радкевича, Н. Попов, гости из Кежемского района и др. По ходатайству Совета Кежемского

землячества, Н.И. Дроздову было присвоено звание «Почётный гражданин Кежемского района». Награду вручил глава Кежемского района А.И. Шишкин. Кроме того, была награждена группа земляков за вклад в развитие Кежемского района. Второй день праздника прошёл в г. Дивногорске (молебен, экскурсия и др.). Партнёр мероприятия – Кежемская администрация.

15 декабря, Культурно-исторический центр «УСПЕНСКИЙ». РУССКИЕ СТАРОЖИЛЫ СИБИРИ

Мероприятие открылось выступлением Сибирского мужского хора Культурно-исторического центра «УСПЕНСКИЙ» (хормейстер А. Терещенко). Состоялись презентации: фильма О.А. Нехаева «Забытые в веках» (1995); проекта «Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья» (научный руководитель О.В. Фельде) – публичный отчёт преподавателей и студентов ИФиЯК СФУ. К мероприятию были подготовлены выставки: «Русские старожилы Сибири» (о маркерах идентичности ангарцев), книжная выставка «Сибирская старина» (Красноярский краевой краеведческий музей). Проведены 4 мастер-класса.

2018 год

22–23 февраля, МВДЦ «СИБИРЬ». II ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

Участие Кежемского землячества в работе площадки Дома дружбы народов Красноярского края (экспозиция «Русская изба»).

24, 26 мая. IV ФЕСТИВАЛЬ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ НАРОДОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

24 мая в Государственной универсальной научной библиотеке Красноярского края состоялся круглый стол «Культура русских старожилы Сибири: проблемы и перспективы» с участием учёных, представителей учреждений культуры и общественных организаций; подготовлены 2 выставки. Второй день фестиваля был посвящён Семико-Троицким обрядам на Ангаре, подготовлены фотовыставка, концертная программа с участием исполнителей русских старожильческих песен. Большой интерес вызвал мастер-класс по семико-троицким обрядам; для детей – мастер-класс по ДПИ.

16 мая были проведены 2 мастер-класса по приготовлению старинных ангарских блюд (бурдук, икряник) – совместный проект ГЦНТ (С.В. Калинина), Кежемского землячества и Школы этножурналистики ИФиЯК СФУ (рук. В.Б. Вараксина). В 2019 году ангарское блюдо «бурдук» получило статус ОНН (объект нематериального наследия) и вошло в Каталог «Нематериальное культурное наследие народов России». <http://xn--jlagjv.xn--plai/culture/tekhnologiya-izgotovleniya-traditsionnogo-sibirskogo-blyuda-burduk-kezhemskiy-rayon-krasnoyarskogo-k/>

12 июня, о. Татышев. ДЕНЬ РОССИИ

Участие Кежемского землячества в международном фестивале «День России. Содружество на Енисее» (организатор: Дом дружбы народов Красноярского края). Наша площадка познакомила красноярцев с культурой русских старожилов Сибири (ангарцев). Временно исполняющему обязанности Губернатора края А.В. Уссу и главе города С.В. Ерёмину были вручены издания Кежемского землячества.

20–21 октября, Красноярск–Дивногорск. ДЕНЬ БЛАГОДАРЕНИЯ МАЛОЙ РОДИНЫ

20 октября в Центре культурных инициатив прошёл первый день праздника. В концерте приняли участие А. Киселёва, солистка Красноярского государственного театра оперы и балета имени Д.А. Хворостовского, заслуженный работник культуры Красноярского края; вокальная группа «Акцент» (ЦКИ) и дуэт из г. Кодинска, фольклорные коллективы («Живая стАрина», «Пимочки») и др. Прозвучали темы: 300 лет д. Заимке, юбилеи Кежемской, Болтуриной, Проспихинской средних школ, традиции праздника Покрова Пресвятой Богородицы и др. Подготовлена фотовыставка о культуре русских старожилов Сибири (в частности, традиции ангарской кухни) и деятельности Кежемского землячества, а также этнографическая выставка (личные коллекции ангарцев; передвижной этнографический музей Т.В. Дудоровской). В выставке участвовали: Кежемский историко-этнографический музей имени Ю.С. Кулаковой (выставка-дегустация чая), Межпоселенческий районный дом культуры «Рассвет» (коллекция кукол), Кежемская межпоселенческая Центральная районная библиотека имени А.Ф. Карнаухова (выставка книг с рецептами ангарской кухни); а также кафе «Славянский двор». 21 октября в Свято-Знаменском храме (г. Дивногорск) прошёл молебен в память о малой родине. Затем ангарцы посетили Дивногорский художественный музей (экскурсия по выставке, посвящённой 130-летию Свято-Знаменского храма) и концерт «Покровские встречи» в ДК «Энергетик».

Изданы буклет «Ангарская кухня / Кухня русских старожилов Сибири» (рецепты, культура застолья и праздника, ценностные пристрастия к определённой пище и др.) и магнит «Ангарцы любят кашу мушну да рыбу душну!».

4 ноября. ДЕНЬ ЕДИНСТВА

Участие в празднике: организация площадки «Русское подворье» (площадь у БКЗ). Организатор: Дом дружбы народов Красноярского края.

15 декабря, Культурно-исторический центр «УСПЕНСКИЙ». РУССКИЕ СТАРОЖИЛЫ СИБИРИ

Мероприятие было посвящено 110-летию Ю.С. Кулаковой – ангарке, комсомолке 1920-х, избачу, ликвидатору неграмотности, краеведу. Главным делом её жизни стал Кежемский музей, к созданию которого она приступила на 75-м году жизни. Сегодня Кежемский историко-этнографический музей носит имя своего создателя (с 1994). Главным в ней был ангарский стержень, ангарский характер, определивший

судьбу. Жизнь Ю.С. Кулаковой – достойный пример для молодого поколения ангарцев. К мероприятию были подготовлены: лекция-презентация и выставка «Дочь Ангарь» (с участием Кежемского историко-этнографического музея имени Ю.С. Кулаковой), видеосюжет Н.И. Дроздова, видеосюжет об открытии первой экспозиции музея в г. Козинске (1990). С воспоминаниями выступили Г.Г. Белоусова, О.А. Нехаев (г. Зеленогорск) и др. Прозвучали байка «Баушка с хламом» В. Бутаковой и стихи А.Ф. Карнаухова «Посвящение музею» в исполнении А.Н. Атаевой, Е.Ю. Калининой, директору Кежемского историко-этнографического музея имени Ю.С. Кулаковой, Л.Л. Карнаухова передала талисман Юлии Степановны – слоники (подарок друзей-комсомольцев в 1926 году). Состоялись мастер-классы для взрослых и детей (роспись керамического изделия по мотивам филимоновской игрушки).

2019 год

22 апреля – 8 июня. V ФЕСТИВАЛЬ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ НАРОДОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

22 апреля, Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края: презентация фильма «Её добрый след на земле» (Кежемский историко-этнографический музей имени Ю.С. Кулаковой). Воспоминаниями о создателе музея поделились Г.Л. Рукша, Н.И. Дроздов, И.И. Карнаухов, Н.П. Макаров, В.Г. Фетисов и др.

13 мая: мастер-класс (кафе «Славянский двор») по приготовлению ангарского блюда «мучная каша» – почти забытого блюда ангарцев.

8 июня, МАУ «Городской Дворец культуры „Кировский“»: концертная программа с участием творческих коллективов ГДК «Кировский», ф/а «Живая стАрина» и др.; презентация фильма А. Гришакова «Живая стАрина» (о коллективе И. Горева); мастер-класс. Подготовлена фотовыставка о деятельности Кежемского землячества за 5 лет.

12 июня, о. Татышев. ДЕНЬ РОССИИ

Участие Кежемского землячества в международном фестивале «День России. Содружество на Енисее» («Русское подворье»). Организатор: Дом дружбы народов Красноярского края.

9–10 августа, Енисейск. 400-ЛЕТИЕ Г. ЕНИСЕЙСКА

Участие Кежемского землячества в юбилейных мероприятиях (выставка).

24 августа, Козинск. АНГАРСКИЙ ПИРОГ

Поездка 22–26 августа представителей Кежемского землячества и учёных ИФиЯК СФУ на V Юбилейный праздник Кежемского района «АНГАРСКИЙ ПИРОГ». В рамках праздника работала выставка Кежемского землячества «Русские старожилы Сибири». 23–25 августа были записаны «устные истории» ангарцев.

5–6 октября, Красноярск–Дивногорск. ДЕНЬ БЛАГОДАРЕНИЯ МАЛОЙ РОДИНЫ

Основная часть концертной программы посвящалась истории и традициям малой родины: 400-летие г. Енисейска (наши предки пришли на Ангару через Енисейск; енисейские купцы и мастера возводили церкви в Кежемской волости и др.), 90-летие лесной отрасли Красноярского края и Кежемского района, 10-летие Прощания с родиной и др. В концерте приняли участие И. Шульгина, солистка ансамбля «КрасА» (Красноярская краевая филармония), творческие коллективы ЦКИ, ф/а «Живая старина» и «Родники» (г. Козинск), сотрудники Кежемского историко-этнографического музея имени Ю.С. Кулаковой (сценка на ангарском говоре) и др. Особое впечатление произвело исполнение И. Горевым отрывка из былины «Добрыня и Алёша». Перед участниками мероприятия выступил Глава Кежемского района П.Ф. Безматерных. Проведены: мастер-класс, фотовыставка и этнографическая выставка (личные коллекции ангарцев). В выставке также участвовали: Кежемский историко-этнографический музей имени Ю.С. Кулаковой (интерактивная выставка-дегустация чая), Кежемская межпоселенческая Центральная районная библиотека имени А.Ф. Карнаухова (выставка книг), выставка-дегустация блюд традиционной русской старожильческой кухни (рыбный, ягодный, черёмуховый пироги, шаньги налевошные, заливная щука, рыба запечённая, мушная (мучная) каша, бурдук, творожники, тальниковый чай). Первый день мероприятия традиционно завершился чаепитием. 6 октября: молебен в Свято-Знаменском храме (г. Дивногорск), экскурсия в Дивногорском художественном музее, выступление народного ансамбля «Здравица», чаепитие. В мероприятии участвовала представительница Управления общественных связей Губернатора Красноярского края Е.В. Нельзина.

Выставки-дегустации блюд традиционной русской старожильческой кухни являются обязательным элементом мероприятий Кежемского землячества. Авторы ангарских блюд: Е.И. Акулова, А.Н. Атаева, В.М. Батня, Т.В. Деревянных, Н.В. Попова, Т.В. Турова, Г.М. Хомайко и др.

4 ноября. ДЕНЬ ЕДИНСТВА

Участие Кежемского землячества в работе площадки «Чайная» (о чайных традициях разных народов) на Театральной площади. Наша мини-выставка рассказывала о русской / ангарской традиции чаепития. Ангарцы познакомились с этим диковинным напитком раньше, чем москвичи, поскольку чай вначале доставлялся из Китая по Ангаре в Енисейск и далее. Кроме того, у ангарцев был и свой «чай» (тальниковый, из чаги, корней шиповника), с которым мы и знакомили красноярцев. Организатор мероприятия: Дом дружбы народов Красноярского края.

Октябрь 2019 г. Проект КРОО СКРССС «Кежемское землячество» «Фестиваль старожильческих народов Красноярского края» стал финалистом II Всероссийского конкурса лучших практик в сфере национальных отношений. Инициаторы и организаторы Конкурса – Общероссийская общественная организация «Ассамблея народов России», Автономная некоммерческая организация «Ресурсный центр в сфере национальных отношений» в партнерстве с Общероссийским общественным движением «Сотворчество»

народов во имя жизни» (Сенежский форум). Конкурс проводится при поддержке Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям.

14 октября 2019 г. Проект КРОО СКРССС «Кежемское землячество» «Кежемская Матёра: код малой родины» (заявка № 19-2-008114) стал победителем второго конкурса президентских грантов в 2019 году. Сроки реализации проекта: 1 ноября 2019 года – 31 декабря 2020 года. Основные мероприятия проекта: 7 выездных мероприятий (3 выезда в Дивногорск, Богучаны, Енисейск, Лесосибирск, Козьмодемьянск), 4 издания (в т.ч. числе Книга воспоминаний), круглый стол, презентации и др. Партнёры проекта: Дом дружбы народов Красноярского края, ИФиЯК СФУ, КРОО РРТСС «Живая страница».

Составитель Л.Л. Карнаухова

АВТОРЫ

- Анохин Борис Григорьевич, бортмеханик. (Красноярский край, п. Ирбейский)
- Атаева (Быкова) Альбина Николаевна, ангарка. (г. Красноярск)
- Бич (Бабинчук) Елена Илларионовна ангарка. (Республика Молдова, г. Тирасполь)
- Брюханов Василий Григорьевич, ангарец. (г. Красноярск)
- Вавилова (Карнаухова) Ольга Ивановна, ангарка, учитель. (г. Волгоград)
- Верховых Борис Петрович, ангарец. (Красноярский край Кежемский район, г. Козинск)
- Воронцов Николай Юрьевич, ангарец, авиатехник. (С.-Петербург)
- Гапоненко Александр Петрович, старший бортмеханик-инструктор. (г. Красноярск)
- Гафнер Карл Карлович, ангарец. (г. Красноярск)
- Голубева Мария Ивановна, учитель. Похоронена в г. Красноярске в 2016 г.
- Диких (Кузнецова) Зинаида Александровна, ангарка. (Хакасия, г. Абакан)
- Дмитриева Галина Александровна, учитель. (Красноярский край Шушенский район, п. Сизая)
- Заборцев Валентин Яковлевич, ангарец (г. Красноярск)
- Замула (Бич) Рита Александровна, ангарка. (Республика Молдова, г. Тирасполь)
- Казанцев Сергей Александрович, лётчик. (Красноярский край Кежемский район, г. Козинск)
- Калинина (Карнаухова) Елена Юрьевна, ангарка. (Красноярский край Кежемский район, г. Козинск)
- Карнаухова (Цедилина) Любовь Леонидовна, ангарка. (г. Красноярск)
- Костина (Колпакова) Людмила Ивановна, ангарка. (г. Красноярск)
- Королёв Николай Петрович, лётчик. (Красноярский край, с. Богучаны)
- Кузнецов Александр Никифорович, ангарец.
- Левандовский Иван Альфонсович, Заслуженный пилот СССР. (г. Красноярск)
- Локтионова Валентина Степановна, учитель. (Красноярский край Кежемский район, г. Козинск)
- Львова (Парфёнова) Вера Матвеевна, ангарка. (г. Красноярск)
- Мельников Владимир Климентьевич, лётчик.
- Петриков Сергей Александрович, ангарец, Заслуженный пилот России. (г. Красноярск)
- Попов Николай Васильевич, ангарец. (г. Красноярск)
- Рукоусева Людмила Николаевна, ангарка. (Красноярский край, с. Богучаны)
- Сялягин Юрий Валентинович, ангарец, вертолётчик. (Красноярский край, с. Богучаны)

| Авторы

Самигулин Равиль Самигулович, лётчик. (г. Красноярск)

Сизых Николай Максимович, ангарец, авиатехник. (г. Красноярск)

Славская Фаина Ивановна, учитель. (г. Красноярск)

Сорокин Владимир Леонидович, ангарец, лётчик. (г. Красноярск)

Федяев Ювиналий Павлович, учитель. (Красноярский край, г. Дивногорск)

Фигурин Станислав Михайлович, лётчик. (г. Красноярск)

Флейшман (Махмутова) Надежда Григорьевна. (г. Красноярск)

Шадерова (Усольцева) Ольга Григорьевна, ангарка. (г. Красноярск)

Шешина (Кузнецова) Надежда Александровна, ангарка. (Красноярский край
Кежемский район, п. Имбинский)

Семьи братьев Заборцевых («Трошата»). д. Заимка. 1925. 1 ряд (слева направо): Домна, её мать Наталья и отец Андрей Ксенофонтович, Сергей Ксенофонтович, и его супруга Евдокия и её мать. Стоят (слева направо): дети Андрея: Дарья, Иван, Николай, Яков, Василиса; Варвара Ксенофонтовна

Пётр Константинович Быков. Куторея. 1938

Выгрузка хлеба из комбайна

Зерносушилка колхоза «Заветы Ильича», с. Кежда. Начало 1970-х

*Александр Карлович Гафнер, комбайнёр
колхоза «Пробуждение», с. Паново. 1960-е*

*Иван Антонович Макаров, шофёр колхоза
«Колос Октября», д. Селенгино. 1960-е*

Доярки плывут на дойку. 1950-1960-е

Татьяна Ивановна Журавлёва (Брюханова), доярка колхоза «Заветы Ленина». д. Аксёново. 1960-е

Варвара Иосифовна Панова, свиарка колхоза «Пробуждение». с. Паново. 1960-е

Стадо коров на берегу Ангары (о. Пахотный). Пастух А.Р. Кочнев. Колхоз имени Сталина. д. Заимка. 1960

Совещание животноводов. д. Аксёново. 1975

На покосе. с. Паново. 1970-е

В колхозе «Пробуждение», с. Паново. 1970-е

Сенокос. 1975

На рейде

Демонстрация 7 ноября в п. Болтурино. 1970-е

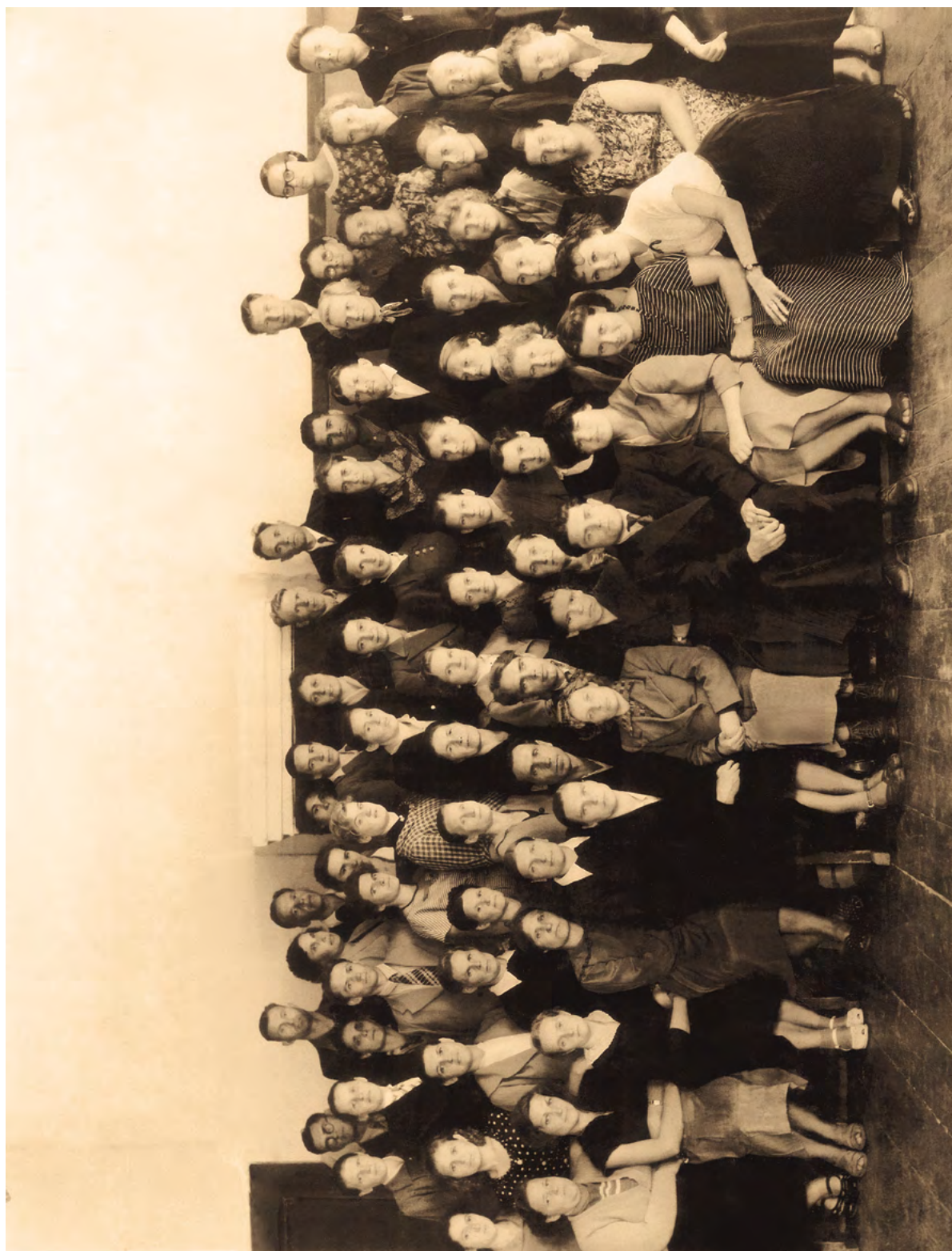

Вид на п. Болтурино с Лысой «горки»

Сотрудники сельской администрации: (слева направо) М.И. Козлов, Л. Радченко, М.П. Мелькова, Л.А. Борисова, Н.П. Позднева (Попович), Г. Бербега (Позднева). Сидят (слева направо): В.Д. Шешин, Я.Н. Панов. п. Болтурино. 1998-1999

Конференция учителей Кежемского района. 20 августа 1960 года

Районное совещание. Слева направо: Ю.П. Федяев (1 ряд: 2-й слева); И.А. Островский, А.Г. Убиенных (2 ряд: 3-й, 4-й слева); И.К. Федяева, К.Г. Усольцева (3 ряд: 1-я, 2-я справа), И.И. Карнаухов (5-й ряд). с. Кежма. 2 июля 1964 года

Ученики Кежемской средней школы с учителем русского языка и литературы И.К. Федяевой. 1950-е

Стоят (слева направо): К.Г. Усольцева, И.К. Федяева, ?, ?, Е.Ф. Карнаухова, Ю.П. Федяев. 1 ряд (справа налево): А.Г. Цыганкова, Н.А. Карманова. 1950-е

И.К. и Ю.П. Федяевы. г. Дивногорск. 1970-е

Почётный гражданин г. Дивногорска Ювиный Павлович Федяев

Выпускники Проспихинской средней школы с В.В. Умрихиным (2 ряд, 2-й справа) и В.С. Локтионовой (1 ряд, 2-я справа). 1988

День Пионерии в Проспихинской средней школе. 1960-е

Школа в д. Фролово. Начало 1970-х

Учительский коллектив Фроловской 8-летней школы: 1 ряд (слева направо): Г.П. Верхотурова, ?? Панов, Н.М. Черных, Ф.А. Черных, ?? Секурцева. Стоят (слева направо): В.П. Лысова, П.П. Карнаухова, Ф.И. Славская, В.И. Козлова, Э.В. Штайнмети, Н.А. Диденко. Январь 1971

Кежемские пилоты. 1950-е. Г.Ф. Туров (1 ряд, 1-й справа:). Н.Е. Цыганков (стоят, 1-й справа)

Михаил Алексеевич Карнаухов, пилот-ангарец. 1950-е

Кежемские пилоты. Ю.С. Куркин (1-й справа), Г.Ф. Туров (в центре). с. Кежда. 1950-е

Подготовка вертолётa Ми-1 к полёту завершена. Начало 1960-х

Периодическое техническое обслуживание По-2. 1950-е

Анатолий Александрович Максин, пилот По-2. 1950-е

Кежмари «знакомятся» с вертолётom Ми-4. Иосиф Степанович Косолапов (в центре), фотолетописец Кежмы. 1950-е

Равиль Самигулович Самигулин, пилот вертолётa Ми-1. Начало 1960-х

Семья Липп-Устиновых: Л.Я. и Н.А. Устиновы (задний план), братья Владимир и Александр Устиновы (передний план), Я.С. Липп (1-й справа). с. Кежда. 1960-е

Юрий и Валентин Валентинович Салягины. с. Кежда. 1973

Сергей и Николай Ермолаевич Цыганковы. с. Кежда. 1970-е

Курсанты Кременчугского ЛУ ГА. Ю.В. Саягин (со знаменем). 1974

Вид на Кежемский аэропорт. 1980-е

Строительство ВПП (взлётно-посадочной полосы), с. Кежма. 1980-1981

В.М. Хлыбов, С.М. Яковлев, В.Т. Ткач. Конец 1970-х

Ю.Г. Карнаухов, А.П. Гапоненко, А.Л. Ветлугин. 1970-е

Колонна Кежемского ОАО на первомайской демонстрации. с. Кежда. 1980-е

А.П. Гапоненко, Г.Н. Карнаухов, А.А. Маслодудов. Начало 1980-х

Авиатехник по электрооборудованию воздушных судов В.В. Привалихин. 1970-е

Приём госкомиссией ВПП в аэропорту «Кодинск». Слева направо: В.П. Милентьев, А.Н. Дёмин, В.А. Извозчиков... 1989. Фотография О. Нехаева

Вертолётчики Юрий Валентинович Салягин (слева) и Сергей Дмитриевич Рожков. Эвенкия. 1977

Слева направо: В. Хоменко, А.Н. Дёмин, В.И. Козлочков, М.А. Полончук, Г.И. Романов, Н.В. Тарасов, Ф.Г. Казарина. На переднем плане: Б.Н. Семенов, Л.А. Муромцев. с. Кежма. Начало 1980-х

Проводы на пенсию Н.В. Тарасова, pilota вертолётов Ми-4 и Ми-8. с. Кежма. 1980-е

На охоте в районе р. Юдакон (при впадении в р. Чадобец). Лётчики А.А. Максим, В.К. Мельников, В.И. Чистяков, ангарец И.М. Панов. 1960-е

Спортивная команда Кежемского ОАО: (слева направо) В. Воловик, А. Усольцев, А. Столбиков, С. Соломатов, Ю. Салягин, С. Маслов. с. Кежда. Конец 1970-х

Лётчики 1950-х А.И. Петриков и А.А. Максин. Начало 2000-х

И.А. Левандовский (слева) и С.М. Фигурин на Северном Полюсе

Иван Альфонсович Левандовский, заслуженный пилот СССР. г. Красноярск. 2000-е

Сергей Александрович Петриков, заслуженный пилот России. 2000-е

Николай Юрьевич Воронцов (слева). С.-Петербург. 2000-е

Лётчики Иван (слева) и Пётр Сизых. 2000-е

Встреча земляков. Группа «Кежма». г. Красноярск. 2014

Л. Карнаухова передаёт писателю З. Прилепину фильм Э. Астраханцевой «Последняя рыбалка Тамары». 2014

Ангарцы исполняют старинные песни на открытии новой экспозиции Литературного музея. г. Красноярск. 2014

Г.В. Афанасьева-Медведева (справа) записывает воспоминания Е.К. Туровой. г. Красноярск. 2014

(Слева направо): В.С. и К.К. Гафнеры, Т.Ю. Федяева на презентации книги. Литературный музей. 2015

Выставка-дегустация ангарских блюд

В.В. Кузнецова и Е.И. Акулова. 2018

Встреча со старшеклассниками школ г. Кодинска. 2016

Первый Фестиваль старожильческих народов Красноярского края. г. Кодинск. 4 июня 2016 года

(Слева направо): Е. Смирнов, К. Смирнова, С. Афанасьев на I Российском патриотическом фестивале. 2017

День благодарения Малой Родины. Молебен в Свято-Знаменском храме. г. Дивногорск. 2017

Вручение Н.И. Дроздову знака «Почётный гражданин Кежемского района». Глава Кежемского района А.И. Шишкин (справа). г. Красноярск. 2017

Н.И. Дроздов с ангарцами В.М. Хомайко и М.И. Зарубиным. День благодарения Малой Родины. 2017

Мастер-класс на мероприятии «День благодарения Малой Родины». 2017

Сёстры Валентина и Галина Пановы. г. Кудинск. 2017

Фольклорный ансамбль «Живая старина» проводит троицкий обряд с берёзой. Фестиваль старожильческих народов Красноярского края. 2018

Круглый стол в рамках Фестиваля старожильческих народов Красноярского края. 2018

Ангарцы знакомятся с выставкой, посвящённой Ю.С. Кулаковой. Русские старожилы Сибири. 2018

Мастер-класс на мероприятии «Русские старожилы Сибири». 2018

Чаепитие на мероприятии «Русские старожилы Сибири». 2018

Этноурок в Международный день родного языка. Дивногорский художественный музей. 2019

Г.Л. Рукиша на презентации фильма о Ю.С. Кулаковой. г. Красноярск. 2019

Мастер-класс по приготовлению мучной каши проводит Н.В. Попова. Май 2019

День благодарения Малой Родины. 2019. (Слева направо): Е. Смирнов, Н. Попова, Л. Карнаухова, Глава Кежемского района П.Ф. Безматерных, О. Фельде, Э. Астраханцева, Ю. Косолапов

КЕЖЕМСКАЯ МАТЁРА

Составитель Л.Л. Карнаухова

В книге использованы фотографии из личных архивов ангарцев, из фондов Кежемского историко-этнографического музея имени Ю.С. Кулаковой

Подписано в печать 16.12.19.
Тираж 200 экз. Заказ №627.

Отпечатано ООО РПБ «Амальгама»
660021, г. Красноярск, ул. Дубровинского, 112
т. 221-86-27, 221-84-75
e-mail: amalgama2007@mail.ru